Музей БГПУ
КАФЕДРА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БАРНАУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ И НА АЛТАЕ (археология, этнография, устная история) 2004 г.

Материалы региональной научно-практической конференции

9 - 11 декабря 2004 г.

Барнаул 2005

УДК 902 + 39

ББК 63.4(2Р5) + 63.5 (2Р5)
П 491

Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г.: Изд-во БГПУ, 2005. 194 с.

Редакционная коллегия:
М.А. Демин, *д-р ист. наук, профессор;*
Т.К. Щеглова, *д-р ист. наук, профессор;*
А.Н. Телегин, *старший преподаватель*

В сборнике публикуются материалы региональной научно-практической конференции, посвященной полевым исследованиям в области археологии, этнографии и устной истории, выполненным различными научными, учебными и музейными центрами, на территории Юга Западной Сибири преимущественно в 2004 году

Издание рассчитано на историков, археологов, этнографов, краеведов и всех интересующихся прошлым данного региона.

На обложке: мраморная голова с устья реки Шамониха и бронзовое изделие из окрестностей с. Победа

ISBN 5-88210-299-5

© Издательство БГПУ, 2005

Предисловие

В декабре 2004 года в Барнаульском государственном педагогическом университете состоялась региональная конференция, посвященная итогам минувшего полевого сезона. В ее работе приняли участие исследователи, в сфере научных интересов которых, находились источники по археологи, этнографии и устной истории Верхнего Приобья и Алтая. Основная цель проведенной конференции, **которая по замыслу ее организаторов должна стать ежегодной**, заключается в оперативном введении в научный оборот материалов, полученных в ходе полевых экспедиционных работ.

Безусловно, идея конференции не нова. Близкие по характеру задачи решаются, например, в рамках ежегодных итоговых сессий Института археологии и этнографии СО РАН. Однако, публикуемые материалы сессий, в силу академического формата последних, не охватывают весь спектр проводимых в регионе полевых исследований. Между тем, большую экспедиционную работу в Верхнем Приобье и на Алтае осуществляют представители многих научных, учебных и культурно-просветительских учреждений. На их участие, в первую очередь, и рассчитана заявленная конференция. В ее работе и, что не менее важно, на страницах издаваемых сборников, должны найти свое место и материалы краеведческих (школьных, музейных, личных) изысканий, которые чаще других остаются вне сферы научного внимания, а нередко и теряются в силу отсутствия условий для надлежащего хранения. Важной представляется публикация научных и вузовских исследований, что позволит оперативно информировать научную общественность о новых открытиях и поставить на обсуждение те вопросы, которые впоследствии будут вынесены на научные конференции, посвященные той или иной исторической проблеме. Достойное место в сборнике занимают работы молодых исследователей: студентов, магистрантов и аспирантов. Именно они представляют собой наиболее активный и перспективный отряд исследователей, ежегодно пополняющий источниковую базу науки. Для них публикация своих материалов и вынесение на суд специалистов теоретических выводов и гипотез позволит быстрее утвердиться в научном сообществе и поможет в работе над темой научного исследования.

Ряд работ посвящен не только результатам исследований последнего года, но и обобщает изыскания последних нескольких лет. При этом,

редколлегия стремилась отобрать рукописи, базирующиеся на новых полевых исследованиях и в дальнейшем будет стремиться четко выдерживать этот принцип, определяющий специфику данного издания.

А.Л. Кунгуров

Археологические памятники и находки Целинного района

(Барнаул, Алтайский государственный университет)

Первая археологическая находка в Целинном районе сделана в 1932 году в 18 верстах северо-западнее с. Шадрино на возвышенности Татарской Камешек (рис. 1). При распашке поля плугом трактора из насыпи кургана (?) был вывернут железный шлем. Зимой этого же года находчик – А.Ф. Бембер, житель с. Бочкари, продал его за три рубля Бийскому краеведческому музею, где он и хранится в настоящее время (БКМ, колл. № 663006). Шлем состоит из купола каркаса, обруча и навершия. Купол формируют два выпуклых сектора (лобный и затылочный), соединенные по бокам двумя полосами каркаса. К куполу снизу прикреплен железными заклепками двусоставной обруч, имеющий на лобной половине надбровные вырезы с переносьем, окантованные накладной пластиной. По кромке периметра шлема имеются отверстия для крепления бармицы, защищающей шею, и отверстие с расклепанным штифтом, в который вдето кольцо для подвешивания шлема в походном положении. Шлем венчает навершие – втулка для плюмажа (рис. 12-1). Изделие датируется XIII–XIV вв. н.э. и неоднократно публиковалось в обобщающих работах (Горелик, 1983, табл. VIII-2; Горелик, 1987, с. 192; Горбунов В.В, Тишкин А.А, 1998, с. 263, рис. 3; Горбунов В.В, Исупов С.Ю., 2002, с. 136–137).

С 50-х годов случайные находки древних предметов местными жителями начал собирать Петр Федорович Рыженко, учитель средней школы с. Победа. Накопленные им материалы стали основой сначала для школьного, а затем для поселкового краеведческого музея. Сведения о находках в окрестностях сел Победы и Степь-Чумыша неоднократно привлекали внимание различных исследователей, проводивших осмотр местности, где были сделаны находки, поиск новых памятников. В 60-х годах разведочные работы на Чумыше провел В.А. Кац, открывший несколько новых курганных могильников, в 70-х годах андроновские могильники на Манжихе и у старого кирпичного карьера обследовал А.П. Уманский. Им же были исследованы погребения раннего железного века и средневековья на территории Ельцовского района, граничащего с Целинным (Точка, Татарские могилки). Материалы музея осматривали археологи из Новосибирска, Новокузнецка, Бийска и Барнаула. С середины 80-х годов обследования Целинного района начали систематически проводить сотрудники Алтайского госуниверситета. В работах участвовали А.Л. Кунгуров, Н.Ю. Кунгурова, В.П. Семибратов, В.В. Горбунов, М.М. Маркин. В основном, обследо-

валась долина р. Чумыш, однако отдельные находки происходят из Сухой Чемровки, окрестностей с. Шалап, с отрогов горы Кивда. На все памятники были составлены паспорта, они включены в научные отчеты, поставлены на государственный учет, опубликованы более чем в 30 научных статьях.

Случайные находки. В этот раздел сведены различные древние артефакты, происходящие из разных мест Целинного района. Осмотр мест их обнаружения не привел к открытию каких-либо памятников, однако все они картографированы (рис. 2-2) и подробно проанализированы.

Каменный век. К этому периоду нами отнесены семь костяных орудий палеолитического времени, а также четыре, видимо, неолитических артефакта. Многочисленные и разновременные каменные изделия от леваллуазских острий и нуклеусов до неолитических шлифованных топоров частично опубликованы в нескольких статьях (Кунгуров А.Л., 1987, 1993, 1995, 1997, 1998; Кунгуров А.Л., Маркин М.М., 1995, 1997).

Костяные (2) и роговой гарпуны (определения сделаны А.В. Гальченко и П.А. Косинцевым).

1. Полный двусторонний гарпун. Обнаружен П.Ф. Рыженко в начале 60-х годов на правобережной отмели р. Чумыш в юго-восточной части с. Победа. Цвет темно-серый, кость частично минерализована, что характерно для органических остатков из аллювиальных горизонтов долины реки. Сохранность изделия отличная, следов окатанности нет, размеры 16,5Ч1,7Ч0,6 см. Изготовлено из трубчатой кости крупного копытного. Предположительный алгоритм оформления гарпуна:

- продольное расщепление диафизной трубки, подгонка заготовки по длине и ширине;
- вырезание (вытачивание?) заготовки с зауживающимися концами овального сечения;
- оформление боковых «крыльев» заготовка с помощью скобления каменным инструментом, оставившим многочисленные параллельные борозды;
- вырезание подтреугольных выемок в «крыльях», образующих зубцы гарпуна, расположенные попеременно по шесть с обеих сторон;
- приострение жалец зубцов абразивной подточкой и углубление их оснований несколькими соединяющимися пропилами;
- оформление насада: пропиливание в начале насада подтрапециевидной выемки и нанесение насечек для закрепления в древке. Более крупные нарезки оформлены на стыке рядов зубцов и наса-

да, при этом две нанесены на жальце последнего зубца. Ниже крепежной выемки по краю подтреугольного насада нанесены пропилкой мелкие риски – с одной стороны 15, с другой – 16.
шлифовка законченного изделия.

Получившийся наконечник имеет центральный округлый в сечении стержень с попеременно расположенными по краям зубцами с оттянутыми вниз острыми жальцами (рис. 3-5).

2. Обломок двустороннего гарпуна. Обнаружен П.Ф. Рыженко в 1983 г. на левобережной отмели Чумыша в районе старого моста, соединяющего села Степь-Чумыш и Победу. Цвет темно-серый, кость частична минерализована. Сохранность аналогична предыдущему изделию. Верхняя треть гарпуна отломана в более позднее время. Размеры 16-16,5Ч1,8Ч0,9 см. Изготовлен из трубчатой кости крупного копытного так же, как и предыдущий наконечник. Законченное изделие имело центральный округлый в сечении стержень от которого по краям отходили попеременно расположенные зубцы. В отличии от первого гарпуна зубцы крупнее и реже: пять с одной стороны и четыре с другой (не исключено немногим большее количество зубцов, если допустить увеличение длины изделия). Зубцы разных краев немного отличаются по форме: со стороны подпрямоугольного крепежного выреза выемка, выделяющая зубец, более округлая, а жальце имеет плавные очертания; противоположный ряд образуют зубцы треугольной формы. Четко видны пропилы, моделирующие структуру гарпуна (рис. 3-7). Насад треугольный, по его краям также нанесены риски – девять со стороны выреза и восемь с противоположной.

3. Полный двусторонний гарпун. Обнаружен П.Ф. Рыженко там же где и предыдущий в 1997 году. Цвет светло-коричневый, рог частично минерализован. Сохранность изделия отличная, хотя имеются поздние отломы трех зубцов. Размеры 18,5Ч1,7Ч0,9 см. Изготовлено из рога северного оленя. Один фас изделия частично сохраняет остатки поверхности рога, хотя и несколько стертые шлифовкой. Алгоритм изготовления наконечника несколько иной, отличия связаны с другим сырьем:

- оформление заготовки из рогового отростка путем срезания изогнутых поверхностей в ее верхней трети и в нижней части;
- обрезание и обскабливание роговой массы до придания заготовке необходимой овально-линзовидной в сечении формы;
- далее процесс изготовления аналогичен костяным гарпунам – вырезание треугольных выемок для зубцов, подтрапециевидных для крепления и оформления насада.

Готовое изделие существенно отличалась от уже описанных не только более крупными размерами, но и большим количеством более мелких и часто посаженных зубцов (13 и 12), наличием двух крепежных выемок и существенным сужением толщины пера к острию. Последнее возможно связано с особенностью субстрата заготовки (рис. 3-6). Зубцы, также оформленные с помощью пропила, имеют закругленные очертания, а их жальца сильнее оттянуты вниз. На треугольном насаде, отделенном от рядов зубцов двумя неровными крепежными выемками, фиксируются по краям риски (девять с одной стороны и десять с другой).

В целом же наконечники гарпунов достаточно схожи между собой и несомненно предназначены для охоты на животных, а не для добычи рыбы. Подобные изделия в Сибири не встречены, их обработка, размеры, расположение зубцов и насады вызывают явные верхнепалеолитические мадленские ассоциации. Этому не противоречит сохранность и частичная минерализация наконечников.

Наконечники копий (2).

4. Полный цельнокостяной наконечник с режущими лезвиями и уплощенным насадом. Найден П.Ф. Рыженко на правобережной отмели Чумыша в районе северной окраины с. Победа. Цвет темно-коричневый, кость частично минерализована. Имеется незначительный поздний облом острия изделия и кромки насада. Размеры 23,5-24Ч1,4Ч0,7 см. Изготовлено из трубчатой кости крупного копытного по схеме и алгоритму, аналогичному процессу оформления костяных гарпунов. Существенные отличия заключаются в следующем:

- узкие боковые «крылья» заготовки не превращены вырезами в зубцы, а заточены шлифовкой до остроты ножа;
- насад оформлен двумя срезами костной массы с фасов наконечника и имеет неровноподпрямоугольное сечение.

Законченная форма наконечника более всего напоминает восточноевропейские «веретенообразные» палеолитические наконечники округлого сечения (Палеолит СССР, 1984, с. 242; Палеолит среднего Приднестровья, 1959, с. 106-107 и т.д.) и наконечник копья из Мальты (Герасимов М., 1931, табл. 9). Однако отличие побединского копья не только в сырье, но, прежде всего, в наличии узких режущих перьев вдоль обоих краев наконечника. Подобного оформления наконечников копий авторам неизвестно (рис. 3-4).

5. Полный наконечник с одним продольным пазом. Найден П.Ф. Рыженко в конце 70-х годов на отмели правобережья Чумыша в районе устья р. Шамониха. Цвет коричневато-серый, рог частично минерализован. Размеры 20Ч1,8Ч0,85 см. Сохранность хорошая. Нако-

нечник изготовлен из слегка изогнутой роговой пластины и хорошо зашлифован, поэтому восстановить алгоритм его оформления сложно. Естественная поверхность рога срезана по всей поверхности. Сечение наконечника уплощенно-овальное, острие пера сужено, насад округлый и уплощенный. Имеются многочисленные короткие нарезки для сцепления с древком и крепления обломка (рис. 3-2). По всей поверхности сохранились затертый следы выборки рога долотовидным инструментом. Паз глубиной до 3 мм и шириной 1,5-3 мм начинается в 3 см ниже острия и заканчивается в 6 см выше основания – насада. Последний имеет округлую форму, 13 поперечных и четыре косых нарезки для закрепления в древке. Подобные наконечники известны в кокоревской культуре Енисея (Абрамова З.А., 1979; Абрамова З.А., Гречкина Т.Ю., 1985).

Находка стольких наконечников метательного охотничьего вооружения на небольшом отрезке реки наводит на мысль о существовании здесь в позднесартанскую эпоху традиционного места охоты на переправляющихся через реку животных (покол). Только в этом случае утонувшие в случае промаха копья могли попасть в аллювий реки и сохраниться до нашего времени в таком прекрасном состоянии. К сожалению многочисленные находки ископаемой плейстоценовой фауны на Чумыше трудно синхронизировать с временем бытования охарактеризованных наконечников копий и гарпунов. Интересен в этой связи факт обнаружения второго наконечника копья кокоревского типа на р. Алей (Соловьиная Лука) вместе с фауной плейстоценового времени и обломком челюсти человека.

6. Орудие с бородкой. Найдено П.Ф. Рыженко на правобережной отмели р. Чумыш (северо-восточная окраина с. Победа) в конце 80-х годов. Цвет темно-серый. Кость минерализована. Изделие обломано и довольно сильно окатано, т.е. место нахождения нельзя считать первоначальным. Из-за окатанности технология оформления орудия не восстанавливается, как и часть кости, послужившая заготовкой. Отчасти бородка по очертаниям напоминает зубцы гарпунов (рис. 3-8). Назначение орудия непонятно.

7. Обрезанный отросток рога северного оленя. Обнаружен в 90-х годах П.Ф. Рыженко на отмели р. Чумыш около старого моста (левый берег). Рог минерализован, имеет следы подрезания и выдолбленную выемку на обломе. Возможно, этот обрезок является заготовкой для оформления орудия. Минерализация и коричневый цвет свидетельствуют о плейстоценовом возрасте находки (рис. 3-1).

8. Утяжелитель составного рыболовного крючка. Найден П.Ф. Рыженко в конце 70-х годов на левобережной отмели р. Чумыш в

районе подвесного моста (северо-восточная окраина с. Победа). Размеры 6,9Ч0,85Ч0,7 см. Утяжелитель овального сечения изготовлен из темно-коричневой яшмовидной породы способом «гранёной» шлифовки. Головка для крепления линя оформлена в виде выступа на сужающемся веретенообразном цевье. Спинка цевья более прямая. От обушка на спинку пропилен паз шириной 1,5 мм, глубиной 0,5 мм. На противоположном крае нанесены шесть пропилов, охватывающих треть окружности утяжелителя. Судя по этим особенностям жальце из кости или когтя животного было обращено на сторону с пропилами и частично закреплялось так называемым «затылком» в пазу на спинке цевья (Исаенко В.Ф., 1991, с. 99). Хотя пропорции и принципиальная конструкция утяжелителя обычна для сибирского неолита, указанные особенности позволяют рассматривать изделие как новый тип составного рыболовного крючка (рис. 5-3).

9. Костяная лопаточка (ложка-совок). Найдена П.Ф. Рыженко в конце 80-х годов на пашне 50-метрового правого борта долины Чумыша напротив с. Чесноково. В одном из логов расположено оз. Живаево. Изделие вырезано из трубчатой кости крупного копытного, его размеры 9,2Ч4Ч0,15 см. Поверхность хорошо выскоблена и отшлифована (рис. 5-2). Подобные изделия характерны для неолитических культур Прибайкалья, но не являются датирующим инвентарем. А.П. Окладников дал название этим оригинальным предметам «ложки-совки» и отметил, что они «в отличие от настоящих ложек не имеют резкого перехода от резервуара к ручке. Последняя специально не выделяется» (Окладников А.А., 1978, с. 87). В неолитических комплексах Алтая подобные изделия неизвестны.

10. Нож-бифас. Найден П.Ф. Рыженко на левобережной отмели р. Чумыш в районе с. Локоть в 60-х годах. Размеры 12,5Ч5,5Ч1 см (рис. 3-3). Форма клинка миндалевидная, на нижней части одного края оформлены оббивкой и ретушью небольшие выемки, выделяющие рукоять изделия (?). Оба фаса заготовки обработаны широкими встречными сколами и ретушью. Возможная датировка ножа – неолит.

11. Шлифованный топор. Обнаружен П.Ф. Рыженко в 70-х годах на отмели р. Чумыш около моста. Топор представляет из себя бифасиальное массивное изделие длиной 14,5 см с клиновидным в сечении шлифованным лезвием. В ходе использования орудия древние мастера подправляли поверхность, в результате чего часть шлифованной поверхности была удалена поперечными сколами. Возможная датировка – эпоха неолита (корначакская культура) (Кунгуров А.Л., 1997).

Бронзовый век. Исследования в Верхнем Причумышье позволили выявить достаточно большое количество андроновских комплексов

(стационарных поселений, культурных горизонтов на многослойных памятниках, грунтовых и курганных могильников), зафиксированы также отдельные находки ирменской и корчажкинской культур. Подобный диспаритет различных отделов бронзового века не совсем объясним, возможно, ранние и поздние памятники в его рамках еще не обнаружены.

12. Костяное навершие. Обнаружено П.Ф. Рыженко в 70-х годах в окрестностях с. Победа. Сохранность изделия отличная, цвет коричневый. Размеры: высота 13,8 см, ширина от 2 до 3 см, толщина до 1,3 см. Навершие имеет «Г»-образную форму, длина изгиба 7,8 см. В нижней части навершие имеет прорезь длиной 7 см и шириной 0,4 см. Один фас изделия является лицевым и украшен орнаментом, противоположный его не имеет. Для изготовления использована лопатка рога лося. Лицевая сторона хорошо зашлифована и заполирована. На изгибе нанесены резные «S»-видные фигуры с закрученными спиралью окончаниями, ниже, уже на вертикальном стержне, нанесены поперечные пояски 0,3-0,4 см. Два верхних пояска заполнены орнаментом, два нижних – пустые, оформленные только двумя резными линиями. Орнамент нанесен путем вырезания маленьких равнобедренных треугольников, опущенных вершинами вниз. Треугольники расположены попеременно, поэтому орнамент может рассматриваться двояко: с одной стороны два пояска треугольников, с другой – змейка с изгибами. И тот и другой мотив характерен для культур раннего бронзового века. Общий облик навершия имеет явную зооморфную форму, а точнее форму птицы с длинным слегка загнутым книзу клювом (рис. 5-1). Подобное изделие происходит из могилы 50 кургана 25 кротовского могильника Сопка 2 (Молодин В.И., 1985, рис. 27-5), однако на нем более реалистично проработана голова птицы, видимо, ворона. Для орнамента костяных изделий из комплекса кротовской культуры могильника Сопка 2 характерны также мотивы орнамента пояска навершия из Победы. При этом они фиксируются и как композиция (Молодин В.И., 1985, рис. 27-29) и как отдельные элементы. Видимо, к подобным изделиям относится и случайная находка А.П. Уманского из Кытмановского района, расположенного ниже по течению Чумыша (Уманский А.П., 1967). По-видимому, чумышские навершия следует отнести ко времени существования на Алтае елунинской культуры. Это подтверждает отдельные находки елунинской керамики на многослойных поселениях Усть-Васиха 2 (Кунгуров А.Л., 1998) и Степь-Чумыш. Маслозавод.

Ранний железный век. Эта эпоха представлена в верхнем Причумышье наибольшим количеством случайных находок, поселений,

грунтовых и курганных могильников (Кунгуров А.Л., 1996; Кунгуров А.Л., 1997; Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., 1996).

13. Мраморная голова, отколотая от скульптуры (?). Обнаружена в с. Красное Знамя в 1960-х годах при копке погреба на глубине 1,5-2 м. Поскольку для разрыхления грунта применялся лом, несколько ударов пришлось по мраморной голове, принятой за валун. В результате оказалась сколотой левая верхняя часть лица, оббит подбородок и нос, образовались трещины. П.Ф. Рыженко подобрал скульптуру спустя несколько дней, поэтому отбитые части найти не удалось. Село Красное Знамя располагалось на мысе, образованном правым берегом р. Ша́мониха и правым бортом долины р. Чумыш. Буквально в 200 м северо-восточнее находки головы находится овраг, откуда происходят бронзовый котел (Усть-Шамониха 3), а напротив, на левом берегу Шамонихи многослойное поселение и могильник сросткинской культуры Усть-Шамониха 1. В настоящее время села Красное Знамя уже нет, но мыс сильно изуродован активной антропогенной деятельностью. При обследовании место находки точно определить не удалось, однако мы предполагаем наличие здесь быстрянского могильника и присвоили ему название Усть-Шамониха 2.

Голова скульптуры имеет размеры 18,5Ч12,5Ч16 см. В древности она была сколота на уровне нижней части шеи, плоскость неровного скола подшлифована для того, чтобы голова могла стоять в вертикальном положении. При установке лицо смотрит немного вверх. Скульптура изображает молодую женщину смотрящую прямо перед собой. Скульптору удалось передать своеобразное «отсутствие выражения» глазам скульптуры. В сочетании с чуть презрительным разрезом губ и спокойными очертаниями лица, создается ощущение отрешенности изображенной женщины от земных проблем и страстей и даже некоторое пренебрежение к ним. Подобное выражение лица в античных скульптурных традициях художники передавали Коре Персефоне (Античные государства..., 1984, табл. CI-8). Символика возрождения передана манерой изображения волос скульптур, образующих своеобразные переплетающиеся лозы или стебли (рис. 6). Толщина этих локонов-стеблей увеличивается сверху вниз. Волосы образуют строгую прическу с прямым пробором до уровня темени, уложенную вокруг головы довольно плотно и скрывающую уши изображения. Глубокими прорезями в мраморе выделены глаза, зрачки, ноздри, а также складки губ. Рельеф лица моделирован плавно, мрамор отполирован. На висках, под глазами и вокруг носа и губ нанесены тонкие параллельные линии – граффити, призванные, видимо, создать эффект затенённости мрамора и усилить передачу рельефа лица. О происхождении скульп-

туры можно только догадываться. Несомненно ее эллинистическое происхождение, связанное, видимо, с Бактрией или Парфией. Не исключено, что скульптура является военным трофеем воина-быстрянца, участвовавшего в набеге сакских племен на Бактрию в 30-х годах II в. до н.э. (Древнейшие государства..., 1985, с. 206). Предположительное определение антропологического облика скульптуры, сделанное С.С. Тур, характеризует прототип скульптуры как южного узколицего европеоида, что не противоречит нашим предположениям.

14. Сухая Чемровка. В 1979 г. житель г. Бийска Ю. Харламов в 3,5 км к северо-западу от с. Сухая Чемровка в размыве крутого западного склона водораздела рек Чемровка и Сухая Чемровка обнаружил железный кинжал с антеновидным навершием. Находка сделана на высоте 8–10 м от уреза воды вблизи от спускающейся к р. Чемровке грунтовой дороги. Лог, по которому проходит дорога, имеет местное название «Семилетняя отнога». Кинжал имеет антеновидное навершие с широко расставленными валютами небольшого размера, смыкающиеся концами с основанием навершия. Перекрестие кинжала узкое брусковидно-изогнутое, рукоять в сечении овальная, клинок – ромбический (рис. 7-1). Подобное оружие датируется IV в. до н.э. (Иванов, 1994).

15. В 1960 г. П.Ф. Рыженко обнаружил костяной наконечник стрелы на песчаной косе у подвесного моста с. Победа, на левом берегу р. Чумыш. Изделие имеет черешковый насад, перо килевидной формы, ромбовидное в поперечном сечении. При переходе пера в черешок образуется упор в виде двух уступов-плечиков приостренных дополнительными пазами (Кунгуров А.Л., 1997). Длина пера составляет 8,4 см, max ширина – 2 см, max толщина – 0,8 см. Длина черешка 3,4 см (рис. 11-6).

16. Через 30 лет в этом же пункте О. Дуплинским был найден еще один наконечник стрелы. Он имеет черешковый насад, перо килевидной формы, ромбовидное в сечении. Переход пера в насад оформлен аналогично первому экземпляру. Длина пера составляет 6,2 см, max ширина – 1,8 см, max толщина – 0,6 см. Длина черешка 3,8 см (рис. 11-5).

17. В 1960 г. на р. Манжихе найден и доставлен в музей с. Победа наконечник стрелы с черешковым насадом, пером треугольной формы, треугольным в поперечном сечении. Перо при переходе в насад образует слабовыраженные покатые плечики. Длина пера – 8,5 см, max ширина – 1,2 см, max толщина – 0,7 см. Длина черешка – 2,8 см (рис. 11-8).

18. В 1971 г. у пос. Манжиха в «разрушенном погребении» был найден еще один наконечник стрелы. Он имеет черешковый насад и килевидное перо, ромбовидного сечения. Переход пера в черешок об-

КАФЕДРА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ АГГПА

разуют прямые плечики. Длина пера составляет 7,5 см, max ширина – 2,4 см, max толщина – 0,7 см. Длина черешка – 2,5 см (рис. 11-4).

19. В 1964 г. П.Ф. Рыженко на отмели правого берега р. Чумыш, ниже переездного моста с. Победа нашел «ярусный» наконечник стрелы. Изделие имеет втульчатый насад «бочонковидной» формы с диаметром отверстия 1,2 см. Насад переходит в круглый стержень max диаметром 0,9 см, заканчивающийся коротким треугольным пером с двумя острыми плечиками-шипами. В сечении перо ромбовидное, его длина 0,9 см, max ширина – 1,2 см, max толщина – 0,5 см. Стержень, соединяющий перо с насадом, имеет длину 3,5 см. Длина насада, 2,8 см, max ширина – 1,8 см, max толщина – 1,4 см (рис. 11-9).

20. В 1970 г. на «песках» в с. Победа И. Мансков при копке столбовой ямы на огороде, на глубине 20-25 см от поверхности обнаружил наконечник стрелы хорошей сохранности. Он имеет черешковый насад, килевидное перо ромбовидного сечения, с упором из прямых заостренных плечиков, на торцах которых вырезаны дополнительные пазы. Перо наконечника длиной 7,4 см, его max ширина – 1,6 см, max толщина – 0,8 см. Длина черешка – 4,4 см (рис. 11-7).

Все шесть костяных наконечников стрел из Побединского музея находят ближайшие аналогии среди изделий кулайской археологической культуры, обнаруженных в памятниках Новосибирского Приобья и Лесостепного Алтая и на этом основании могут быть датированы в рамках кон. III в. до н.э. – III в. н.э. (Грязнов М.П., 1956, табл. LI; Горбунов В.В., 1996, рис. 2; Троицка Т.Н., 1979, табл. VII). Учитывая то, что в Лесостепном Алтае такие наконечники встречаются в памятниках фоминского этапа кулайской культуры хронологию побединских находок можно сузить до кон. I-III вв. н.э. (Горбунов В.В., 1996, с. 162). Более крупный наконечник стрелы или самострела найден П.Ф. Рыженко вместе с керамикой раннего железного века, обломками зернотерок и костяным острием на памятнике Куюк 2, расположенном в Ельцовском районе, но на границе с Целинным (рис. 11-2,10).

Обнаружение кулайских наконечников стрел в окрестностях с. Победа не является единичным фактом для Верхнего Причумышья. Аналогичный наконечник найден А.П. Уманским в фоминском погребении на грунтовом могильнике Куюк 1/3 – Татарские могилки (Уманский А.П., 1974, рис. 6-6). Это свидетельствует о включении данного района в область расселения позднекулайских племен.

Эпоха раннего средневековья. 21. К этому периоду относится одна случайная находка бронзового наконечника ремня от узды верхового коня. Данный предмет был обнаружен П.Ф. Рыженко в с. Чесноково на песке правого берега р. Чумыш. Лицевая часть нако-

нечника покрыта позолотой. Его длина составляет 5,5 см, max ширина – 1,3 см. Изделие имеет килевидную форму со сложнофигурным основанием в виде полукруга и двух острых выступов по бокам (рис. 2-5). Лицевая часть наконечника разделена на два орнаментированных поля. Нижнее из них углублено и украшено вертикальными рядами имитации зерни с крупными и мелкими шариками. Верхнее поле имеет прорезной геометрический орнамент из двух полукружий, обращенных к друг другу, внутри которых сделано по два ряда мелких насечек. С изнанки основания наконечника есть полость для вкладывания кожаного ремня, который крепился с помощью заклепки. Данное изделие относится к типам украшений конского снаряжения, характерных для шадринцевского этапа сросткинской культуры и датируется 2 пол. X – 1 пол. XI вв. н.э. (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, с. 172).

Чесноковская находка дополняет собой список пунктов сросткинской культуры в Верхнем Причумышье, которых известно в этом районе не много. Пока это одиночное погребение 2 пол. IX – 1 пол. X вв. н.э. на памятнике Усть-Шамониха-1 (Горбунов В.В., 1992, с. 86-87; Кунгуров А.Л., 1997, рис. 6) и грунтовое коллективное погребение 2 пол. XI-XII вв. н.э. на могильнике Куюк 1/3 (Татарские могилки, Степной Чумыш 2) (Ширин Ю.В., 1994, с. 125-126, рис. 1,2).

Эпоха развитого средневековья. Этот период представлен случайными находками оружия из трех пунктов.

22. В 1974 г. в с. Победа (правый берег р. Чумыш) Н.Н. Морозовым на своем огороде были найдены два железных наконечника стрел. Оба изделия имеют черешковый насад, округлый в сечении, длиной 5,3-5,4 см. Перо наконечников асимметрично-ромбической формы, плоское (шестиугольное) в поперечном сечении. Оба экземпляра снабжены шайбовыми упорами, у одного он круглый, у другого – шестигранный. Длина пера 7,6-7,7 см, , max ширина – 3,9-4,3 см, max толщина – 0,2-0,4 см. Обе находки относятся к типу наконечников стрел широко распространенных в Евразийских степях в XIII-XIV вв. н.э., а своим происхождением связаны с монгольским комплексом вооружения (Худяков Ю.С., 1991, рис. 57-5,8; 59-3; 61-7) (рис. 12-2).

23. На территории с. Манжиха при поправке дороги П.Ф. Рыженко обнаружен железный наконечник дротика. Изделие имеет коническую форму и состоит из пера и деформированной втулки (Кунгуров А.Л., 1997). Перо круглое в сечении, длиной 8 см, диаметром (max) – 1,2 см. Длина втулки – 9,2 см. Наиболее близкие аналогии находит среди метательного оружия монголов XIII-XIV вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1991, рис. 74-8) (рис. 12-4).

24. На спуске в с. Степной Чумыш, в отвале дороги от с. Шалап, П.Ф. Рыженко был найден железный наконечник копья. Он имеет плоское, вытянуторомбической формы перо, длина которого 10,5 см, , max ширина – 2,2 см, max толщина – 0,6 см. Втулка наконечника свернута в трубку, у ее основания проделано отверстие для закрепления древка. Ее длина составляет 13,4 см, диаметр у основания 2 см (рис. 12-3). Этот наконечник копья обнаруживает наиболее тесные аналогии с оружием таранного удара монголов XIII-XIV вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1991, рис. 74-4,5).

Следует отметить, что данная серия находок представляет первые пункты в Верхнем Причумышье, которые могут быть отнесены к монгольскому времени.

Эпоха позднего средневековья – этнографическое время. Находки этого периода датировать достаточно сложно из-за слабой изученности материальной культуры предрусского времени и начала русского заселения Алтая. Тем не менее материал последних веков II тыс. н.э. постепенно накапливается и его необходимо вводить в научный оборот.

25. Лодка-долблёнка. Обнаружена П.Ф. Рыженко при впадении р. Повелянки в оз. Радионово, расположенное в 2 км юго-восточнее с. Победа в правобережной пойме р. Чумыш. По-видимому, лодкой пользовались шорцы или первые русские переселенцы Причумышья для рыбной ловли (в том числе лучения) в пойменных старичных озерах, а затем она была брошена и затонула в пойменном аллювии. Из-за понижения базиса эрозии Чумыша и врезания его в собственные аллювиальные отложения, понизился уровень озера Радионово и челнок оказался доступен для исследования. П.Ф. Рыженко перевез его в музей с. Победа, где он несколько лет стоял перед крыльцом на открытом воздухе. Это привело к прогрессирующему разрушению лодки, вследствие чего она разломилась пополам. В 90-х годах челнок перевезен в АККМ, где сейчас и хранится. Длина лодки 3,34 м, ширина 0,66 м, высота от 0,4 до 0,6 м. Толщина стенок от 6 до 12 см. Для изготовления использовалась сосна диаметром 70-80 см. В целом лодка в разрезе сохранила очертания бревна, хотя в процессе выдалбливания сердцевины дно изнутри было слегка уплощено. За счет этого толщина дна увеличена, т.к. снаружи днище сохранилось округлым. Нос и корма слегка приподняты, при этом на корме больше высота стенок (рис. 13). На носу вырублено подпрямоугольно-овальное «чальное кольцо» с прямоугольным отверстием. Корма имеет подпрямоугольный сужиающийся выступ. На носу фиксируются пятна обугленности от горения лучин с левого борта при ночном лове рыбы острогой. Находка

подобной лодки-долбленки раскрывает новый массив источников и по рыболовству в этот период времени и по традиции деревообработки. Следует отметить, что очертания лодки напоминают очертания более крупных русских лодий со слегка приподнятой кормой.

26. Скульптура лежащего верблюда. Обнаружено местными жителями в окрестностях Степь-Чумыша и передана в музей. По-видимому, представляет собой навершие, украшавшее какое-либо средство передвижение телеутов или шорцев. Скульптурка отлита из свинца в двухстворчатой литейной форме, пустотелая и имеет прямоугольный вырез, оформленный как горб верблюда, судя по очертаниям астраханского бактриана. Традиция изображения лежащего верблюда существует у кочевых народов с эпохи раннего железа. Побединская скульптура отличается от более ранних изображений металлом (свинец) и детальной проработкой системы упряжи, свидетельствующей о знакомстве художника с ее особенностями (рис. 12-7).

27. В 1992 г. южнее новостроечного района с. Победа в логу Солоновка выше водозабора в берегу подмытом ручьем В. Зеленин нашел интересный предмет. Это короткая железная «сабля» (рис. 12-6). Изделие имеет сильноизогнутый клинок длиной 25,7 см, max прогиб которого составляет 3,5 см. Ширина клинка у основания 2,4 см, к острию он расширяется до 4,4 см, образуя елмань. Длина последней 6 см. Max толщина полотна 0,4 см. Клинок снабжен двумя лезвиями, со стороны выпуклого края полотна и по елмани, что придает «сабле» не только рубяще-режущую, но и колющую функцию. Перед обухом полотно клинка заужено на ширину в 0,4 см. Рукоять изделия слегка наклонена в сторону лезвия, имеет рельефную внутреннюю часть и загнутое навершие, раскованное в форме «рыбьего хвоста». Длина рукояти 11,3 см, ширина – 2,1 см, толщина – до 1,5 см. Отдельного перекрестия у «сабли» нет, в месте перехода рукояти в клинок выкована небольшая перекладина длиной 2 см, max шириной – 1 см, толщиной – 0,5 см, которая сужается к лезвию.

Точных аналогов побединской «сабле» нам найти не удалось, но признаки оформления ее клинка позволяют датировать данное изделие периодом позднего средневековья. Оформление навершия рукояти характерно для турецкой оружейной традиции XV-XVIII вв. н.э.

Появление в Верхнем Причумышье таких изделий, как свинцовая фигурка верблюда и железная «сабля», по нашему мнению, связано с влиянием мусульманского мира и могло иметь место в период военной активности Джунгарского ханства в XVII – 1 пол. XVIII вв. н.э.

Курганные и грунтовые могильники. В Целинном районе достаточно много погребальных комплексов, в том числе весьма обширных грунтовых и курганный некрополей различных эпох (рис. 2-2).

28. Целинное 2. Курганный могильник. Обнаружен Е.В. Григоровым в середине 90-х годов на юго-восточной окраине с. Целинное напротив автозаправки. На склоне горы (высота 417 м над у.м.), которую огибает р. Яминка (правый берег) зафиксировано несколько курганов диаметром 5–7 метров, имеющих каменно-земляные насыпи высотой до 0,5 м. Возможная датировка памятника – эпоха средневековья.

29. Первомайские бугры. До начала массовой распашки земель с помощью тракторов в годы поднятия целины, этот могильник насчитывал свыше сотни насыпей. В настоящее время их осталось меньше половины. Курганы имеют различные диаметры и высоту (от 5–6 м в диаметре и 0,5 м в высоту от 15–20-метровых объектов высотой до 1–1,5 м). Памятник занимает высокий 70-100-метровый мыс правого берега р. Чумыш на восточном изгибе «Чумышского локтя». На площади некрополя в 60-х годах П.Ф. Рыженко подобрал бронзовое зеркало. Изделие представляет собой не совсем ровный округлый диск диаметром около 7,7 см и толщиной до 2-2,2 мм с подовальной ручкой размерами 2,3Ч2,1 см. Ручка отлита вместе с диском зеркала (рис. 11-11). В ручке имеются два отверстия: овальное, размерами 0,5Ч0,6 см в основании ручки и более маленькое круглое диаметром 0,2 см на краю ручки. На оборотной стороне ручки между отверстиями имеются остатки сломанной подовальной петли, также отлитой вместе с ручкой и диском. Нижняя треть рукояти зеркала отогнута на лицевую сторону. Хотя подобные зеркала обычная находка на памятниках быстрянской и пазырыкской культур, некоторые особенности оформления ручки делают первомайское зеркало редким типом. Прежде всего рукоять не является петлей и имеет два отверстия. Кроме этого между отверстиями расположена еще и поперечная петля. Если зеркала с двумя отверстиями на ручке изредка встречаются (Кубарев В.Д., 1987, с. 265), то сочетание отверстий и петли нам неизвестно.

30. Локтевский курганный могильник. Расположен в 1,8 км к западу от с. Локоть, в 50 м к югу от дороги Локоть–Бийск. Состоит из четырех курганов, вытянутых в цепочку с севера на юг. Курганные насыпи земляные, диаметром – 10–12 м и высотой до 0,5 м. Никаких находок нет, но расположение насыпей позволяет предположить их раннежелезный возраст.

31. Кивда. Курганный могильник, расположенный на склоне горы Кивда в 2 км юго-восточнее с. Поповичево. Насчитывает до 20 насы-

пей диаметром 15–20 м и высотой от 0,5 до 1 м. Центральный курган могильника именуется местными жителями «Сопка Кивда» и имеет высоту 4 м и диаметр до 30 м. Датировка неизвестна.

32. Чесноково 2. Одиночный курган диаметром 10 м и высотой до 0,5 м. Расположен напротив поселения Чесноково 1 на мысе правого берега р. Чумыш, образованном поймой и крупным логом.

33. Черная гора. Курганный могильник на 20-метровом мысе левого берега р. Чумыш над юго-восточной окраиной с. Чесноково. Мыс образован с северной стороны логом с пробегающим по нему ручьем, с южной – изгибом поймы реки, а со стороны поймы Чумыша его огибает старица, имеющая наименование Черное Озеро. В.И. Кац назвал в своем отчете памятник «Татарскими ямами», однако такого топонима в окрестностях Чесноково не существует. В настоящее время на поверхности мыса не фиксируется ни одной насыпи, хотя, по сведениям П.Ф. Рыженко, в 60–70-х годах их насчитывалось не менее 50–70. Курганы были относительно мелкие, поэтому их полностью распахали всего за десятилетие.

34. Бычий Лог. Разрушенный карьером и силосными ямами грунтовый могильник эпохи железа и одновременное поселение. Могильник зафиксировал В.И. Кац, однако никаких предметов из этого памятника неизвестно, в отчет эти материалы исследователь не включил. При обследовании места с П.Ф. Рыженко нами была собрана керамика, украшенная жемчужником с разделителем, и обломки зернотерок. Это место располагается в устье крупного лога, отделяющего Манжихинскую долинку от 100-метрового коренного водораздельного кряжа правобережья Чумыша. Склон этого кряжа имеет название Бычий Лог. По этимологии подобных топонимов в окрестностях Барнаула (Турина Гора, Бычий яр у с. Гоньба) название должно происходить из-за неоднократно повторяющихся находок ископаемых костей в этом месте.

35. Маяцкие бугры. Курганный могильник, расположенный на Чумыш-Шалапском водоразделе в 2 км юго-западнее с. Степь-Чумыш. Обнаруживший этот памятник В.И. Кац назвал его могильником Васиха. В принципе, это название могло быть верным, т.к. памятник находится у истоков этой речки, но местные жители уже двести с лишним лет называют эти курганы Маяцкими Буграми. По сведениям П.Ф. Рыженко, ранее здесь насчитывалось около сотни курганов, сейчас мы зафиксировали только 38, т.к. часть насыпей распахана, часть разрушена дорогой Бийск–Поповичево. Размеры курганов колеблются от 9 до 15 м в диаметре и от 0,5 до 2 м высотой. На самом крупном объекте сооружен тригопункт. Крайний северный курган, диаметром 10 м и высотой 0,5 м, раскопан. В единственном захоронении, разграб-

ленном в древности, найдены остатки погребения женщины с лошадью, которая лежала справа от человека у южной стенки головой на запад. Положение умершей не восстанавливается. Найдены железные удила, подпружная роговая пряжка, круглая костяная пронизь, пятиугольные поясные бляхи с центральным отверстием, бронзовое изделие типа ворворки со шпеньком внутри. В юго-восточном секторе насыпи расчищены остатки поминальной тризны: древесные угли, зола, кости животных и обломки двух сосудов, украшенных жемчужником и рассеченным налепным валиком. Находки позволяют отнести памятник к быстрянской культуре раннего железного века предгорий Алтая (Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., 1996) (рис. 9).

36. Могильник Усть-Васиха 1. В конце 70-х годов П.Ф. Рыженко вместе с черепом человека в осыпи мыса, образованного левобережьем р. Васиха и левым бортом р. Чумыш обнаружил бронзовый котел (Кунгуров А.Л., 1995). Видимо, в начале мыса находился одиночный курган раннего железного века. Подобные одиночные курганы диаметром 10-12 м и высотой до 1 м встречены в районе с. Победы еще в трех пунктах. Котел немного поврежден (смят), видимо, при сползании в р. Васиху, т.к. найден уже частично погруженным в ее аллювий. Изделие отлито в двух формах – отдельно поддон с тремя «поддерживающими» ребрами жесткости и тулово вместе с ручками. По-видимому, модели ручек изготовлены отдельно от модели тулова, т.к. создается ощущение их «врезанности» в край котла. В 6 см ниже края котла имеется рельефный двойной валик, образованный оттиском веревки на сырой форме. Веревка была сложена вдвое и опоясывала двумя полосами все тулово котла. Кончики веревки не соединены. После окончания отливки обе части были сварены бронзой. В ходе длительного использования котла нижняя часть тулова в месте сварки износилась (прогорела?) и неоднократно чинилась. Фиксируется девять заплаток снаружи изделия и шесть изнутри. Внешний вид заплаток, часто с выступающими стерженьками и трубочками, напоминает раскованные поясные бляхи или иные изделия. Изнутри поддона (нижняя треть) фиксируется уступ, видимо, оставшийся от литейного хода для заливки расплавленного металла в форму. Рукояти котла имеют грибовидные навершия и слегка наклонены вовнутрь котла. Снаружи плоскости ручек украшены двумя желобками, образующими три валика-ребра. Подобным образом оформлена и ножка навершия (рис. 7-5).

37. Березовый Лог. Грунтовый (?) могильник, разрушенный каменным карьером. Расположен на 8–10-метровом цокольном мысе в 1 км восточнее с. Степь-Чумыш в месте спуска с Чумыш-Шалапского водораздела трассы Целинное–Победа. Мыс образован левобережьем

р. Чумыш и левым бортом лога, по которому протекает р. Березовка. Борт долины частично разрушен карьером, камень из которого использован для сооружения дамбы пруда. В осыпях обнаружены кости человека и обломки керамики без орнамента. Дата не ясна.

38. Коврижка 2. Грунтовый андроновский могильник (рис. 2-2). Исследовано одно парное захоронение детей, обнаруженное при рекогносцировочной шурфовке всхолмления левобережья Чумыша на северо-западной окраине с. Степь-Чумыша в 200 м севернее фермы на оз. Горином. В овальной могильной яме размерами 0,85х0,7 м и глубиной 0,1 м от уровня материка лежали два скелета детей. Более старший (возраст ок. 3 лет) был уложен в южной части ямы скорченно на левом боку, головой на северо-восток. В ногах находился баночный сосуд, украшенный пятирядным вертикальным зигзагом из оттисков гладкого штампа. Более младший ребенок грудного возраста находился в северной части ямы скорченно на правом боку, головой на запад. В головах стоял небольшой горшковидный сосуд, украшенный каннелюрами по шейке (3) и придонной части (2) (рис. 4).

39. Манжиха. Андроновский грунтовый могильник, расположенный на месте бывшего правобережного с. Манжиха в 2 км выше южной окраины с. Победа. Могильник располагался на нескольких мысах высотой 8–10 м, разделенных логами.

40. Старый карьер кирпичного завода. Грунтовый могильник андроновской культуры, расположенный на северо-восточной окраине с. Победа (правый берег р. Чумыш). Несколько погребений, частично разрушенных карьером в 70-х годах, раскопаны А.П. Уманским.

41. Усть-Шамониха 1. Грунтовое погребение женщины обнаружено в центральной части мыса, образованного долинами рек Шамонихи и Чумыша. Могильная яма была углублена в цоколь мыса на 0,2–0,25 м и имела глубину от современной поверхности 1 м. В устройстве погребальной конструкции использовалась береста. Умершая уложена вытянуто на спине, головой на северо-восток. В районе черепа найдены бронзовые серьги, бронзовая подвеска, изготовленная из сломанной булавки, бляха-«зажим» в виде стилизованной птицы, украшенной растительным орнаментом. Слева от таза лежало бронзовое петельчатое зеркало, а справа железный нож с длинным черенком и коротким лезвием. Погребение датируется IX–X вв. н.э. (Горбунов В.В., 1992; Кунгуров А.Л., 1997).

42. Могильник Усть-Шаманиха 3. Случайная находка бронзового котла на поддоне в конце 70-х годов на правом берегу р. Шамониха в ее устьевой зоне. Не исключено то, что и в данном случае находка связана с разрушенным оврагом погребением, аналогичным Усть-

Васиха 1. Котел сварен из трех частей, отлитых раздельно: поддон, тулово (рис. 7-6) и две ручки без наверший и других украшений. Ручки приварены к тулову котла снаружи. На тулове имеются оттиски веревки, сложенной вдвое, кончики веревки соединены. Изнутри на поддоне также фиксируется остаток литейного хода. В целом котел гораздо меньше васихинского и выглядит массивнее и новее.

43. Широкий Лог 2. Одиночный курган на мысе склона цокольной высокой террасы. Высота мыса около 10 м. Курган раскопан. Его размеры 8,5х9 м, высота 0,4 м. Погребение полностью разграблено. В западном секторе насыпи расчищены остатки поминальной тризны (кости барана, угли, мелкие обломки керамики), а в восточном – два раздавленных совершенно одинаковых сосуда и плошка-терочник из камня. Сосуды являются крупными горшками закрытой формы, украшенные по краю венчика жемчужником с разделителем и двумя рядами наколов выше и ниже жемчужника (Кунгуров А.Л., 1995, 1997) (рис. 10).

44. Куюк 4. Одиночный курган диаметром 12 м и высотой 1 м, расположенный в 300 м севернее Куюка 5 на мысе, образованном двумя небольшими логами. Высота мыса 15–20 м. Возможно, курган аналогичен раскопанному объекту на Широком Логу 2 и разрушенной могиле в устье р. Васиха (Кунгуров А.Л., 1995, 1997; Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., 1996).

Поселения и стоянки

45. Анаштаиха. В устьевой зоне этой небольшой речки, левого притока Чумыша, найдено костяное подшлифованное изделие, традиционно называемое исследователями «керамическим ножом» (рис. 11-1), т.к. известны этнографические аналоги, которые применялись гончарами при формировании и доработке сосудов перед сушкой и обжигом. Кроме этого в месте выхода р. Анаштаихи из своей долины в пойму Чумыша зафиксировано на правом берегу речки поселение раннего железного века с керамикой, украшенной жемчужником и ямками.

46. Чесноково 1. Поселение, расположенное на 5-метровом мысе левого берега р. Чумыш над северо-западной окраиной с. Чесноково. Мыс огибает болотистая старица Чумыша. В осыпи карьера на юго-восточной оконечности мыса найдена керамика раннего железного века и андроновской культуры эпохи бронзы.

47. Усть-Каменушка 3. Поселение, расположенное в 3,7 км к юго-востоку от с. Победа на мысе, образованном поймой Чумыша и левым берегом ручья Каменушка. В пашне собрана коллекция керамики раннего железного века и эпохи бронзы.

48. Усть-Каменушка 2. Поселение, расположенное на мысе правого берега упомянутого ручья. Керамика, как и на предыдущем памятнике, украшена жемчужником, налепным рассеченным валиком и ямками.

49. Усть-Каменушка 1. Поселение. Находится на границе поймы Чумыша и его коренного берега, образованного в этом месте 10-метровой скалой. Керамика раннего железного века зафиксирована в 100 м севернее устья руч. Каменушка и расположенных там поселений.

50. Усть-Манжиха 2. Поселение, расположенное на отрезке 5-метрового берега р. Чумыш в месте выхода в его пойму р. Манжиха. Берег распахан, и там собрана керамика, аналогичная трем предыдущим памятникам.

51. Усть-Манжиха 1. Поселение, расположенное на небольшом террасовидном уступе в 1 км выше по течению Манжихи от Манжихи 2. Уступ хорошо маскируется со стороны поймы Чумыша 20-метровым скальным выходом, имеющим вид небольшого хребта. В осыпи Манжихи найдены обломки керамического грузила для сети и сосуда с «носиком»-сливом. Эти предметы характерны для раннего железного века.

52. Манжиха 1. Поселение раннего железного века, расположенное на крае 5-метрового берега Чумыша на месте с. Манжиха, исчезнувшего в 70-х годах. Село занимало часть поймы и край низкого берега Чумыша, образующего в этом месте своеобразную долину, полого спускающуюся от 50-метровых цокольных террас.

53. Усть-Васиха 2. Поселение, расположенное на мысе, образованном р. Васихой и поймой левобережья Чумыша, в 100 м восточнее предыдущего памятника. Поселение многослойное (неолит, ранняя, развитая и поздняя бронза, раннее железо). Неолитический комплекс памятника, относящийся к корначакской культуре, является основным по количеству находок и различных планиграфических объектов (очаги, каменные выкладки, ямы). Материал представлен обломками керамической посуды, нуклеусами, сколами и пластинами, теслами и топорами с подшлифовкой, наконечниками стрел из камня. Остальные эпохи, представлены, преимущественно, отдельными фрагментами керамики и развалами сосудов (Кунгуров А.Л., 1998).

54. Степь-Чумыш. Маслозавод. Многослойное поселение, расположенное на 20-метровом цокольном мысе левого берега р. Чумыш над южной окраиной села около маслозавода. В разрушениях, вызванных наличием каменного карьера, собраны находки практически всех эпох от палеолита до средневековья (рис. 5-4).

55. Лог Солоновка 1. Поселение раннего железного века в устье лога Солоновка, расположенного на южной окраине с. Степь-Чумыш. В этом месте находится останец коренного левого берега высотой до 2 м. На нем устроена водонапорная установка, снабжающая водой село. В разрушениях водонапорная установка, снабжающая водой село. В разрушениях и оврагах собрана керамика раннего железного века.

56. Лог Солоновка 2. Поселение андроновской культуры, расположенное в 200 м северо-западнее предыдущего памятника вверх по логу. На понижении левого борта лога Солоновка в разрушениях поверхности собрана керамика, углаженная елочкой из оттисков крупного гребенчатого штампа.

57. Сосновый Лог. Стационарное андроновское поселение, расположенное в 1,5 км юго-западнее Степь-Чумыша, в 500 м выше устья лога по которому протекает р. Сосновка, левый приток Чумыша. Поселением занят участок дна лога и часть подошвы правого борта р. Сосновки. Разведочный раскоп площадью 4 кв.м, заложенный в 1991 г., показал очень большую насыщенность культурного слоя (Кунгуров А.Л., Лузин С.Ю., 1992; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996). Найдено 1431 фрагмент костей животных (КРС, МРС, коза, лошадь, собака, косуля, лось, медведь, кабан), 294 обломка керамики не менее чем от 30 сосудов, пять обломков медеплавильного тигля, костяное шило, рукоять из рога косули и т.п.

58. Коммунарский Лог. Поселение раннего железного века, расположенное в 200 м западнее центральной части с. Степь-Чумыш. Врезанный в этом месте в левый коренной берег Чумыша лог отделен от села болотом и Гориным озером (название старицы Чумыша). В осыпях расположенного здесь каменного карьера собрана характерная керамика.

Ниже по течению Чумыша памятники располагаются равномерно по обоим берегам реки. Поэтому вначале будут охарактеризованы правобережные объекты, а затем находки, сделанные на противоположной стороне реки.

59. Гориное озеро. Поселение андроновской культуры, расположенное в левобережье р. Чумыш вблизи старичного озера Гориное. Озеро отделяет площадь поселения от коренного берега (Лузин С.Ю., 1991). В отвалах водоотводного канала собрано около сотни фрагментов керамики не менее чем от 20 сосудов, украшенных оттисками гребенчатого и гладкого штампа, сосцевидными налепами и т.п. (Кунгуров А.Л., 1999).

60, 61. Коврижки 1 и 2. Два близлежащих поселения, расположенных на 2-метровых останцах – оконечностях мысов коренного бе-

рега Чумыша. Местные жители называют это место «Коврижка». В шурфах, заложенных для поиска культурного слоя, найдена керамика, характерная для раннего железного века и андроновской культуры. Достаточно много находок (нуклеусы, пластины, скребки, сколы) относятся к корначакской культуре эпохи неолита (Кунгуров А.Л., 1997).

62–64. Курноски 1-3. Три поселения раннего железного века, расположенные на крутых мысовидных террасах правобережья Чумыша, имеющих наименование «Курноски». Эти памятники находятся в 200–300 м севернее Коврижек.

65. Корначак 1. Поселение. Расположено на 20-метровом мысе, образованном левым берегом р. Чумыш и правым бортом долины р. Татарки в 2 км к северо-западу от юго-западной окраины с. Степь-Чумыш. По р. Татарке проходит граница Целинного и Ельцовского районов. Мыс спускается к старичному левобережному озеру р. Чумыш, которое называется Корначак. В пашне на поверхности мыса собраны алевролитовые отщепы, характерные для корначакской неолитической культуры.

66. Корначак 2. Поселение. Расположено на 15-метровом пологом северо-восточном уступе мыса с Корначаком 1. В 1991 г. на поселении заложен раскоп площадью 20 кв.м, выявивший однослойное неолитическое поселение с мощным культурным слоем. Найдены многочисленные сколы, пластины, нуклеусы, черешковый наконечник стрелы, плитки алевролита с прочерченным орнаментом и обломки керамики. По углю получена радиоуглеродная дата 7340±175 лет (5390±175 л. до н.э.) (СО РАН – 2990). Памятник стал базовый для выделения корначакской культуры развитого неолита.

Следующие поселения расположены на отрезке правобережной долины р. Чумыш от с. Победа до границы с Ельцовским районом (бывш. пос. Октябрьский).

67. Улус 1. Поселение раннего железного века, находящееся на северной окраине с. Победа на изрезанном оврагами и логами склоне возвышающейся над селом гора. Эта местность, носящая местное название Улус, очень похожа на долину, где раньше находилась д. Манжиха. Улус 1 разрушен распашкой и проведенной по памятнику дорогой к р. Шамониха. Здесь собрано большое количество керамики, обломки литейных форм, расчищены остатки медеплавильной печи, сложенной из плиток сланца. С юга к поселению примыкает старый карьер кирпичного завода, о котором упоминалось ранее. В разные годы П.Ф. Рыженко собрал несколько бронзовых изделий, в том числе обломки блях раннего железного века (рис. 8). Ранний комплекс пред-

ставлен находками отщепов палеолитического облика и скребла с овальным рабочим краем (Кунгуров А.Л., 1987).

68–70. Поселения эпохи железа, расположенные на отрезке берега между Улусом 1 и долиной р. Шамониха. Они получили названия Улус 2, 3 и 4. Памятники разделены между собой небольшими логами. Найдена только немногочисленная, но характерная для эпохи железа керамика. На Улусах 2 и 4 это обломки посуды раннего железного века, украшенной жемчужником, насечками и налепным рассеченным валиком, а на Улусе 3 собраны обломки керамики, близкой по облику позднекулайской или раннеодинцовской, т.е. относящейся к завершающему периоду раннего железного века (Кунгуров А.Л., 2001).

71. Усть-Шамониха 1. Многослойное поселение, на площади которого найдена одиночная могила сросткинской культуры эпохи средневековья. В поселенческом культурном слое найдены предметы эпохи неолита и раннего железного века: керамика, керамическое пряслице, украшенное солярным орнаментом, каменный пест и кости домашних животных.

72. Усть-Шамониха 2. Случайная находка на противоположном предыдущему памятнику северном борту р. Шамониха. Здесь найдены этнографическая бронзовая кружка с ручкой, изготовленная в XVII–XVIII вв. в азербайджанском с. Лучаг.

73. Усть-Шамониха 4. Поселение раннего железного века в 1,5 км выше устья Шамонихи по ее течению на одном из мысов правого берега речки. Мыс образован двумя оврагами и имеет высоту около 5 м от уровня поймы, как и два предыдущих памятника. В разрушениях и пашне собрана керамика, украшенная ямками, насечками по венчику и оттисками гладкого штампа.

74–78. Пункты находок керамики раннего железного века в устьевой зоне р. Шамониха. Большей частью они сильно разрушены при строительстве дороги и сооружении дамбы, образовавшей пруд на р. Шамониха. Места находок также получили наименования Усть-Шамониха: №№5, 6 и 7 расположены на левом устьевом борту речки (в районе Усть-Шамонихи 1), №№8 и 9 зафиксированы на правом борту между памятниками Усть-Шамониха 2 и 3. Все находки очень невыразительны.

79, 80. Два поселения раннего железного века на левом борту крупного лога, имеющего наименование Широкий. Они расположены между Широким Логом 2 и самим логом на 200-метровом отрезке берега. Находки немногочисленны и представлены обломками керамики, раннего железного века и неолитическими сколами.

81. Куюк 5. Случайная находка бронзовой поясной пряжки (рис. 7-4). Многослойное поселение, выявленное первоначально по характерной для широкого круга культур раннего железного века Алтая. Пряжка найдена на оконечности 100-метрового цокольного мыса. Здесь же встречались отдельные фрагменты керамики раннего железного века. Название памятника происходит от наименования отрезка долины Чумыша, включая оба берега, Куюк. Попытка в ходе раскопок выявить предполагаемый могильник привела к открытию в 1988 г. позднепалеолитической стоянки, приуроченной к алевролитовому цоколю мыса. Коллекция каменных изделий документирует полный цикл утилизации камня и изготовления орудий труда: скребел, скребков, рубящих и режущих инструментов. Материал демонстрирует наиболее раннюю традицию использования местного некачественного сырья, которая позднее прослеживается в корначакской неолитической культуре (Кунгуров А.Л., 1993; 1995; 1996; Кунгуров А.Л., Маркин М.М., 1995).

82. Куюк 3. Поселение. Расположено на мысе высотой ок. 15–20 м, отделенном от цокольного всхолмления с Куюком 5 глубоким логом. В начале мыса находится одиночный курган Куюк 4. На оконечности зафиксирован неолитический корначакский культурный слой, содержащий характерные каменные изделия.

83. Октябрьский 1. Поселение, расположенное в 1,5 км севернее Куюка 5, на южной окраине бывшего поселка Октябрьский. Памятником занят пологий широкий мыс высотой до 7 м, образованный небольшим ложком и изгибом поймы Чумыша. В пашне собрана керамика, украшенная жемчужником, налепным рассеченным валиком и ямками (Кунгуров А.Л., 1997).

Следующая группа памятников расположена на отрезке левого берега Чумыша от северо-западной окраины с. Степь-Чумыш до горы Точка, расположенной напротив памятника Октябрьский 1. Если правобережные памятники административно входят в Целинный район, то правобережные до Куюка 1 относятся к Целинному району, остальные к Ельцовскому.

84. Целинное 1. Поселение, расположенное на юго-восточной окраине с. Целинное в месте выхода р. Яминки (ямы) из межгорного распадка (рис. 1). Река перерезает в этом месте делювиальное подножье горы, сложенное вторичными лёссами и алевролитовым щебнем. В береговой осыпи на левом берегу речки в середине 90-х годов Е.В. Григоровым (к.и.н., преподаватель Барнаульского юридического института) собраны кости животных и керамика, украшенная оттисками гладкого и гребенчатого штампа, образующими горизонтальный и

вертикальный зигзаг и ёлочку. Орнамент характерен для андроновской культуры развитого бронзового века.

85. Шалап 1. Поселение. Расположено на юго-восточной окраине с. Шалап на правом берегу одноименной речки в месте прохождения трассы Целинное–Победа. Склон цокольного кряжа Шалап-Чумышского водораздела, являющийся правым бортом долины реки, организован в несколько мысов, разделенных логами. По одному из таких мысов проходит упомянутая трасса, поднимаясь от уровня поймы на водораздел. В разрушениях дорожной обочины и на промоинах мыса В.П. Семибратовым в конце 90-х годов собраны кости животных и обломки керамики, украшенные характерными для андроновской культуры оттисками гладкого и гребенчатого штампа.

Часть имеющихся материалов из сборов П.Ф. Рыженко с рек Повеляиха, Осиха (рис. 5-6), а также материалы с комплекса памятников Куюк 1 (рис. 5-5) еще нуждаются в обследовании и определении их характера. Большое количество археологических объектов в долине Чумыша объясняется прежде всего тщательным обследованием этой территории. Нет никаких сомнений в том, что и остальная часть Целинного района еще скрывает множество интереснейших памятников различных периодов.

Рис. 1. Археологические памятники и случайные находки Целинного района. Номера соответствуют тексту статьи.
1 – находка монгольского шлема.

Пунктиром обозначен комплекс археологических памятников в долине реки Чумыш.

Рис. 2. Поселенческие (1), погребальные комплексы и случайные находки (2) Целинного района (долина р. Чумыш). Номера соответствуют тексту статьи

▲ поселение
курганный могильник
грунтовый могильник
местонахождение

Рис. 3. Изделия каменного века из окрестностей с. Победа

Рис. 4. Андроновское погребение из Коврижки 2

Рис. 5. Находки неолита (3) и бронзового века с Верхнего Причумышья

Рис. 6. Мраморная голова

с устья р. Шамониха

Рис. 7. Железный кинжал из окрестностей с. Сухая Чемровка и бронзовые изделия из окрестностей с. Победа

Рис. 8. Керамика и литейные формы с поселения Улус 1

Рис. 9. Материалы из кургана некрополя Маяцкие Бугры

Рис. 10. Материалы из кургана Широкий Лог 2.

Рис. 11. Случайные находки с долины р. Чумыш и бронзовое зеркало с Первомайских курганов

Рис. 12. Случайные находки эпохи средневековья из Целинного района

Рис. 13. Долбленая лодка с оз. Радионово (окрестности с. Победа)

М.М. Маркин

Некоторые материалы к археологической карте Целинного района

(Барнаул, Алтайский государственный университет)

Летом 1997 г. автором были проведены разведочные работы в долине р.Чумыш и на Кивдинском массиве.

Гора Кивда (621 м), венчающая собой скалистую гряду микрокварцитов, является наивысшей точкой Салаирского кряжа (Малолетко А.М., 1972, с. 20). Благодаря петрофизическим свойствам кивдинского микрокварцита гряда должна была привлекать древних обитателей региона как важный источник сырья. С целью выявления древних каменоломен в 1997 г. автор предпринял обследование Кивдинского массива, в ходе которого был выявлен производственный комплекс Поповинская Гора-1.

Памятник находится на территории Целинного района Алтайского края в 7,7 км к юго-востоку от с. Поповичи, в 13,3 км к северо-западу от райцентра с. Солтон, в 1,9 км к северо-востоку от вершины горы Кивда, в 0,5 км к юго-западу от вершины горы Поповинская (рис. 1 - 1). Подъемный материал (116 артефактов) собран в седловине между горами Поповинская и Кивда. Нарушение культурного слоя связано с распашкой пологого склона и образованием колеи полевой грунтовой дороги. С целью определения глубины залегания и мощности культурного слоя заложен шурф площадью 4 кв.м.

Стратиграфия памятника следующая:

1. 0,18-0,50 м - пахотный слой.

2. 0,02-0,34 м - слой супеси темно-серого цвета, в подошве более светлой. Комковатый, плотный, насыщен органикой.

3. Ниже 0,52 м - супесь серого цвета.

Залегание культурного слоя (124 артефакта) связано с темно-серой супесью. Менее многочисленные находки (32 экз.) встречены в пахотном слое. Таким образом, совокупная коллекция составила 272 артефакта (таблица 1).

В качестве основного сырья использованы микрокварциты, ближайшие выходы на поверхность которых в настоящее время находятся на вершине горы Поповинская. Среди микрокварцитов преобладают разновидности от серого до черного цвета (96, 78%), в гораздо меньшем количестве - серо-зеленые (2,2%) и белые (0,37%). Некоторые образцы в сколах полупрозрачны. Текстура в обломках брекчиевая, полосчатая. Образец черного цвета описан в шлифе к. г.-м.н. Ю.В. Уткиным как лидит - разновидность яшмы с примесью углистого

вещества - микрозернистой структуры со следами перекристаллизации и брекчиевой текстуры.

Мелкие отщепы, осколки и чешуйки (247 экз.) составляют 90,8% каменного инвентаря, нуклеусы (3 экз.) - 1,1%, орудия (3 экз.) - 1,1% (табл. 1). Все это, наряду с близостью к выходам сырья и отдаленностью от источников воды, свидетельствует о преимущественно производственном характере обследованного объекта.

Из трех нуклеусов два относятся к одноплощадочным монофронтальным. Ударная площадка одного из них занята желвачной коркой (рис. 1 - 7), у другого - фасетированная (рис. 1 - 6). Последний нуклеус - бессистемный (рис. 1 - 5). Орудийный набор составили два скребка (рис. 1 - 2, 3) и бифас (рис. 1 - 4). Первый скребок - концевой на отщепе. Противолежащий скребковому лезвию край двусторонне ретуширован (рис. 1 - 3). У второго скребка лезвие оформлено на ударной площадке (рис. 1 - 2). Пластины (рис. 1 - 8, 9, 11, 14) и пластинчатые отщепы (рис. 1 - 10, 12, 13, 15) составляют 2,92% каменного инвентаря.

Залегание культурного слоя в темно-серой супеси свидетельствует о явно голоценовом возрасте объекта. Очень низкий общий индекс пластинчатости позволяет поместить индустрию памятника в хронологический отрезок поздний неолит –энеолит (Маркин М.М., Платонова С.Г., 2000).

В долине р.Чумыш на территории Целинного района автором выявлено около 40 местонахождений на бечевниках реки (рис. 2). Происхождение указанных объектов связано с процессом водной эрозии, уничтожившей часть рыхлого материала террас и других форм рельефа. В данном случае артефакты спроецированы на размытые участки геологических тел различного хронологического диапазона (Кунгуров А.Л., Маркин М.М., 2002, а, б; Маркин М.М., Папин Д.В., 2001).

1. Топтан-1. Местонахождение выявлено на бечевнике левого берега р.Чумыш, в 6 км к северу от с.Локоть (рис. 2. – 1). Коллекция памятника состоит из единственной чешуйки.

2. Топтан-2. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 300 м ниже предыдущего местонахождения (рис. 2. – 2), собрано девять предметов: шесть отщепов, пластина с ретушью (рис. 3. – 2), два нуклеуса (рис. 3. – 1, 5).

3. Топтан-3. На бечевнике левого берега р.Чумыш, в 700 м южнее предыдущего пункта (рис. 2. – 3), обнаружено три отщепа и пластина (рис. 3. - 3).

4. Васильевское-1. Местонахождение выявлено на бечевнике левого берега р.Чумыш, в 4,6 км к северу от с.Локоть (рис. 2. – 4). Коллекция памятника включает средний отщеп из алевролита.

5. Васильевское-2. На бечевнике левого берега р.Чумыш, в 500 м ниже предыдущего объекта (рис. 2. – 5), обнаружен леваллуазский остроконечник (рис. 3. – 4) и фрагмент керамики без орнамента.

6. Васильевское-3. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 700 м ниже предыдущего местонахождения (рис. 2. – 6), найдено два отщепа и пластина.

7. Волчиха-1. Местонахождение выявлено на бечевнике правого берега р.Чумыш, в 2,5 км к северу от с.Локоть (рис. 2. – 7). Коллекция памятника состоит из двух отщепов.

8. Волчиха-2. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 500 м ниже предыдущего памятника (рис. 2. – 8), обнаружено пять отщепов и нуклеус.

9. Волчиха-3. На бечевнике левого берега р.Чумыш, в 300 м ниже по течению от предыдущего объекта (рис. 2. – 9), найден алевролитовый отщеп.

10. Локоть-1. Местонахождение выявлено на бечевнике правого берега р.Чумыш, в 0,7 км к северу от устья р Ангуреп (рис. 2. – 10). Коллекция памятника включает мелкий отщеп.

11. Локоть-2. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 0,3 км ниже устья р.Ангуреп (рис. 2. – 11), обнаружено четыре отщепа и фрагмент керамики без орнамента.

12. Локоть-3. На бечевнике левого берега р.Чумыш, в 600 м ниже по течению от предыдущего объекта (рис. 2. – 12), обнаружено девять отщепов.

13. Локоть-4. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 400 м ниже по течению от предыдущего памятника (рис. 2 – 13), найдены два отщепа, пластина и фрагмент керамики без орнамента.

14. Жильниха-1. Местонахождение выявлено на бечевнике левого берега р.Чумыш, в 2,9 км к западу от с.Локоть (рис. 2. – 14). Коллекция памятника состоит из четырех отщепов.

15. Жильниха-2. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 1,6 км ниже по течению от предыдущего объекта (рис. 2. – 15), обнаружено два отщепа и реберчатый скол.

16. Жильниха-3. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 500 м ниже по течению от предыдущего памятника (рис. 2. – 16), собрана коллекция, состоящая из 25 артефактов: отщепы – 17, пластины – 2 (рис. 3. – 9), пластинчатые отщепы – 2, обломок нуклеуса – 1, выемчатое орудие – 1, оригинальное орудие – 1 (рис. 3. – 6). Оригинальное

орудие имеет сходство с аналогичными изделиями третьего и четвертого культурных горизонтов многослойной стоянки Ушлеп-6 в Горной Шории, которые датируются раннесартанским временем (17-23 тыс. лет назад).

17. Жильниха-4. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 300 м ниже по течению от предыдущего местонахождения (рис. 2. – 17), собрано 14 каменных артефактов: отщепы – 12, скребок концевой на пластине – 1 (рис. 3. – 7), нуклеус призматический – 1 (рис. 3. – 8).

18. Жильниха-5. На бечевнике левого берега р.Чумыш, в 350 м северо-западнее предыдущего объекта (рис. 2. – 18), найден мелкий отщеп.

19. Жильниха-6. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 200 м ниже по течению от предыдущего местонахождения (рис. 2. – 19), выявлен 21 артефакт: отщепы – 5, пластины – 3 (рис. 5. – 2, 3), обломки – 2, аморфный нуклеус – 1, скребло – 1 (рис. 5. – 4), тесло – 1 (рис. 5. – 1), фрагменты керамики – 6 (рис. 4. – 1-5). Фрагменты керамики происходят от сосудов баночной формы. В орнаментации этого комплекса использованы отпечатки гребенчатого штампа (рис. 4. – 1, 3), прочерченные линии (рис. 4. – 4), ряды ямок и оформление среза венчика наружу (рис. 4. – 5).

20. Чесноково-1а. Местонахождение выявлено на бечевнике левого берега р.Чумыш, в 1,1 км к юго-востоку от с.Чесноково (рис. 2. – 20). Коллекция памятника состоит из семи отщепов и обломка нуклеуса.

21. Чесноково-2. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 1,1 км ниже по течению от предыдущего объекта (рис. 2. – 21), обнаружено шесть отщепов, преформа и фрагмент керамики без орнамента.

22. Чесноково-3. На бечевнике левого берега р.Чумыш, в 400 м ниже по течению от предыдущего памятника (рис. 2. – 22), найдено пять отщепов, преформа, нуклевидное изделие, оригинальное орудие.

23. Чесноково-4. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 500 м ниже по течению от предыдущего пункта (рис. 2. – 23), собрана коллекция, состоящая из 17 артефактов: отщепы – 7, пластина – 1 (рис. 3. – 11), тесло – 1 (рис. 3. – 10), фрагменты керамики – 8 (рис. 4. – 6-11). Шесть венчиков (рис. 4. – 6-11) происходят от баночных сосудов. Наиболее часто в декоре использовался жемчужник (рис. 4. – 6, 8, 11), в ряде случаев с разделителем (рис. 4. – 8, 11), встречается ямочный орнамент (рис. 4. – 7, 10). Один фрагмент орнаментирован отпечатками косо и прямо поставленного гребенчатого штампа (рис. 4. – 12).

24. Чесноково-5. На бечевнике левого берега р.Чумыш, в 1,1 км ниже по течению от предыдущего местонахождения (рис. 2. – 24), обнаружено четыре отщепа и проколка (рис. 3. – 12).

25. Чесноково-6. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 200 м к северу от предыдущего объекта (рис. 2. – 25), найден мелкий отщеп.

26. Чесноково-7. На бечевнике левого берега р.Чумыш, в 500 м ниже по течению от предыдущего памятника (рис. 2. – 26), собрана маловыразительная коллекция, состоящая из двух пластинчатых отщепов.

27. Чесноково-8. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 1,5 км ниже по течению от предыдущего объекта (рис. 2. – 27), найден крупный отщеп.

28. Победа-1. Местонахождение выявлено на бечевнике левого берега р.Чумыш, напротив юго-западной окраины с.Победа (рис. 2. – 28). Коллекция памятника состоит из двух отщепов, пластины с ретушью (рис. 5. – 6) и скребла (рис. 5. – 5), которое изготовлено из полупервичного отщепа, сколотого с гальки микрокварцита. Аналогичная галька в долине Чумыша отсутствует. Не исключено, что или само скребло, или сырье было принесено из долины реки Неня.

29. Победа-2. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 600 м ниже по течению от предыдущего пункта (рис. 2. – 29), обнаружено шесть отщепов.

30. Победа-3. На бечевнике левого берега р.Чумыш, в 400 м к северу от предыдущего объекта (рис. 2. – 30), найден средний отщеп.

31. Победа-4. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 500 м ниже по течению от предыдущего памятника (рис. 2. – 31), подобран средний отщеп.

32. Степь-Чумыш-1. Местонахождение выявлено на бечевнике левого берега р.Чумыш, в 250 м ниже по течению от предыдущего пункта (рис. 2.-32). Здесь обнаружен фрагмент керамики, орнаментированный горизонтальными линиями гребенчатого штампа (рис. 5. – 7).

33. Степь-Чумыш-2. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 1,4 км ниже по течению от предыдущего объекта (рис. 2. – 33), найден фрагмент керамики, орнаментированный отпечатками гребенчатого штампа.

34. Степь-Чумыш-3. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 1,3 км ниже по течению от предыдущего памятника (рис. 2. – 34), подобран средний отщеп.

35. Степь-Чумыш-4. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 400 м ниже по течению от предыдущего местонахождения (рис. 2. –

35), обнаружены мелкий отщеп и фрагмент керамики (рис. 5. – 8), орнаментированный горизонтальными линиями гребенчатого штампа.

36. Степь-Чумыш-4а. На бечевнике левого берега р.Чумыш, в нескольких десятках метров от предыдущего пункта (рис. 2. – 36), найдено два фрагмента керамики, один из которых (рис. 5. – 9) орнаментирован оттисками гребенчатого штампа.

37. Куюк-2а. Местонахождение выявлено на бечевнике правого берега р.Чумыш, в 1,7 км к северо-западу от с.Степь-Чумыш (рис. 2. – 37). Коллекция памятника состоит из 41 артефакта: отщепы – 27 (рис. 6. – 9), обломок крупный – 1, реберчатый скол – 1, пластины – 3 (рис. 6. – 1, 3, 6), нуклеусы – 2 (рис. 6. – 2), скребла – 2 (рис. 6. – 7, 8), фрагмент бифаса – 1 (рис. 6. – 4), шиповидные орудия – 2, отщеп с ретушью – 1 (рис. 6. – 5), зубчатое орудие – 1.

38. Куюк-3а. На бечевнике левого берега р.Чумыш, в 900 м ниже по течению от предыдущего объекта (рис. 2. – 38), собрано два отщепа.

39. Куюк-4а. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 400 м ниже по течению от предыдущего памятника (рис. 2. – 39), обнаружено два отщепа.

40. Октябрьский-6. На бечевнике правого берега р.Чумыш, в 1,6 км ниже по течению от предыдущего местонахождения (рис. 2. – 40), найден мелкий отщеп.

Таковы итоги обследования долины р.Чумыш в 1997 году. Основная часть спроецированных Чумышом каменных артефактов может быть отнесена к палеолитическому комплексу (Кунгуров А.Л., Маркин М.М., 2002 а, б). Неолитическим временем датируются тесла с местонахождений Чесноково-4 (рис. 3. – 10) и Жильниха-6 (рис. 5. – 1), а также призматический нуклеус с Жильнихи-4 (рис. 3. – 8).

Представленный керамический комплекс вышеописанных местонахождений, также, безусловно, разновременен и относится к разным культурно-стратиграфическим горизонтам. Большая часть фрагментов керамики принадлежит к быстрянской культуре раннего железного века (рис. 4. – 5-8, 10, 11). Несколько фрагментов, орнаментированных отпечатками гребенчатого штампа, возможно, относятся к эпохе ранней бронзы (рис. 4. – 2; 5. – 7, 8). Одинцовская культура представлена венчиком с местонахождения Чесноково-4 (рис. 4. – 9) (Маркин М.М., Папин Д.В., 2001).

Материалы разведки 1997 г. значительно дополняют археологическую карту верхнего течения Чумыша и расширяют наши знания по древней истории данного региона.

Работа выполнена при поддержке Минобразования РФ, грант PD02-3.14-20.

Таблица 1

Каменный инвентарь памятника Поповинская Гора-1

№ п/п	Наименование изделия	Кол-во артефактов, собранных с поверхности	Кол-во артефактов, полученных из шурфа		Всего	%	№ на рис.	№ на илл.
			Пахотный слой	Инситное залегание				
1.	Осколки, обломки средние	1	1	1	3	1,10	–	
2.	мелкие	17	6	14	37	13,60	–	–
3.	Отщепы средние	–	–	1	1	0,37	–	–
4.	мелкие	28	10	42	80	29,15	–	–
5.	Чешуйки	56	12	62	130	47,79	–	–
6.	Технические сколы	2	–	1	3	1,10	–	–
7.	Пластины	3	–	1	4	1,46	1	8, 9, 11, 14 10, 12, 13, 1
8.	Пластинчатые отщепы	1	1	2	4	1,46	1	5
9.	Желваки	1	1	–	2	0,73	–	–
10.	Нуклевидные обломки	2	–	–	2	0,73	–	–
11.	Нуклеусы	2	1	–	3	1,10	1	5–7
12.	Орудия	3	–	–	3	1,10	1	2–4
	ИТОГО:	116	32	124	272	100		

Рис. 1. Схема расположения (1) и каменный инвентарь (2-15) памятника Поповинская Гора - 1.

2, 3 - скребки; 4 - бифас; 5-7 - нуклеусы; 8,9,11,14 - пластины; 10,12,13,15 - пластнчатые отщепы

Рис. 2. Схема расположения местонахождений спроецированных артефактов долины р. Чумыш

1 - Топтан 1; 2 - Топтан 2; 3 - Топтан 3; 4 - Васильевское 1; 5 - Васильевское 3; 7 - Волчиха 1; 8 - Волчиха 2; 9 - Волчиха 3; 10 - Локоть 1; 11 - Локоть 2; 12 - Локоть 3; 13 - Локоть 4; 14 - Жильниха 1; 15 - Жильниха 2; 16 - Жильниха 3; 17 - Жильниха 4; 18 - Жильниха 5; 19 - Жильниха 6; 20 - Чесноково 1 а; 21 - Чесноково 2; 22 - Чесноково 3; 23 - Чесноково 4; 24 - Чесноково 5; 25 - Чесноково 6; 26 - Чесноково 7; 27 - Чесноково 8; 28 - Победа 1; 29 - Победа 2; 30 - Победа 3; 31 - Победа 4; 32 - Степь - Чумыш 1; 33 - Степь - Чумыш 2; 34 - Степь - Чумыш 3; 35 - Степь - Чумыш 4; 36 - Степь - Чумыш 4 а; 37 - Куюк 2а; 38 - Куюк 3 а; 39 - Куюк 4 а; 40 - Октябрьский 6

Рис. 3. Каменный инвентарь местонахождений Топтан 2 (1,2,5). Топтан 3 (3). Васильевское 2 (4), Жильниха 3 (6,9), Жильниха 4 (7,8), Чесно - ково 4 (10,11), Чесноково 5 (12).
1,5,8 - нуклеусы; 2 - пластина с ретушью; 3,9,11 - пластины; 4 - остро - конечник леваллуа; 6 - оригинальное орудие; 7 - скребок; 10 - тесло; 12 - проколка.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

Рис. 4. Керамика с местонахождений Жильниха 6 (1-5) и Чесноково 4 (6-11)

Рис. 5. Каменный инвентарь (1-6) и керамика (7-9) и керамика (7-9) с местонахождений Жильниха 6 (1-4), Победа 1 (5-6), Степь-Чумыш 1 (7), Степь-Чумыш 4 (8) и Степь-Чумыш 4 а (9).

1-тесло; 2,3-пластины; 4,5-скребла; 6-пластина с ретушью

Рис. 6. Каменныйи инвентарь местонахождения Куюк 2 а.
1,3,6 - пластины; 2 - нуклеус; 4 - фрагмент бифаса;
5 - отщеп с ретушью; 7,8 - скребла; 9 - отщеп

М.М. Маркин, Р.В.Белоусов

Поселения раннего железного века верховий Чумыша (Ельцовский район Алтайского края)

(Барнаул, Алтайский государственный университет, Барнаульский государственный педагогический университет)

В 1993 - 2004. гг. М.М. Маркиным были произведены археологические разведки в верховьях Чумыша, в пределах Ельцовского и Топчихинского районов. В ходе работ были выявлены ранее неизвестные объекты, некоторые из них были опубликованы (Маркин М.М., Папин Д.В., 2001, с. 155; Маркин М.М., 1997; 2000; 2003 а; 2003б; Кунгуров А.Л., Маркин М.М. 1995. С. 15 - 20; Кунгуров А.Л., Маркин М.М. 2000. с. 86 - 88). В данной статье мы останавливаемся на публикации материала, относящегося к раннему железному веку (рис. 1).

1. Иваноозерское-1. Многослойный памятник.

Обнаружен в 1994 г. М.М. Маркиным в 4,1 км к северо-западу от с. Степь-Чумыш, в 5,8 км к югу от с. Брагино. Располагается на правом борту долины ручья, который несет свои воды с водораздельного кряжа и впадает в старичное озеро Иваново. Площадка, занятая памятником, возвышается над ручьем на 11 м, над поймой Чумыша – более чем на 40 м.

Всего здесь вскрыто 64 кв. м. Культурный слой 1 выявлен в темно-серой гумусированной супеси на глубине 17-20 см. Представлен камнями – манупортами и несколькими фрагментами керамики, один из которых орнаментирован вдавлениями изнутри и прочерченными линиями. Датируется ранним железным веком. Ниже залегали слои эпохи ранней бронзы и финала палеолита (Маркин М.М., 2003 а).

2. Сары-Айры-4. Многослойный памятник.

Приурочен к пологому склону долины безымянного ручья – левого притока р. Чумыш. Находится в 4,4 км к северо-западу от с. Степь-Чумыш, в 4,5 км к югу от с. Брагино. В 1993 г. М.М. Маркин собрал здесь подъемный материал эпохи камня (Маркин М.М., 2003 б, с.131), а в 1994 г. вскрыл здесь 4 кв. м. Верхний культурный слой залегал в темно-серой гумусированной супеси. Из него извлечены обломки керамической посуды, в том числе и два орнаментированных венчика. Первый фрагмент происходит от горшковидного сосуда с раздутым туловом и уплощенным венчиком (рис. 4 – 1). Орнамент выполнен оттисками среднегребенчатого штампа и образует горизонтальные ряды по тулову и венчику. Относится к эпохе раннего средневековья.

Второй – осколок баночного сосуда с налепным валиком (рис – 2). Под венчиком располагался ряд жемчужин, валик украшен оттисками гладкого штампа, образующих орнамент “елочку”. Фрагмент датируется эпохой раннего железного века (VI – I вв. до н.э) и относится к быстрянской культуре.

3. Лысый Елбан-1. Поселение.

Находится в 5,1 км к северо-западу от с. Степь-Чумыш, в 3,7 км к юго-юго-востоку от с. Брагино. Подъемный материал собирался в 1990-1999 гг. в разрушениях на пологом левом склоне долины безымянного ручья (при выходе ее в долину Чумыша), на разных высотах (1-18 м над уровнем поймы). Разрушения вызваны вытаптыванием склона скотом.

Всего здесь обнаружено 23 фрагмента керамики, восемь фрагментов костей (лошадь ?), два каменных отщепа, два каменных обломка, а также сильно разрушенное пряслице, орнаментированное крупными вдавлениями. Фрагментов керамики с орнаментом – четыре. Первый – венчик и стенка от верхней части сосуда баночной формы, оформлен рядом ямок под венчиком (рис. 3 – 1). Второй - фрагмент стенки сосуда (рис. 3 – 2), оформлен налепным валиком, который орнаментирован косыми отпечатками гладкого штампа. Следующий также фрагмент стенки сосуда (рис. 3 – 6). Возможно, был орнаментирован “сеточкой”, выполненной гладким штампом. Последний – фрагмент верхней части сосуда, вероятно баночной формы (рис. 3 – 4). Под венчиком орнамент представляет собой ряд жемчужин, под жемчужником налепной валик, рассеченный оттисками гладкого штампа. Три вышеперечисленных фрагмента относятся к эпохе раннего железа, причем сосуды с валиком к быстрянской культуре. Стенку с орнаментом “сеточка” предположительно можно отнести к финальной фазе эпохи бронзы или переходному времени (X – IX – VIII и IX – VIII – VII вв. до н.э. соответственно).

4. Октябрьский-8. Местонахождение.

В 1997 г. М.М. Маркиным был произведен сбор подъемного материала на бечевнике правого берега р. Чумыш, в 4,8 км к северо-западу от с. Степь-Чумыш, в 3,6 км к юго-востоку от с. Брагино. К раннему железному веку может быть отнесен фрагмент венчика, орнаментированный рядом жемчужника с разделителем в виде отпечатков кончика палочки.

5. Усть-Татарка-1. Поселение.

Открыто в 2004 г. М.М. Маркиным в 5,5 км к северу от с. Степь-Чумыш, в 3,4 км к юго-западу от с. Брагино. Располагается на мысе,

образованном долиной р. Татарка и поймой р. Чумыш, в пределах надпойменной террасы с высотой бровки около 20 м. Западная часть мыса занята кладбищем ныне не существующего пос. Октябрьский. В 70 м к востоку от кладбища заложен шурф площадью 4 кв. м. Обнаружено 13 фрагментов керамики без орнамента и два фрагмента венчика. Один из них происходит от баночного сосуда с приостренным краем венчика (рис. 4 – 5). Орнамент выполнен техникой гладкого штампа и жемчужником. Сосуды таких типов датируются эпохой раннего железа.

6. Данилкино-1. Многослойный памятник.

Выявлен в 1999 г. М.М. Маркиным в 6 км к северо-северо-западу от с. Степь-Чумыш, в 2,6 км к юго-юго-востоку от с. Брагино. Памятником занята надпойменная терраса с высотой бровки 6 м. В 10 – 30 м к востоку от террасы находится старичное озеро Данилкино, от которого памятник и получил свое название. Юго-восточная оконечность террасы срыта трактором, края рытвины разрушаются от вытаптывания скотом. В северо-западном углу котлована собран подъемный материал – несколько фрагментов керамики и более 200 каменных артефактов из алевролита. Один фрагмент керамики орнаментирован сеточкой и рядом жемчужин под венчиком (рис. 4 – 9), второй строкой жемчужника и гладким штампом, образующим орнамент "елочку" (рис. 4 – 7). Фрагменты можно отнести к заключительному этапу бронзы, или переходному времени (XI – VIII – VII вв. до н.э.)..

7. Корнилово-1. Поселение.

Памятник открыт в 1999 г. М.М. Маркиным в 6,5 км к северо-северо-западу от с. Степь-Чумыш, в 2,1 км к юго-востоку от с. Брагино. Приурочен к подошве мыса между юго-восточным бортом Корнилова лога и высохшей старицей в пределах поймы р. Чумыш.

Поверхность подошвенной части мыса повреждена разрушениями, вызванными вытаптыванием склона скотом. Здесь собрана немногочисленная коллекция, состоящая из 25 каменных артефактов и 10 фрагментов керамики. Вся керамика без орнамента, за исключением фрагмента происходящего от баночного сосуда с округлым венчиком (рис. 4 – 6). Посуда была украшена "елочкой", выполненной гладким штампом. Датируется переходным временем или эпохой раннего железа (VIII – VII вв.до н.э. – V – I вв. до н.э.).

8. Брагино-2. Местонахождение.

В 1997 г. М.М. Маркиным собран подъемный материал на бечевнике правого берега р. Чумыш, в 7 км к северо-северо-западу от с. Степь-Чумыш, в 1,2 км к юго-востоку от с. Брагино. К раннему железному веку может быть отнесен фрагмент венчика, орнаментированный

рядом жемчужника с разделителем в виде наклонных отпечатков штампа (Маркин М.М., Папин Д.В., 2001, с. 155).

9. Моржиха-1. Многослойный памятник.

Открыт в 2004 г. М.М. Маркиным, вскрывшим здесь 4 кв. м. Располагается на мысе, образованном изгибом поймы р. Чумыш, в пределах террасы с высотой бровки 4 м. Памятник удален от с. Степь-Чумыш на 8,5 км к северу, от с. Брагино – на 1,8 км к востоку. Верхний культурный слой, залегавший в темно-серой гумусированной супеси, представлен 10 фрагментами керамики без орнамента и тремя фрагментами от баночных сосудов. Орнаментация типична для раннего железного века – ряды из вдавлений и жемчужин (рис. 4 – 3).

10. Моржиха-2. Поселение.

Находится в 0,5 км к юго-востоку от предыдущего памятника. Также расположено на мысе в пределах террасы с высотой бровки 4 м. В 2004 г. М.М. Маркин вскрыл здесь 4 кв. м. Получено 5 фрагментов керамики без орнамента и фрагмент от баночного сосуда с отогнутым наружу венчиком (рис. 4 – 11). Осколок украшен жемчужинами и гладким штампом, что позволяет отнести его к раннему железному веку.

11. Брагино-9. Местонахождение.

В 1997 г. М.М. Маркиным собран подъемный материал на бечевнике правого берега р. Чумыш, в 1,4 км к северу от с. Брагино, в 2 км к юго-востоку от с. Мартыново. К раннему железному веку могут быть отнесены два фрагмента венчиков, один из которых орнаментирован рядом жемчужника с разделителем в виде ямки, другой – рядом жемчужника и тремя рядами косых линий, нанесенных гладким штампом (Маркин М.М., Папин Д.В., 2001, с.155).

12. Крутая Речка-1. Поселение.

Выявлено в 2004 г. М.М. Маркиным в 2,5 км к северу от с. Брагино, в 2 км к юго-востоку от с. Мартыново. Располагается на мысе, образованном долиной р. Крутая и поймой р. Чумыш, в пределах надпойменной террасы с высотой бровки 8 м. Из шурфа площадью 4 кв. м получено 30 фрагментов керамики без орнамента и два фрагмента, украшенных отпечатками гладкого штампа, причем на одном из них орнамент образует фигуру “уточки”. Материалы памятника могут быть отнесены к раннему железному веку (V вв. до н.э. – III в н.э.), а в культурном плане, возможно, относятся к кулайской культуре (Троицкая Т.Н., 1972).

13. Усть-Осиновка-2. Поселение.

Открыто в 2003 г. М.М. Маркиным, вскрывшим здесь 4 кв. м. Памятник расположен на правом берегу р. Осиновка, в месте выхода долины реки в пойму Чумыша, у юго-западной окраины с. Мартыново. Находки залегали в темно-серой гумусированной супеси на глубине 10-60 см. Коллекция памятника включает 104 фрагмента керамики (орнаментированных – 14), 10 отщепов, два орудия из керамики, костяное орудие, пяти фрагментов кости, гальку, зуб лошади. Керамический материал неоднороден, как в хронологическом, так и в культурном плане. Два фрагмента, происходящих от баночных сосудов (рис. 2 5, 8) можно отнести к финальному этапу бронзы или переходному времени (IX – VIII – VII вв. до н.э.). Посуда украшалась "сеточкой", выполненной гладким штампом (рис. 2 - 5) и "елочкой" (рис.2 - 10). Девять фрагментов и один графически реконструируемый сосуд датируются ранним железным веком, в рамках бытования лесостепных культур Алтая – каменской, быстрянской и староалейской (VI – V – I вв. до н.э.) (Могильников, 1997; Фролов, 2001). Фрагменты происходят от баночных сосудов закрытого типа (рис. 2 – 2, 3; рис. 3 – 3), с вогнутым дном (рис. 5 – 2). Орнаментация типична для этого времени: горизонтальный ряд жемчужин (рис. 2 – 2), жемчужник в сочетании с каплевидными (рис. 2 – 3) и округлыми вдавлениями (рис. 3 – 3; рис. 5 – 1). Несколько фрагментов, происходящих от баночных сосудов с орнаментацией выполненной гребенчатым штампом и вдавлениями (рис. 2 – 4,9; рис. 3 – 7), по нашему мнению, можно отнести к кулайско-одинцовскому времени (I – IV вв. н.э).

14. Усть-Осиновка-3. Местонахождение.

Памятник находится в 0,2 км к юго-востоку от предыдущего, на мысе, образованном долиной р. Осиновка и поймой р. Чумыш. Поверхность мыса распахана. В 2003 г. на пашне М.М. Маркиным собрано 8 фрагментов керамики, два из которых орнаментированы (рис. 2 – 1,10). Фрагменты происходят от баночных сосудов открытого типа. Посуда украшалась жемчужником в сочетании с округлыми вдавлениями, валиком и прочерченными косыми линиями, которые рассекали валик (рис. 2 – 1,10). В культурном плане посуду можно связать с быстрянской культурой раннего железного века (V – I вв. до н.э.) (Могильников В.А., 1997, с. 30 – 35).

15. Мартыново-4. Местонахождение.

В 1997 г. М.М. Маркиным собран подъемный материал на бечевнике левого берега р. Чумыш, на территории с. Мартыново. К раннему железному веку может быть отнесен венчик сосуда, орнаментирован-

ный рядом жемчужника и горизонтальной "елочкой" (Маркин М.М., Папин Д.В., 2001, с.156).

16. Мартыново-7. Местонахождение.

В 1,3 км к северо-западу от предыдущего местонахождения, также в пределах с. Мартыново, на бечевнике правого берега р. Чумыш в 1997 г. М.М. Маркин обнаружил фрагмент венчика сосуда, орнаментированный рядом жемчужника с разделителем, под ним – горизонтальными отпечатками гребенчатого штампа (Маркин М.М., Папин Д.В., 2001, с.156).

Одно поселение, относящиеся к раннему железному веку обнаружено на территории Тогульского района Алтайского края.

Свирдино-1. Поселение.

Расположено на террасе правого берега р. Чумыш с высотой бровки 5 м, в 3,5 км к северу от с. Колонково. В 1994 г. М.М. Маркиным здесь вскрыто 4 кв. м. Коллекция памятника включает 10 фрагментов керамики, происходящих от баночных сосудов и орнаментированных округлыми вдавлениями (Маркин М.М., 1997, с.42). Предварительно возможно датировать ранним железным веком.

Таким образом, исходя из вышеперечисленного материала, прослеживаются следующие особенности расположение поселенческих комплексов раннего железного века в верховьях Чумыша:

1) Поселения раннего железного века приурочены к устьевым зонам мелких рек и ручьев, в местах выхода их в долину Чумыша.

2 Население раннего железного века занимало площадь, освоенную в более ранние эпохи – наличие слоя относимого к периоду V–I вв. до н.э., наблюдаются практически на всех многослойных объектах верховий Чумыша.

Закономерность расположение поселков в различные эпохи в одних и тех же местах отражает своеобразную гидрографическую обстановку в данном регионе – крупнейшая водная артерия (Чумыш) являться "неспокойной" рекой, часто меняющая свое русло (этот процесс можно наблюдать в современное время). В данных условиях целесообразно было располагать стационарные поселки на высоких берегах в устьях небольших водных притоков. Этим достигалось безопасность жилых объектов в период весенних паводков и в то же время способствовало максимальному освоению биоресурсов акватории Чумыша.

Рис. 1. Схема расположения памятников раннего железного века Ельцовского района

1 - Иваноозерское 2; 2 - Сары-Айры; 3 - Лысый Елбан;4 - Октябрьский 8; 5 - Усть-Татарка 1; 6 - Данилкино 1; 7 - Корнилово 1; 8 - Брагино 2; 9 - Моржиха 1; 10 - Моржиха 2; 11 - Брагино 9; 12 - Крутая Речка 1; 13 - Усть-Осиновка 2; 14 - Усть-Осиновка 3; 15 - Мартыново 4; 16 - Мартыново 7

Рис. 2. Керамический материал поселений верховий Чумыша.
1,10- поселение Усть-Осиновка 3.
2,3,4,5,6,8,9 - Усть-Осиновка 2.
7 - Нижний Мунай 1 (Солтонский район)

Рис. 3. Керамический материал поселений верховий Чумыша.
1,2,4,6 - Лысый Елбан.
3,5,7 - Усть-Осиновка 2

Рис. 4. Керамический материал с верховий Чумыша.
1, 2 - поселение Сары-Айры 4 ; 4,8 - Крутая Речка 1; 5 - Усть-Татарка 1; 6 - Корнилово 1; 7,9 - Данилкино 1; 10 - Свирдино; 11 - Моржиха 2; 3 - Моржиха 1

Рис. 5. Керамический материал с верховий Чумыша.
1,2 - Усть-Осиновка 2

М.А. Демин, С.М. Ситников

Новые материалы андроновской культуры из Целинного района

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет, Лаборатория исторического краеведения)

Впервые материалы андроновской культуры на территории Верхнего Причумышья были получены в 60-70 гг. в ходе работ А.П. Уманского и П.Ф. Рыженко (Уманский А.П., 1965). В дальнейшем исследование поселенческих и погребальных комплексов эпохи бронзы было продолжено А.Л. Кунгуровым (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996; Кунгуров А.Л., 1999; Кунгуров А.Л., Лузин С.Ю., 1992; Лузин, 1991). В последние годы в результате работ Чумышской археологической экспедиции под руководством М.А. Демина были получены новые материалы андроновской культуры, ввод в научный оборот которых является основной целью данной публикации.

Поселение Манжиха-2 расположено в 1 км к юго-востоку от с. Победа и в 700 м от места впадения р. Манжиха в правый берег р. Чумыш (рис.1). Памятник открыт в 1993 г. А.Л. Кунгуровым и П.Ф. Рыженко. Поселение находится в аварийном состоянии, т.к. в различные годы с территории памятника для хозяйственных нужд вывозилась земля, что привело к необратимой утрате части археологического материала. По нашим наблюдениям на некоторых участках поселения культурный слой оказался уничтоженным на глубину до 1 м. Между тем, материалы данного памятника представляют существенный интерес для науки, поскольку поселенческие комплексы андроновской культуры на территории Южной Сибири исследованы до настоящего времени еще довольно таки слабо.

В ходе раскопок поселения встречены два фрагмента керамики эпохи поздней бронзы, один фрагмент гончарной русской глазулированной керамики (рис.7-5), несколько фрагментов раннего железного века (рис.7-2,7) и костяной «костылек» этого же времени (рис.6-8). Однако основу комплекса составляют материалы андроновской культуры.

Значительную часть находок составляет керамика, представленная обломками, происходящими не менее чем от 200 сосудов (подсчет выполнен по венчикам). Анализ имеющегося материала по форме позволяет выделить посуду трех групп.

Для посуды первой группы характерна горшковидная форма и богатая, преимущественно геометрическая гребенчатая орнаментация и зональность в расположении узоров (рис.4-8,9,19, рис.5-6)). В целом

подобная керамика в большей степени характерна для андроновских погребальных комплексов (Максименков А.Г., 1978, с.177, табл.XLII-1-8,9-11,14,15, с.179, табл.XLIV-1-5; Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., 1993, с.80, рис.1-1,3-7, с.84, рис.3; Зах В.А., 1997, с.52, рис.22-3; Уманский А.П., 1999, с.90, рис.1-1-5; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000, с.42, рис.1-1) и в материалах поселений занимает небольшой процент (Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., 1990, с.46, рис.2; Лузин С.Ю., 1991, с.57, рис.1-5).

Керамика второй группы характеризуется слабопрофилированной переходной формы от горшка к банки (рис.2-1,5,9, рис.3-2-5). Посуду третьей группы составляют баночные сосуды, доля которых на памятнике составляет около 70 % от всего комплекса (рис.2-10, рис.3-1,6,8,9, рис.4-1,3,13, рис.5-3,5,8-12,15, рис.8-1,3,5-8). Орнаментационные мотивы на посуде данных групп близки. Это елочки различных модификаций (рис.3-8, рис.4-2, рис.5-8,13, рис.8-5), иногда в сочетании с наколами (рис.2-2,6,8,9, рис.3-1-3,5,7,8, рис.4-17,18, рис.5-2,4,9,11,14,15, рис.8-1,2,7), ряды вдавлений (рис.2-3,4,11, рис.3-6, рис.4-12, рис.8-:), желобки (рис.2-7), каннелюры (рис.3-1, рис.4-12, рис.5-7,10). Рассматривая керамику второй и третьей группы отметим, что в целом она типична для поселенческих комплексов андроновской культуры Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., 1990, с.48, рис.3, с.51, рис.4; Лузин С.Ю., 1991, с.57, рис.1; Ситников С.М., 1998, с.75, рис.1-2-8; Кунгуров А.Л., 1999, с.20, рис.2-1-7, с.21, рис.3) и сопредельных территорий (Черников С.С., 1960, с.247, табл.LIV-1-7; Молодин В.И., 1985, с.101, рис.53; Зах В.А., 1997, с.45, рис.17).

Орнаментация двух сосудов с поселения Манжиха-2 существенно выбивается из андроновских канонов. Первый сосуд украшен хаотичными наколами (рис.8-4). Второй – украшен наклонносвисающими оттисками гладкого штампа и ногтя, имеет орнаментированное дно (рис.8-8). Необходимо отметить, что применение ногтя в орнаментации характерный признак саргаринско-алексеевской культуры. Вероятно мигрировав с территории Казахстана в районы лесостепного и степного Алтая, саргаринско-алексеевские племена вступили в контакты с познефедоровским населением. Данные контакты, прежде всего, должны были найти свое отражение в керамическом материале одной культуры в виде появления отдельных элементов орнамента, присущих другой.

При рассмотрении керамического материала андроновской культуры мы можем заметить отдельные свидетельства данных контактов на ряде памятников. В могиле 28 могильника Ближние Елбаны XIV встречен баночный сосуд, украшенный оттисками ногтя, образующи-

ми вертикальные ряды (Грязнов М.П., 1956, с.165, табл.III-17). Оттиски ногтя зафиксированы на одном из сосудов могильника Березовка в верховьях р. Алей (Демин М.А., Ситников С.М., 1998, с.96, рис.2-4). Ногтевые оттиски встречены на андроновской керамике с городища Елбанка (Ситников С.М., Гельмель Ю.И., 2000, с.63, рис.2-8). Авторами ранее уже отмечался ярковыраженный позднефедоровский характер данного комплекса (Ситников С.М., Гельмель Ю.И., 2000, с.64).

На поселении Переезд, в раскопанном жилище, давшем материал позднефедоровского типа, в хозяйственной яме встречено два фрагмента станковой керамики (Удодов В.С., 1991, с.76). Отметим, что станковая керамика встречается практически на всех саргаринско-алексеевских памятниках лесостепного Алтая. Близкая картина фиксируется и на ряде казахстанских памятников.

В свою очередь, данные контакты нашли свое отражение и в материалах саргаринско-алексеевской культуры лесостепного и степного Алтая. Часть материалов поселения Новоильинка несет в себе позднеандроновские черты (Удодов В.С., 1991, с.76). На поселении Бурла-3 встречена керамика, сопоставимая с позднеандроновской (Удодов В.С., 1991, с.76).

Андроновские черты зафиксированы и в саргаринско-алексеевских материалах Казахстана – поселениях Трушниково (Черников С.С., 1960, с.247, табл.LIV-4), Меновое (Ткачев А.А., и др., 2000, с.133, рис.2-23) и ряде других памятников.

Полученный в ходе раскопок поселения каменный, металлический и костяной инвентарь делится на украшения и орудия производственной деятельности.

К украшениям относится двухстворчатая раковина моллюска (рис.6-1) обнаруженная в культурном слое. Аналогичные раковины (Pectunculum aralensis Romana) иногда встречаются в погребальных комплексах андроновской культуры – могильниках Нижняя Суетка (Уманский А.П., 1999, с.93, рис.4-10), Тасты-Бутак 1 (Сорокин С.С., 1962, с.161, табл. XXXIX-17-19), Семипалатное (Зданович Г.Б., 1988, с.105, рис.41-4), Ак-Мустафа (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, с.73, рис.42-1), Койшокы (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, С.80, рис.50-4), Хрипуновский (Матвеев А.В., 1998, с.149, рис.54-15), Нуртай (Ткачев А.А., 2002а, с.190, рис.70-18, с.191, рис.71-17,30), Аяпперген (Ткачев А.А., 2002б, с.80, рис.167-13,14), Бозенген (Ткачев А.А., 2002а, с.230, рис.96-11, 19), Ипкень 1 (Ткачев А.А., 2002а, с.253, рис.106-4-7), Актобе 2 (Ткачев А.А., 2002а, с.282, рис.121-6).

К украшениям также относится небольшая стержневидная подвеска слабоизогнутой формы из светлого металла (возможно свинец) с небольшим отверстием в верхней части для подвешивания (рис.6-6).

К деталям фурнитуры относится небольшая подпрямоугольная костяная пряжка (рис.6-11) и пуговица (рис.8-9).

К орудиям производственной деятельности относится скребок для выделки кожи изготовленный из нижней челюсти крупного копытного животного (рис.7-1). Аналоги данному изделию довольно многочисленны и фиксируются в материалах различных культур эпохи бронзы (Черников С.С., 1960, с.233, табл.XXXVIII-2, с.234, табл.XXXIX-5; Матвеев А.В., 1993, с.158, табл.4-16; Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с.106, рис.38-8-10, с.107, рис.39; Кунгурова Н.Ю., Ситников С.М., 1999, с.49, рис.1-1-4; Демин М.А., Ситников С.М., 1999, с.34, рис.3-6, с.4, рис.4-1; Евдакимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002, с.130, рис.29-1,2; Ткачев А.А., 2002а, с.117, рис.38-8,15). Широкое распространение данных орудий было обусловлено одной из отраслью специализации древнего населения – кожевенном производстве.

В ходе раскопок обнаружено две костяных проколки. Первое изделие выполнено из грифильной кости лошади (рис.6-3), второе из трубчатой животного (рис.6-7).

Костяная рукоять для шила, обнаруженная в культурном слое, выполнена из бабки лошади (рис.6-2).

В ходе раскопок было обнаружено два альчика мелких копытных животных с заполированными боковыми гранями (рис.6-9,10). Трасологический анализ подобных изделий с поселения Переезд позволяет интерпретировать их как орудия для обработки поверхности отлитых бронзовых изделий (Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С., 1997, с.78). Не отрицая подобной интерпретации, отметим, что иногда аналогичные изделия в качестве сопроводительного инвентаря встречаются и в андроновских погребальных комплексах. В ходе раскопок могильника Чекановский Лог-10 в могиле №2 за спиной ребенка в районе пояса было встречено четыре альчика, в могиле №3, содержавшей кремированные останки подростка один (Демин М.А., Ситников С.М., 2000, с.121), в детском погребении №49 пять (причем все они имели просверленные отверстия для подвешивания). Отметим, что данный тип изделий более характерен для детских погребений, что возможно свидетельствует о наличии какой-то «игры, варианты которой были широко распространены у древних скотоводов» (Максименков Г.А., 1978, с.71). Аналогичную функцию, возможно, выполняла и небольшая орнаментированная косточка (рис.6-4).

Круглая плоская каменная галька диаметром около 8 – 8,5 см возможно использовалась в керамическом производстве при формовки сосудов в качестве подставки (рис.7-3). В ходе раскопок две терочные плитки (рис.7-8,9), грузило (рис.7-4), обломок какого-то орудия с вырезанным орнаментом (рис.6-5). Из других орудий следует отметить обломок небольшого глиняного кирпичика (рис.7-6).

Рассматривая материалы поселения в целом отметим, что большое количество находок и значительный культурный слой свидетельствуют о долговременном существовании памятника. Территория Верхнего Причумышья, благодаря наличию мелких и крупных речных артерий, удобных пастбищ была наиболее благоприятна для ведения скотоводческого хозяйства в андроновское время.

сечение горизонталей - 1 м.

Рис.1. Поселение Манжиха-2. План

Рис.2. Керамика с поселения Манжиха-2.

Рис.3. Керамика с поселения Манжиха-2.

Рис.4. Керамика с поселения Манжиха-2

Рис.5. Керамика с поселения Манжиха-2.

Рис.6. Инвентарь поселения Манжиха-2: 1 - раковина, 2-4,7-11 - кость, 5 - камень, 6 - свинец (?).

Рис.7. Инвентарь с поселения Манжиха-2: 1 - кость, 2,5,7 - керамика 3,4,8,9 - камень, 6 - глина.

Рис.8. Инвентарь с поселения Манжиха-2: 1-8 - керамика, 9 - кость

А.И. Кукушкин, Р.В. Белоусов

К археологической карте Целинного района

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

Летом 2002 - 2003 года авторами в ходе работ Чумышской археологической экспедиции осуществлена археологическая разведка на территории Целинного района Алтайского края. Обследование проводилось в два этапа, на первом этапе произведено археологическое обследование окрестностей с. Победа. Второй этап состоял из обследования долины р. Еланды, по маршруту: трасса Барнаул – Целинное – с. Еланда. В ходе разведки выявлено 9 памятников эпохи раннего железного века (рис. 1).

Манжиха – 4, поселение, расположенное в 1,5 км к северу от с. Победа, на склоне высокого (3 – 5 м) правого берега ручья Манжиха (рис. 2) . При обследовании указанной возвышенности в июле 2002 года был заложен разведочный шурф 15 метров длинной и 60 см шириной. На глубине - 35 см от современной дневной поверхности в южном углу раскопа зафиксировано пятно сажистого цвета, четко читавшееся в окружающем материке. При вскрытии обнаружены мелкие фрагменты костей и керамики (рис.2). Толщина пятна, его структура, наличие в нем обломков сосудов и костных останков, указывают, что данный объект - жилищная конструкция (жилище № 1). Датируется эпохой раннего железного века.

Карьер кирпичного завода, поселение. Расположено на правом берегу р. Чумыш, занимая северную окраину с. Победа. Поселением занят южный склон мыса, образованного второй надпойменной террасой (рис. 3). По сообщению местных жителей в 50 – е годы на этом месте находили скелеты людей. С целью выяснения характера памятника заложена траншея, показавшая значительную насыщенность культурного слоя. При зачистке дна шурфа, в его южной части, зафиксировано темное пятно, четко читающееся в материке. Во время вскрытия заполнения обнаружены мелкие фрагменты керамики, развал сосуда баночной формы (рис. 11, 4), обломок пряслица и каменное изделие (оселок?) (рис. 11, 1 – 2). В северной части пятна выявлен слой прокала толщиной 12 см и диаметром около 60 см, рядом с которым встречено большое количество костей животных. Наличие в заполнении артефактов позволяет связывать данный объект с жилищной конструкцией. Судя по орнаменту посуды и составу формовочной массы, поселение датируется раннежелезным веком.

Сосновый лог – 2, поселение. Находится на правом берегу р. Сосновки в 1 км к юго-западу от с. Победа. Памятником занята северная часть гривы, полого спускающейся к реке (рис. 4). В шурфе встречены фрагменты керамики и кости животных (рис. 11, 3). Следов золы и углистых вкраплений не наблюдалось. Датируется эпохой раннего железа.

Еланда – 1, местонахождение. Расположено на левом берегу р. Еланды в 300 м к западу от трассы Барнаул – Целинное. Памятником занят южный, пологий, склон холма, обращенный к р. Еланде (рис. 5). В пашне собраны фрагменты керамики (рис.12, 1 – 2) и мелкие кальцинированные кости. Датируется ранним железным веком.

Еланда – 2, местонахождение. Находится на левом берегу р. Еланды в 3 км к востоку от трассы Барнаул – Целинное. На дороге обнаружены фрагменты керамики (рис. 12, 3). Памятником занят южный склон гривы, полого спускающийся к реке (рис. 6). Датируется эпохой раннего железного века.

Еланда – 3, местонахождение. Расположено на левом берегу р. Еланды в 3,4 км восточнее трассы Барнаул – Целинное (рис. 7). В пашне, на южном полого понижающемся к реке склоне холма, собраны фрагменты керамики, относящиеся к эпохе раннего железа (рис. 12, 4).

Еланда – 4, местонахождение. Обнаружено на правом берегу р. Еланды в 500 м к югу от с. Еланда (рис. 8). В пашне на южном склоне холма собраны фрагменты керамики (рис. 12, 5) и мелкие кальцинированные кости. Датируется эпохой раннего железного века.

Еланда – 5, поселение. Находится на правом берегу р. Еланды на территории одноименного села. Поселением занят южный склон второй надпойменной террасы (рис. 9). На пашне приусадебного участка, по адресу ул. Советская – 21, собраны фрагменты керамики раннего железного века (рис. 12, 6 – 7).

Еланда – 6, местонахождение. Располагается на левом берегу р. Еланды в 5,6 км к юго-западу от с. Еланда. Памятником занята восточная часть холма (рис. 10). В пашне обнаружены фрагменты керамики и кости животных (рис. 12, 8).

Полученные в ходе работ 2002-2003 гг. материалы позволяют точнее понять специфику расположения памятников раннего железного века Верхнего Причумышья. Стационарные поселения располагаются в основном в долине реки Чумыша или недалеко от устья его мелких притоков – это исследованные разведочными отрядами БГПУ поселения – Манжиха-4 и Карьер кирпичного завода. Причем оба памятника различаются в использовании домостроительной техники. На

Манжихе-4 обнаружено жилище срубного типа, а на Карьере кирпичного завода конструкция постройки была каркасно-столбовой. Нахождение жилищ на поселении – признак "зимника" – стационарного поселения, которое функционировало круглый год. Зимние поселения в эпоху раннего железного века, по всей видимости, локализовались в долине Чумыша (Кунгуров А.Л., 1998, с. 39 – 54; Маркин М.М., Панин Д.В., 2001, с.153 - 156).

В верхнем течение Чумыша в него впадают множество мелких рек и ручьев (рр. Сосновка, Манжиха, Каменушка и др.). В ходе обследования одной из таких речек – Еланды, нами собран материал с шести ранее не известных местонахождений. Стационарных поселений практически нет, вероятно, это связано с особенностями ландшафта. Долина реки узкая и имеет высокие надпойменные террасы (30 – 50 м), по берегам встречаются выходы камня. Устройство стационарных поселков в таких условиях маловероятно, обнаруженные материалы, по нашему мнению, отражают процесс сезонного (летнего) нахождение скотоводов на данной территории.

Таким образом, можно говорить о следующем хозяйственном использовании бассейна Чумыша и впадающих в него рек в железном веке. Основные поселки древних жителей располагались у поймы р. Чумыш, где они проводили время с поздней осени по раннюю весну. Широкая долина обеспечивала кормом скот в зимнее время. Кроме этого нельзя исключать использование других биоресурсов реки, таких как рыболовство. Весной группы скотоводов расходились по долинам мелких речек впадающих в Чумыш, где находились значительную часть лета, это позволяло сохранять зимние пастбища. Надо отметить, что эти положения лишь рабочая гипотеза, нуждающаяся в более серьезной аргументации.

В культурном плане данные поселения предварительно можно связать с быстрянской культурой VI – II вв. до н.э (Абдулганеев М.Т, 2001, с. 285 - 287, Кунгуров М.Т., 1998, с. 39 – 55), в силу наличия на одном из поселений (Карьере кирпичного завода) керамики с валиками.

Рис. 1. План - схема расположения поселения Манжиха 4 и керамический матери

Рис. 2. Поселение Карьер кирпичного завода. План

Рис. 3. Поселение Сосновый Лог - 2. План

Рис. 4. Местонахождение Еланда - 1. План

Рис. 5. Местонахождение Еланда - 2. План.

Рис. 6. Местонахождение Еланда - 3. План

Рис. 7. Местонахождение Еланда - 4. План

Рис. 8. Поселение Еланда - 5. План

Рис. 9. Местонахождение Еланда - 6. План

Рис. 10. Инвентарь с пселений Карьнр кирпичного завода (1-4, 6) и Сосновый Лог - 2 (5): 1 - камень, 2-6 - керамика

Рис. 11. Керамика с памятников Еланда - 1-6 и Карьер Кирпичного завода:
1, 2 - Еланда - 1; 3 - Еланда - 2; 4 - Еланда - 3; 5 - Еланда - 4;
6 - Еланда - 5; 7 - Карьер кирпичного завода; 8 - Еланда - 6

Р.В. Белоусов

Поселение Манжиха 4 по раскопкам 2004 года

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

Развернувшиеся во второй половине XX века широкомасштабные археологические исследования значительно увеличили корпус источников, относящихся к раннему железному веку лесостепного Алтая (Могильников, 1997, С. 3 – 14). В то же время наблюдается значительное расхождение в степени исследования различных регионов и преобладание среди изученных памятников некрополей (Абдулганеев. 2001. С. 285 – 287; Кунгуров, 1998. С. 39 – 54; Маркин, Папин, 2001. С. 153 - 156). В связи с этим определенный интерес представляют результаты работ БГПУ на поселениях раннего железного века в верховьях Чумыша.

В июле 2004 года Чумышская археологическая экспедиция БГПУ продолжила археологические исследования памятников в окрестностях села Победа. В рамках данных работ, автором производилось доисследование жилищной конструкции на поселении Манжиха 4.

Поселение Манжиха 4 находится в 1,5 м к югу от с. Победа на правом берегу ручья Манжихи (рис.1). Объект расположен на краю гривы на высоте 3 - 5 м от уреза воды (рис.1).

Поселение было открыто в июле 2002 года и исследовалось в течение трех полевых сезонов. За это время вскрытая площадь составила 112 кв. м. Уже в первый год исследования на глубине -27 см от современной поверхности были обнаружены остатки жилищной конструкции в виде сплошного темно-серого пятна в кв. 1-5 Д - Е (рис. 2) (далее объект № 1). Конструкция ориентирована длинной осью с юго-запада на северо-восток. Интересную конфигурацию объекта № 1 можно было наблюдать в кв. Д 5 (рис. 2): в юго-восточном углу квадрата пятно закруглялось и плавно сходило на нет в восточную стенку раскопа. По обеим сторонам своеобразного “выступа” были зафиксированы мелкие темные пятна 8-10 см в диаметре и глубиной около 5 – 7 см. Глубина всего объекта №1 колеблется от -27 до -30 см от современной поверхности.

При дальнейших раскопках объект № 1 сузился до пятен шириной от 40 до 70 см (рис.3) (далее - объект №2). Пятна имели ту же длину и ориентировку, что и общее, большое пятно. Расхождение ширины пятна в различных квадратах вызвано различной глубиной, на которых велись работы - так в кв. Г – Д - Е 2-3-4 глубина колеблется от - 40 см до - 45 см от современной поверхности, а в кв. Д - Е 5 – -48 см, -49 см, т.е. в квадратах, где вскрытый слой был глубже, объект № 2 был более оконтурен. Истинная ширина и глубина конструкции № 2 была зафик-

сирована в бровке II и III и составляла соответственно 36 см и 48 см. В северо-восточном углу квадрата Г 2 наблюдался выход конструкции № 2 из бровки в северо-восточной части и уход в восточную стенку данного квадрата, что говорит о "закруглении" всей исследованной конструкции (рис.3).

В центре исследуемой конструкции, в пределах объекта № 2, в ходе работ зафиксировано пятно от кострища 40 см в диаметре, линзовидного в сечении и глубиной 10 см. В кострище обнаружены обгоревшие косточки, мелкие фрагменты неорнаментированной керамики, камни. Малый размер очага и слабые линзы прокала, позволяют утверждать, что кострище в пределах границ объектов № 1 и № 2 существовало кратковременно.

Наиболее массовой категорией находок является керамика (рис. 1, рис. 4). Это сосуды баночной или слабопрофилированной формы, орнаментированные вдавлениями, жемчужником и гладким штампом (рис. 4). Каких-либо закономерностей расположения керамики не выявлено, она равномерно, в виде мелких фрагментов, распределена по всей площади раскопа. Керамический материал относится к раннему железному веку. Культурную принадлежность определить при малой серии выборки проблематично.

Атрибуция жилищной конструкции.

Наиболее интересные результаты дает рассмотрение вопросов, связанных с атрибуцией объектов № 1 и № 2 на поселении Манжиха 4. Конфигурация данных объектов, их размеры, нахождение кострища в пределах объекта №2 свидетельствуют в пользу того, что мы имеем дело с жилищной конструкцией. Размеры и глубина объекта № 2 позволяет предположить, что рассматриваемая конструкция была наземная, подпрямоугольная в плане, с рубленными или вертикально стоящими стенами. Вход в данную конструкцию располагался с северо-востока от ручья, вверх по склону гривы. Общий объем данного сооружения приблизительно равен 18 кв. м. Схожие объекты были исследованы на поселении Точильное 3, 7 на реке Песчаной, Фирсово 10 и Малый Гоньбинсий Кордон 1 на обском правобережье в районе г. Барнаула (Могильников. 1997. С. 14). Трактуются они исследователями как небольшие хозяйственные постройки, в хронологическом плане относящиеся к раннему железному веку лесостепного Алтая (Абдулганеев. 1996 а. С. 11).

В заключении необходимо отметить, что, хотя основная, южная часть постройки была уничтожена в 50 – 60 гг. XX в. при проведении хозяйственных работ (распашка, вынесение грунта), дальнейшие археологические исследования на памятнике Манжиха 4 позволят пополнить наши знания о археологических культур во второй половине I тысячелетия до н.э. в верхнем течении Чумыша.

Рис. 1. План - схема расположения поселения Манжиха 4 и керамический материал

Рис. 2. Поселение Манжиха 4. План пятна жилища

Рис. 3. Поселение Манжиха 4. План жилища с канавами от стен и очагом

Рис. 4. Поселение Манжиха 4. Керамика

А.И. Кукушкин

Новые памятники эпохи раннего железного века на р. Чумыш

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

Летом 2004 года Чумышским отрядом археологической экспедиции БГПУ произведена археологическая разведка на территории Целинного и Кытмановского районов Алтайского края. В ходе обследования выявлено три ранее неизвестных памятника, относящихся к различным эпохам.

Федориха, поселение находится в 0,6 км к северо-востоку от фермы с. Кытманово Кытмановского района, на южном берегу старичного озера Федориха. Поселением занята часть гривы образованной второй надпойменной террасой. Восточная часть памятника разрушается песчаным карьером (рис. 1).

В карьере обнаружены мелкие фрагменты керамики и кости животных. С целью выявления характера памятника заложен шурф 2 X 0,5 м, показавший значительную насыщенность культурного слоя. В траншее обнаружены фрагменты баночных сосудов (рис. 3, 1 -3, 5), пряслице (рис. 3, 4) и костяное орудие (орнаментир?). Основным элементом орнамента являлись всевозможные наколы, ими же украшено пряслице. На одном из сосудов присутствует налепной валик. Следов жилищных конструкций не обнаружено, тем не менее, исходя из насыщенности культурного слоя, можно сделать предположение о долговременном характере поселения.

Форма посуды и ее орнаментация позволяют датировать поселение эпохой раннего железного века, по мнению М.Т. Абдулганеева и В.Н Владимирова, подобная посуда характерна для памятников быстрянской культуры и представлена на поселениях Боровое - 3, Степь - Чумыш, Заречное и др. (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, с. 52).

Озеро Колючее, поселение, расположено в 3,4 км к юго-востоку от с. Чесноково Целинного района. Памятником занята часть южная гривы. В шурфе обнаружены мелкие неорнаментированные фрагменты керамики и кости животных. Также встречена верхняя часть баночного сосуда, украшенного отпечатками гребенчатого штампа и жемчужником, срез венчика орнаментирован отпечатками гладкого штампа (рис. 2, 2). Исходя из орнаментации посуды, предварительно памятник можно датировать эпохой ранней бронзы.

Курганная группа **Чесноково - 4,** расположена в 0,35 км юго-востоку от с. Чесноково Целинного района, на левом берегу р. Чумыш (рис. 2, 1). Учтено два кургана: №1 - округлая насыпь высотой 0,8 м и диаметром около 7 м, четко прослеживаются следы ровика и грабительской западины глубиной около 0,4 м; №2 - высота 0,2 м, диаметр 9 м, в центре следы грабительской западины глубиной 0,05-0,1 м, следов ровика не обнаружено.

Дальнейшее изучение вновь выявленных археологических объектов поможет выявить этнокультурную специфику региона в древности и средневековье.

Рис. 1. Поселение Федориха. План

1

Рис. 2: 1 - курганная группа Чесноково - 4, план, 2 - керамика с поселения Федориха

Рис. 3. Поселение Федориха, инвентар

А.Н. Телегин

Пятый год раскопок курганной группы Объездное-1

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

Полевой сезон 2004 года, как и четыре предыдущих, Степной отряд Археологической экспедиции БГПУ (рук. автор) посвятил раскопкам курганной группы Объездное-1.

Курганная группа Объездное-1 находится в пяти километрах к северо-западу от стана (территория бывшей д. Объездное) полеводческой бригады № 4 СПК им. Гринько (центральная усадьба - с. Родино Шипуновского района, Алтайского края). Памятник расположен на верхней террасе, являющейся водоразделом между оз. Зеркальное и системой мелких речек - левых притоков р. Алей. Он включает в себя пятнадцать курганов, сгруппированных в несколько цепочек и протянувшихся по верхней кромке террасы, на полтора километра.

В 2004 году раскопкам подвергся курган № 12 - самый крайний курган скифо-сакского времени на северо-восточной оконечности некрополя. К моменту раскопок насыпь кургана представляла собой округлую в плане и сегментовидную в разрезе возвышенность. Поверхность кургана была распахана. От других, естественных возвышенностей пашни, она отличалась лишь правильными формами.

Насыпь кургана состояла из черного гумуса, подстилаемого гумусом погребенной почвы. В нескольких местах чередование этих слоев было нарушено грабительскими перекопами. В центральной части кургана, между гумусным слоем насыпи и погребенным гумусом, присутствовали линзы могильных выбросов, состоящие из желтого суглинка. Диаметр кургана, по результатам измерений насыпи, составил около 40 м, высота- 0, 5 м (от уровня погребенного горизонта).

Под насыпью кургана обнаружено шестнадцать могильных ям. Одна из них, центральная, была ориентирована длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Периферийные могилы, расположенные вокруг центральной, имели разную ориентацию, зависящую от того, в какой части описываемой ими окружности они находились.

Большая часть могил (четырнадцать из шестнадцати) оказалась потревоженными. В не ограбленных захоронениях, погребенные, были уложены на спину, в вытянутом положении. Аналогичной, судя по некоторым признакам (местонахождение отдельных, сохранивших свое первоначальное расположение, костей), была и поза погребенных в остальных, ограбленных могилах.

Основную часть сопроводительного инвентаря захоронений составили керамические сосуды разных форм. Общей, объединяющей всю керамику, чертой, является почти полное отсутствие орнаментации на их поверхности (рис. 1; 2, 3-4; 3).

Оружие в находках представлено обломками железного чекана, и двумя костяными, втульчатыми наконечниками стрел. Форма головок обоих экземпляров сводчатая, поперечное их сечение уплощенно-ромбическое. Подтреугольные вырезы в основании головок оформляют нижние части их остроугольных граней в жальца (рис. 2, 2).

В число украшений входят многочисленные (около 150 экз.) пластинки золотой фольги. Меньшая их часть представлена фрагментами, а большая - целыми бляшками прямоугольной формы, размером от 3 х 6 до 5 х 9 мм. Целые бляшки имеют по два отверстия в торцовых частях.

Скромные датирующие возможности полученного материала затрудняют определение возраста захоронений двенадцатого кургана в узких хронологических рамках. Вместе с тем, некоторые предварительные выводы можно сделать уже сейчас. Так, если принять во внимание большое сходство черт погребального обряда и морфологических характеристик сопроводительного инвентаря этого некрополя и материалов захоронений курганов второй пол. V-IV в. до н.э. Локоть-4а (Шульга, 2003, с. 107-113), то можно предположить, что период их сооружения имеет весьма близкие хронологические рамки.

Рис. 1. Курганная группа Объездное - 1, курган № 12.
Находки из погребений. 1 - погр. № 7; 2 - погр. № 4.

Рис. 2. Курганная группа Объездное-1, курган № 12.
Находки из погребений.
1 - погр. № 13; 2 - погр. № 2; 3 - погр. № 6;
4 - погр. № 14; 5 - погр. № 8

Рис. 3. Курганная группа Объездное-1, курган № 12.
Находка из погребения № 8

А.А. Ветров, А.М. Соколов

Новое поселение в археологическом микрорайоне Раздумье

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

Археологический комплекс Раздумье расположен на правом берегу реки Обь в 10 – 12 км северо-восточнее города Камень-на-Оби. Впервые археологические объекты на данной территории были зафиксированы во второй половине XVIII в. унтершихтмейстером Головиным. В XVIII-XIX вв. урочище Раздумье использовалось под хозяйственные нужды местным населением. В первой половине XX в. было проведено обследование памятников археологического комплекса Раздумье директором Каменского краеведческого музея П.И. Юхневичем. По имеющимся архивным данным в 1928 г. Юхневич организовал экспедицию на средства выделенные «Обществом изучения древностей Сибири и ее производительных сил». Им был зафиксирован комплекс археологических памятников, состоящий из: городища (Раздумье 1), поселений, курганных и грунтовых могильников.

В 50-ые годы в Каменский район были направлены археологические экспедиции с целью обследования зоны разрушения после строительства Новосибирского водохранилища. Новый этап изучения связан с деятельностью А.П. Уманского. Экспедиции проводились в период с 1960 по 1966 гг., в ходе которых было учтено 11 древних объектов. Были проведены археологические работы на курганных группах (Раздумье-IV,VI), городище (Раздумье-I), грунтовом могильнике (Раздумье II). В ходе исследований выяснено, что человек присутствовал на данной территории с эпохи энеолита. На сегодняшний день в районе ур. Раздумье учтено 12 археологических объектов. В настоящее время археологические объекты урочища находятся в аварийном состоянии, что делает актуальным продолжение археологических работ.

В ходе ежегодной работы Каменского археологического отряда БГПУ в мае 2004 года был проведен мониторинг состояния археологических объектов урочища Раздумье, в результате чего, было обнаружено ранее неизвестное поселение, получившее название Раздумье XII (рис.1, 1).

Поселение расположено в 4,5 км к северо-западу от с. Дресвянка, на оконечности эоловой дюны, которая в свою очередь находится между двумя водными массивами: торфяным болотом с севера и рекой Обь с юга. Между дорогой и лесопосадкой проходят несколько рядов борозд от лесоплуга. При осмотре траншей лесоплуга был произведен сбор “подъемного” материала. Артефакты представлены фрагментами

керамических сосудов. Места обнаружения находок получили условную нумерацию (рис.1, 1).

Местонахождение №1 - несколько фрагментов стенок сосудов: первый, орнаментирован оттисками среднезубчатого штампа; второй кусок керамики имеет орнамент в виде жемчужника и косой сеточки (рис. 1, 4). Остальные части не орнаментированы.

Местонахождение №2 - орнаментированные кусочки керамики. Фрагмент шейки сосуда украшен двумя рядами канелюр и косой сеточкой (рис.1, 7). Из отвала лесоплуга выбраны части сосудов: дно и стенка сосуда, орнаментированная горизонтальной елочкой, выполненной гладким штампом. Фрагмент стенки украшен жемчужником и горизонтальной елочкой, выполненной гладким штампом (рис.1, 3).

Местонахождение №3 – обнаружены: часть венчика, декор которого представлен жемчужником и косой сеткой (рис.1, 5); стенка с орнаментом выполненным среднезубчатым штампом, а также несколько неорнаментированных фрагментов.

Местонахождение №4 - на поверхности отвала найдено два фрагмента керамики. Часть венчика сосуда, украшенного жемчужником и среднезубчатым штампом и часть стенки, орнаментированной среднезубчатым штампом (рис.1, 8).

Местонахождение №5 - обнаружен неорнаментированный фрагмент стенки сосуда.

Местонахождение №6 - найден орнаментированная стенка. Декор представлен в виде ассиметричных изогнутых линий. Линии расположены вертикально и горизонтально. Также обнаружен небольшой фрагмент стенки сосуда с оттисками гребенчатого штампа.

Местонахождение №7 - часть неорнаментированного венчика.

С целью определения характера памятника было решено заложить шурф. Шурф заложен в 200 м к юго-востоку от моста в районе местонахождений №2 и №3, размером 2Х4 м, ориентирован по линии запад-восток. В восточной части шурф захватывал отвал лесоплуга. Раскоп показал довольно высокую насыщенность культурного слоя и дал свыше 500 находок. В основной своей массе находки представлены костями, многие из которых имеют на себе следы термического воздействия. Также найдено 110 фрагментов керамики. Среди находок наибольший интерес представляют два артефакта, это каменный отбойник и заготовка наконечника, выполненная из кости (рис.1, 2).

При снятии дерна и разборе отвала найдены кости и куски керамики. На некоторых фрагментах присутствует орнамент. Часть керамического сосуда украшенная «елочкой», выполненной гладким штампом и стенка с сеточкой (рис.1, 9). В северо-восточном углу най-

ден фрагмент стенки с сеточкой и жемчужником (рис.1, 10). Также обнаружен камень со следами обработки и костяной наконечник (рис.1, 2).

При снятии второго слоя в юго-восточном углу встречены три фрагмента от одного сосуда: верхняя часть с венчиком и шейкой. Венчик украшен каплевидными вдавлениями, шейка орнаментирована елочкой выполненной гладким штампом, на стенке декор в виде каплевидных вдавлений в два ряда (рис.1, 11). Верхняя часть сосуда графически реконструируется. У северной стенки найден венчик с жемчужником и сеточкой (рис.1, 6). При зачистке второго слоя в восточном квадрате выявлено пятно, в котором обнаружено несколько костей и один неорнаментированный венчик.

В целом, данный керамический комплекс можно считать типичным для переходного времени от позднего бронзового века к раннему железному. По нашему мнению данное поселение можно отнести к быстровскому этапу ирменской культуры (Матвеев А.В., 1993). Аналогичная керамика встречена на памятниках Горелый Кордон- III, Красный Яр- I, Быстровка- IV.

Фрагмент стенки керамического сосуда из местонахождения №6 предварительно можно датировать эпохой ранней бронзы.

Интерес представляют два артефакта, это каменный отбойник и костяной наконечник.

Каменный отбойник, обнаруженный в северо-восточном углу шурфа, имеет одну сработанную сторону и размер около 10 см. Данный артефакт является типичным для данного времени, и был широко распространен на всей территории бытования ирменской культуры.

Заготовка большого наконечника стрелы (рис.1, 2), выполнена из кости лося. Имеет 15см в длину, и подромбическое сечение. Представляет из себя заготовку наконечника с двумя выраженными, но не доработанными краями. По мнению Бородовского данная заготовка использовалась для чистки рыбы, т.к. имеет специфические следы сработанности (Бородовский А.П., 1997, с. 64-65).

По имеющимся данным поселение Раздумье XII можно датировать XII-XI вв. до н. э. Дальнейшее изучение позволит уточнить специфику данного памятника.

Рис. 1. Поселение Раздумье XII. План, инвентарь. 2 - кость, 3 - 11 керамика

А.С. Федорук, А.Б. Шамшин, Г.Е. Иванов, О.А. Цивцина, С.С. Раиткин

Памятники эпохи бронзы Кулунды (по материалам разведки 2004 года)

(Барнаул, Алтайский государственный университет)

Осенью 2004 года авторами была произведена археологическая разведка на территории Завьяловского и Баевского районов края, основной целью которой являлось обследование ранее известных памятников эпохи поздней бронзы. В ходе разведки нами обследовано три ранее известных поселения, а также выявлено два памятника периода развитой – поздней бронзы.

Поселение Лабзино 1 находится в северной части с. Завьялово, на западной стороне полуострова оз. Лабзино. Открыто С.П. Зверяко, в 1977 году изучалось В.А. Могильниковым, который определил культурную принадлежность памятника как ирменскую. Материалы раскопок хранятся в ИА РАН. В дальнейшем поселение обследовал С.Л. Изоткин (Завьяловский район..., 2000, с. 34). В настоящее время территория памятника поросла сосновым лесом, не разрушается. Подъемного материала нами не обнаружено, однако в экспозиции музея с. Завьялово имеется пять фрагментов венчиков керамических сосудов, происходящих с данного памятника (рис.1 - 1-5). Два неорнаментированных, относятся к сильнопрофилированным горшкам, один, с воротничком украшенным оттисками гладкого штампа образующими косую сеточку и рядом жемчужника ниже воротничка - к слабопрофилированным сосудам. Еще один, орнаментированный тремя рядами разнонаправленных косых поясков, выполненных оттисками гладкого штампа, принадлежит банке закрытого типа. Имеется также фрагмент сильнопрофилированного лощеного горшка, орнаментированного тремя узкими каннелюрами в зоне перехода шейки в плечико. В настоящее время керамика, аналогичная представленной в экспозиции музея, широко известна по находкам на поселениях саргаринско-алексеевской культуры (Рублево VI, Советский Путь 1, Чекановский Лог 1, Новоильинка, Суслово 1, Шауке 2, Шарбакты и др. (Иванов Г.Е., 2004, с.55, рис.5, 1-4; Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б., 2000, с.153-154, рис.1, 2,5; 2, 2,4; Шамшин А.Б., Папин Д.В., Мерц В.К., 2000, с.17, рис.6, 2-7; Уманский А.П., Ситников С.М., 1995, с.53, рис.4, 2; Демин М.А., Ситников С.М., 1998, с.48, 50, рис.2, 5; 4, 1; Ситников С.М., 1998, с.75, 80, рис.1, 3; 6, 11-13)). Поэтому, на наш взгляд, культурную принадлежность поселения следует определять как саргаринско-алексеевскую.

Поселение Лабзино 2 находится у рыбцеха с. Завьялово, напротив памятника Лабзино 1, через озеро. Открыто С.П. Зверяко, обследовалось С.Л. Изоткиным (Завьяловский район..., 2000, с. 34). В настоящее время территория поселения разрушается двумя проселочными дорогами. С поверхности памятника происходят один неорнаментированный фрагмент придонной части сосуда (рис. 1 - 6) и небольшая галька с поперечно срезанной и заполированной поверхностью (рис. 1 - 16). Подобные гальки характерны для памятников эпохи поздней бронзы региона и интерпретируются исследователями как орудия для доводки бронзовых изделий (Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С., 1997).

При осмотре карьера АБЗ с. Завьялово нами обнаружено несколько фрагментов, происходящих от тулова одного сосуда (рис. 1 - 7-10). Они орнаментированы оттисками среднезубчатого гребенчатого штампа, а также рядом ямок. Вероятно, сосуд можно датировать эпохой развитой бронзы.

Поселение Жарково-1 находится в Баевском районе, в 2 км к СВ от с. Покровка, к В от бывшей деревни Жарково, между остатками жарковского бора и левобережной старицей реки Кулунда. Обнаружено Н.Д. Брусником в 1986 году. В 1987 году А.Б. Шамшиным на памятнике заложен разведочный шурф площадью 8 кв. метров. Впоследствии работы на поселении были продолжены А.Б. Шамшиным и С.Л. Изоткиным. На сегодняшний день вскрытая площадь составляет более 80 кв. метров. В результате раскопок получена представительная серия керамики эпохи поздней бронзы, а также изделия из бронзы, кости, камня и глины (Шамшин А.Б., Брусник Н.Д., 1990, с.49; Памятники истории и культуры..., 1990, с.102-103; Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., Ситников С.М., 2002). В настоящее время на площади памятника визуально фиксируются четыре жилищные западины, площадью от 110 до 126 кв. м. Две из них имеют округлую форму, две – подовальную. Поверхность памятника задернована, практически не разрушается. На ней нами обнаружены обломок керамического пряслица (рис. 1 - 29) и 28 фрагментов сосудов, в том числе, четыре орнаментированных венчика, два орнаментированных фрагмента тулов и один фрагмент придонной части (рис. 1 - 12-15,17-19). Декор состоит из горизонтальных прочерченных линий, поясков, выполненных оттисками гладкого штампа, семячковидных вдавлений (рис. 1 - 13-15, 19). Один фрагмент лощеного горшка орнаментирован тремя узкими каннелюрами в зоне перехода от шейки к тулову (рис 1 - 18). Еще один венчик имеет налепной воротничок, украшенный косой сеточкой выполненной оттисками гладкого штампа (рис. 1 - 12). Материал относится к саргаринско-алексеевской культуре.

Поселение Жарково-3 находится в 150 метрах к северу от поселения Жарково-1 на первой надпойменной террасе реки Кулунда. Визуально фиксируется семь жилищных западин округлой в плане формы, размерами от 100 до 300 кв. метров, расположенных двумя линиями вдоль старицы реки Кулунда. Поверхность памятника задернована, практически не разрушается. На поверхности собраны: фрагмент глиняного кирпичика (рис. 1 - 11), осколки камней, кости животных и 19 фрагментов керамических сосудов (два венчика и семь тулов – орнаментировано). Фрагменты тулов украшены вертикальной елочкой, выполненной гладким штампом, прямыми и наклонными горизонтальными поясками из оттисков гладкого штампа, горизонтальными прочерченными линиями или линиями, выполненными оттисками мелкозубчатого гребенчатого штампа (рис. 1 - 21-23, 25-27). Один фрагмент имеет меандровидный орнамент, выполненный мелкозубчатой гребенкой (рис. 1 - 28). Венчики украшены: один - косым пояском мелкозубчатой гребенки (рис. 1 - 20), второй, имеющий налепной валик в верхней части шейки - горизонтальным рядом вдавлений (рис. 1 - 24). Предварительно памятник можно датировать эпохой развитой – поздней бронзы.

В целом, при несомненном своем богатстве памятниками археологии, Кулунда остается недостаточно изученным, но очень перспективным для исследования регионом, что подтверждают и результаты нашей разведки. Особо актуален для позднебронзовой археологии поиск могильников этого времени, а также изучение уже известных (грунтовый могильник Калиновая Ляга).

Рис. 1. Материалы памятников эпохи бронзы Кулунды
(1-5 – пос. Лабзино 1; 6, 16 – пос. Лабзино 2; 7-10 – Завьялово-АБЗ; 11, 20-28 – пос. Жарково 3; 12-15, 17-19,29 – пос. Жарково 1

Г.Е. Иванов, Н.Н. Исаев

Новые данные о некоторых памятниках эпохи бронзы в верховьях р. Барнаулки (по результатам работ 2003–2004 гг.)*

(с. Черная Курья Алтайского края)

Верховья реки Барнаулки, представляющие собой цепочки слабо связанных между собой пресноводных озер, окруженных ленточным Барнаульским бором, протянувшимся по широким степным пространствам, с глубокой древности являлись одним из наиболее привлекательных мест для заселения и ведения хозяйства любого типа. Поэтому район изобилует археологическими памятниками различных эпох, сконцентрированными в наиболее удобных для проживания местах – на высоких песчаных гривах по берегам озер, на участках, где к ним выходят ложбины древних водотоков из степи, перпендикулярные линии озер и леса. Такое расположение особенно характерно для поселений эпохи бронзы. В связи с ограниченным количеством подобных мест они, как правило, заселялись многократно (Иванов Г.Е., 2000, с. 17, 18, 32, 35–37, 39, 62–63 и др.).

В ходе мониторинга археологических памятников Мамонтовского района, проведенного археологическим отрядом Мамонтовского районного краеведческого музея под руководством Г.Е. Иванова в 2003–2004 гг. и сборов Н.Н. Исаева на ряде поселений выявлены материалы, позволяющие уточнить или расширить их датировку.

Так, на поселении Крестьянское-2, основным периодом существования которого является андроновская эпоха, найдены шлаки и всплески бронзы, обломок наконечника стрелы и втульчатое бронзовое долото.

Находки шлаков, всплесков, обломков бронзовых изделий, часть которых представляет собой литейный брак, были здесь и ранее (Иванов Г.Е., 2000, с. 17–18, рис. 3, – 1–15) и свидетельствуют о наличии на поселении бронзолитейной мастерской.

Найденный обломок наконечника стрелы (рис. 2 – 2) так же представляет собой невылившееся изделие и полностью сопоставим с найденным здесь ранее (Иванов Г.Е., 2000, рис. 3 – 3) – крупным, двухлопастным, вытянуто – листовидных очертаний, с выступающей втулкой, раскованной у острия: максимальная ширина пера приходится на нижнюю треть.

---

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ №03-01-00475

В лесостепном Алтае нам известно 9 наконечников этого типа, происходящих из сборов на многослойных памятниках, где их можно связать с комплексами от андроновских, с которыми связано их происхождение, до позднебронзовых (Иванов Г.Е., 1987, рис. 2 – 9–12 и др.). Вероятно, в таких широких рамках тип и существует: подобные наконечники найдены в алакульских, федоровских и позднебронзовых памятниках (Аванесова Н.А., 1991, с. 43–44; Кузьмина Е.Е., 1966, с. 33–37, табл. VI – 13,20,22,24,26; Маргулан А.Х., 1979, рис. 227 – 6,15; Матющенко В.И., 1974, рис. 62 – 7; Смирнов К.Ф., 1961, табл. 1А – 9–11; Ткачев А.А., 1987, рис. 1 – 6; 3 – 2; Черников С.С., 1960, с. 79, табл. 55 – 3 и др.).

Долото (рис. 2 – 1) массивное, желобчатое. Отлито в двустворчатой форме. Втулка сплошная, без валика по верхнему краю. Длина изделия 12,3 см, ширина лезвия 1,9 см, внутренний диаметр втулки 2 см. Длина желобчатой выемки 6,3 см, толщина стенок втулки – 3–4 мм.

В лесостепном Алтае ближайшими аналогиями долоту являются два изделия. Долото с поселения Большой Лог-1 найдено в слое с саргаринско-алексеевской керамикой, перекрывающим андроновский. Ю.Ф. Кирюшин и С.Ю. Лузин датируют его XIII–XII вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., 1990, с. 53). Второе долото найдено на корчажкинском поселении Фирсово-XVIII, где, по мнению авторов публикации, оно маркирует начальный период заселения памятника и датируется XII–X вв. до н.э. (Шамшин А.Б., Цивцина О.А., 2001, с. 216, рис. 1–6). Н.А. Аванесова, выстроив типологический ряд от долот с кованой втулкой через гладковтульчатые к долотам с валиком по верху втулки, датирует гладковтульчатые долота XIV–XII вв. до н.э., а долота с валиком – XII–IX вв. до н.э. (Аванесова Н.А., 1991, с. 35). Однако многочисленные находки разнотипных долот на поселениях эпохи поздней бронзы, в том числе и саргаринско-алексеевских (Кривцова-Гракова О.А., 1948, с. 86, рис. 20 – 2; Зданович Г.Б., 1988, с. 171, табл. 10 – 16,17; Потемкина Т.М., 1985, с. 129, рис. 48 – 4, с. 143, рис. 55 –4; Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с. 129–130 и др.) видимо позволяют датировать гладковтульчатые долота XIII/XII–IX вв. до н.э.

Видимо в этих же рамках датируется и весь бронзовый инвентарь, найденный на поселении. Однако присутствие в керамическом комплексе керамики с валиком (Иванов Г.Е., 2000, с. 18) не позволяет пока однозначно утверждать, относится ли бронзолитейный комплекс к позднефедоровскому или к саргаринско-алексеевскому периоду существования поселения.

При обследовании поселения Крестьянское 4а,б (Иванов Г.Е., 1998, с. 99–102; 2000, с. 25–27), в ямах для забора песка для строительства

плотины через протоку, соединяющую озера Крестьянское и Горькое, собрана керамика и каменный инвентарь эпохи энеолита и ранней бронзы, свидетельствующий о наличии на поселении слоя этого времени.

Керамика тонкостенная, сосуды слабо профилированные, с уплощенным дном (рис. 1 – 1,2), сплошь орнаментированные оттисками мелкозубого гребенчатого штампа (рис. 1 – 1,2,4,6) или отступающей палочки (рис. 1 – 3,5), рядом жемчужника по шейке (рис. 1 – 6).

Каменный инвентарь представлен наконечниками стрел с вогнутым основанием (рис. 1 – 10–14,17), крупным скребком (рис. 1 – 18) и ножевидными пластинками (рис. 1 – 22,23), в том числе и с дополнительной подработкой ретушью (рис. 1 – 22). Основная часть изделий выполнена из сливного кварцитовидного песчаника серого цвета. Изделия типичны для поселения Крестьянское-4 (Иванов Г.Е., 2000, с. 25, рис. 6 – 1–21), но впервые найдены вместе с керамикой.

В шурфе (8 кв.м), заложенном на кромке ямы для забора песка, обнаружен слой поселения саргаринско-алексеевской культуры, в котором найдено лощило из небольшой кварцитовой гальки со срезанным краем (рис. 2 – 5) и керамика, типичная для поселения (рис. 2 – 6-13).

На поселении Сыропятово-1, с которого происходили находки андроновской керамики, ножа VIII–VII вв. до н.э. и керамики 1 тыс. н.э. (Иванов Г.Е., 2000, с. 66), собран каменный инвентарь, позволяющий удревнить начало его заселения до периода финального неолита – энеолита.

Рис. 1. Керамика и каменный инвентарь с поселений Крестьянское 4 б (1 - 8, 10 - 14, 17, 18, 22, 23) и Сыропятово 1 (9, 15 - 16, 19 - 21).

Рис. 2. Инвентарь эпохи развитой и поздней бронзы с поселений Крестьянское 2 (1 - 2), Сыропятово 1 (3), Крестьянское 4 б (4 - 13).

С.С. Запрудский

Археологическая разведка в Ребрихинском районе в 2004 году

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

Осенью 2004 года в северо-западной части Ребрихинского района Алтайского края археологическим отрядом БГПУ по открытому листу № 746 была произведена разведка, в результате которой были осмотрены ранее известные памятники – Боровлянка 1 и Боровлянка 2 (Пугачев Д.А., Запрудский С.С., Кирюшин К.Ю., 2003, с.106) и обнаружено семь новых. Памятники Боровлянка 1, 2 продолжают интенсивно разрушаться в связи с распашкой полей.

Курганный могильник Боровлянка – 3. Расположен в 0,75 км на ССЗ от одиночного кургана Боровлянка – 1 (расстояние до всех вновь обнаруженных памятников дается от ранее известных курганов). Состоит из трех вытянутых цепочкой с ЮЗ на СВ курганов. Курганы опахиваемы. Насыпи земляные округлой формы, диаметром от 26 до 30 м, высотой от 1,2 до 1,5 м. В насыпи кургана №1 обнаружена грабительская воронка диаметром 3,5 м и глубиной 1,2 м.

Боровлянка – 4. Одиночный курган, расположенный в 0,55 км к СЗ от кургана Боровлянка – 1. Насыпь земляная овальной формы размерами 18х14 м, высотой 1 м. В центре кургана барсучья нора, возле которой обнаруженны человеческая кость и пряслице. Памятник датируется ранним железным веком.

Боровлянка – 5. Курганный могильник, состоящий из двух курганов. Расположен в 1,0 км к ЮЗ от памятника Боровлянка 2 и 0,8 км к ЮВ от кургана Боровлянка 1. Насыпи земляные диаметрами 21 м и 23 м и высотой 1,5 м и 0,5 м. Курган № 1 распахан.

Боровлянка – 6. Курганный могильник, состоящий из двух курганов. Расположен в 0,22 км к западу от кургана Боровлянка 1. Насыпи земляные округлой формы, распаханные, диаметром от 16 м до 19 м, высотой от 0,3 до 0,5 м.

Боровлянка - 7. Одиночный курган расположен в 0,8 м к ЮЗ от кургана Боровлянка – 1. Насыпь земляная диаметром 24 м, высотой 1,8 м, в центре кургана грабительская воронка диаметром 2,5 м и глубиной 1 м.

Боровлянка – 8. Одиночный курган, расположен 0,7 м к ЮЮЗ от кургана Боровлянка –7. Насыпь земляная диаметром 25 м, высотой 1,5 м, в центре кургана зафиксирована грабительская воронка диаметром 2,5 м и глубиной 1 м.

Боровлянка – 9. Одиночный курган, расположен 1 км к ЮЗ от кургана Боровлянка 7. Насыпь земляная распаханная, диаметром 26 м, высотой 1,5 м.

Зафиксированные археологические объекты (кроме одиночного кургана Боровлянка - 4) датировать, без их исследования (раскопок), не представляться возможным.

Н.Г. Паньшина

Особенности «полевой» работы в рамках специфики деятельности отдела традиционной русской культуры ГХМАК (по материалам экспедиции 2004 года в Ельцовский район Алтайского края)

(Барнаул, Государственный художественный музей Алтайского края)

Экспедиционные или, как принято называть, «полевые» исследования давно стали неотъемлемой частью научной работы многих дисциплин. Огромное, если не сказать фундаментальное значение они заняли в области изучения исторических, культурных процессов, происходящих в обществе.

Работа в поле играет основополагающую роль и в деятельности отдела традиционной русской культуры Государственного художественного музея. На протяжении пятнадцати лет сотрудники отдела занимаются изучением, *сохранением* и *воспроизведением* культурных традиций старожилов и переселенцев Алтайского края. Решение столь масштабных задач обусловили комплексный подход к проблеме. Исследование многообразия культурных процессов происходит не столько по отдельным темам, сколько по направлениям, складывающимся в единое целое и дающим целостное представление о традиции, бытовавшей в том или ином районе. Одним из ярких примеров сказанному может служить такой объект изучения как свадебная обрядность. Чтобы по-настоящему воссоздать картину традиционной свадьбы той или иной этнографической группы[1], недостаточно описать обрядовую, событийную стороны. Необходимо зафиксировать и разучить весь корпус песен, овладеть диалектными особенностями произношения слов, ознакомиться с негласными законами и обычаями в организации этого события (время проведения, критерии выбора пары), изучить и воссоздать свадебные костюмы, полотенца. Для этого нужно изучить и овладеть технологиями старинных ремесел (например, один из распространенных в старожильческой среде способ изготовления свадебных поясов – тканье на дощечках) и др. Кроме того, необходимы сведения об обрядовой кухне, тонкостях убранства жилища и т.д.

Исходя из концепции деятельности отдела, материал, собранный в поле, не только формирует источниковую базу (архив, аудио-, видео-,

---

[1] Опыт реконструкции свадебного обряда сотрудниками отдела был представлен на научно-практической конференции «Этнография Алтая и сопредельных территорий», организованной БГПУ.

фототеку, коллекцию этнографических экспонатов), но и возвращается к людям в формах, актуальных в современном обществе:

- научные публикации, выступления на конференциях, семинарах и др.;
- методические пособия, репертуарно-методические сборники;
- проведение семинаров-практикумов, мастер-классов, лекций, лекций-концертов, консультаций;
- организация праздников календаря, как на базе музея, так и на площадках образовательных учреждений;
- выставочная деятельность;
- организация и участие в фольклорных фестивалях.

Перечисленное выше многообразие форм деятельности расширяет рамки полевой работы. Кроме сбора информации, являющегося целью выезда, сотрудники отдела оказывают методическую помощь работникам культуры и образования района, организуют передвижные выставки, семинары, праздничные мероприятия для детей. Надо отметить, что в последние - реформаторские - годы именно подобный вид «обменных» мероприятий получил наибольший отклик в администрациях районов, а это немаловажный фактор в степени успешности экспедиции.

Другим значительным моментом является определение круга лиц, которые могли бы стать потенциальными информаторами. Поскольку история нашего края сложилась таким образом, что традиционный жизненный уклад стал разрушаться с переходом на коллективные формы хозяйствования (конец 20-х, 30-е годы XX столетия), логично предположить: воспоминаниями об «единоличной жизни» могли бы поделиться жители сел, родившиеся не позднее середины 20-х годов, заставшие ее в детстве, либо помнящие по рассказам родителей и старших родственников.[2] В этом случае наиболее уязвимыми в смысле сохранности являются фольклорные традиции, представленные, как правило, поздней лирикой.

Экспедиция в Ельцовский район Алтайского края, предпринятая летом 2004 года, зафиксированная в архиве ГХМАК под № 42, носила разведывательный характер. Она работала в следующих населенных пунктах: Ельцовка (районный центр), Верх-Неня, Черемшанка, Пуш-

---

[2] Необходимо отметить, что временной фактор в выборе потенциальных информаторов значительно расширился. Если раньше, десять-пятнадцать лет назад выбор ограничивался лицами до 1915 года рождения, являющимися непосредственными участниками и очевидцами событий, то с течением времени исследователи рады пообщаться и с носителем так называемой «вторичной» информации.

тулим, Мартыново. Участниками экспедиции был собран богатый устный материал – воспоминания старожилов по различным направлениям традиционной культуры:

- этнографический и этноконфессиональный состав населения, история населенных пунктов и отдельных крестьянских семей;
- ремесла и промыслы, бытовавшие в первой половине XX века на территории района, сведения о местных мастерах;
- одежда различных этнографических групп;
- традиционная кулинария;
- семейная и календарная обрядность;
- фольклорные образцы.

Кроме того, пополнилась этнографическая коллекция музея подаренными бытовыми предметами: расписной прялкой, вышитым полотенцем, плетеной пельменницей, глиняным кувшином. Ценным является тот факт, то удалось зафиксировать историю некоторых вещей.

С точки зрения этнографических групп состав русского населения Ельцовского района весьма разнороден: это старожилы (их называют сибиряками), переселенцы из губерний европейской части России (Рязанской, Воронежской, Тульской, Орловской). В своих воспоминаниях информаторы упоминали также «вятских», чалдонов. Очень интересным явился факт наличия здесь в прошлом старообрядческой общины, в частности, на территории ныне прекратившей свое существование в начале 1990-х годов деревни Садовск. Собранные сведения об этой общине позволяют предположить, что она имела полулегальный характер существования. Ее члены не имели паспортов, отказывались отдавать детей в общеобразовательные школы, а также от службы в армии, работы в государственных структурах. Надо отметить, что, несмотря на свою замкнутость, община проживала в соседстве с переселенцами из Москвы, Вятской и других губерний в одном населенном пункте.

Наличие большого числа переселенцев, а также богатство природных условий способствовали процветанию ремесленных традиций. Наиболее яркий материал удалось собрать о местных гончарах, трудившихся как единолично, так и коллективно. Так, до Великой отечественной войны в с. Ельцовке существовал гончарный цех, позже преобразованный в кирпичный завод. Обратили на себя стоящие до сих пор в переселенческом краю Ельцовки большие дома с обширными глубокими подпольями. По рассказам современных хозяев одного из домов, использующих эти площади в качестве погреба, в прошлом здесь располагалась столярная мастерская.

Что касается нематериальных форм культуры, наиболее яркое впечатление оставил материал по хореографическим традициям. Несмотря на принадлежность к поздним видам традиционной культуры, зафиксированные в этом районе пляски «Ночка темна», «Светит месяц», «Яблочко», танцы «Краковяк» (в нескольких вариантах), «Полька-бабочка» явились существенным вкладом в репертуарный список фольклорного ансамбля, существующего на базе отдела.

Научно-исследовательская экспедиционная деятельность сотрудников отдела дополняется методической работой. В ходе творческих встреч с фольклорными коллективами, музейными работниками (подобные мероприятия имеют место быть, как правило, в каждом выезде в район) становится очевидным, что люди, выросшие и живущие в культурной среде сельской местности, зачастую не придают особого значения вещам, которые мы, городские исследователи, считаем культурно-историческим ценностями. Кроме того, чтобы составить этнографическую коллекцию или подобрать репертуар для фольклорного коллектива местным энтузиастам требуется меньше усилий, чем горожанам. Этот факт сказывается на интенсивности исследовательской работы на местах, а также сужает ее географическую зону вплоть до одного населенного пункта. На протяжении многих лет в экспедиционной практике сотрудников отдела сложилась традиция заключительных творческих встреч с представителями культуры района, в ходе которых рассказывается об итогах исследовательской работы в районе. Как правило, многие факты вызывают удивление - неужели еще сохранилось?! Особенно это касается нематериальных форм культуры (фольклор, хореография).

В последнее время, с появлением новых технических средств, появилась и новая форма работы сотрудников с фондами районных и сельских музеев. Описание этнографической коллекции с фиксацией каждого экспоната на цифровую камеру оказалась полезной не только исследователям. Таким образом, формируется источниковая база для дальнейшей деятельности с одной стороны, решаются проблемы сохранения[3] и популяризации памятников культуры, с другой.

---

[3] Фиксация коллекции в виде виртуального каталога или экспозиции дает качественно новые возможности работы с материалом, а так же решает в некотором смысле проблемы ее сохранности. Примером тому может служить «Электронный каталог этнографических памятников, собранных на территории Косихинского района», сделанный сотрудниками ОТРК. В состав каталога вошли материалы, дающие представление об утерянной ныне в следствие несчастного случая коллекции.

Перечисленные выше виды экспедиционной деятельности расширяют само понятие «выезда в поле» и помогают сотрудникам отдела традиционной русской культуры ГХМАК решать поставленные перед собой задачи изучения, сохранения и воспроизведения традиционной культуры русских старожилов и переселенцев Алтайского края.

И.И. Назаров

Этнограф и инсайдер: особенности и некоторые результаты полевой работы в условиях «материнской культуры»

(Барнаул, Алтайский государственный университет)

Лето 2004 г. автор этого сообщения провел в своем родном селе Бобково, расположенном в Рубцовском районе Алтайского края. Свой продолжительный отпуск я решил использовать для возобновления сбора материалов по традиционной культуре местных крестьян. Эта работа является очередным этапом запланированного мною специального исследования по этнографии местных крестьян. Предшествующими этапами этого исследования стал анализ собраний сельского краеведческого музея, монографическое описание истории с. Бобково с 1749 по 1999 гг., изучение этноконфессионального состава этого села (Назаров И.И., 2000а; 2000б; 2000в, 2001). Теперь все усилия были сконцентрированы на сборе этнографического материала.

В настоящем сообщении я бы хотел подробнее остановиться на особенностях полевой работы, которую пришлось вести в своем родном селе и социуме и о некоторых результатах, полученных в ходе этой работы.

Как уже отмечалось, район работ для меня является родным, там я родился, вырос и прожил первые 18 лет своей жизни. Для меня это — «материнская культура». В этнологической литературе давно ведется спор о том, может ли носитель той или иной культуры составить качественное описание своей собственной культуры или же эта задача под силу только чуждому для самой культуры человеку? В англоязычной литературе за первой категорией этнографов, составляющих этнографии своей культуры закрепилось даже специальное название — инсайдер. В научной иерархии такие работы занимают приниженное, второстепенное значение.

Вместе с тем, нет нужды доказывать, что история нашей науки знает немало случаев, когда так называемые инсайдеры составляли прекрасные описания своей этнографии, которые в полной мере удовлетворили научное сообщество.

Я бы хотел подробнее остановиться на тех моментах из практики своей полевой работы, которые мне помогли как «инсайдеру», но мешали мне как этнографу.

Во-первых, мне не нужно было вживаться в исследуемую среду, так как я уже был знаком для местного населения и занимаю здесь определенное социальное место, близкое к категории сельской интеллигенции, учителям. Во-вторых, я знаю также местную специфическую

терминологию и особенности местного говора, прозвища моих информаторов и т.д. Я так же был в курсе того, какое положение в обществе занимает тот или иной мой собеседник, и уже, исходя из этого, определял стратегию своей работы с ним. Длительное знакомство с авторитетными информаторами создавало атмосферу доверия, и поэтому удавалось получать от них уникальные, в том числе и сакральные сведения. Это те факторы, которые, безусловно, способствовали работе.

Теперь нужно назвать обстоятельства, которые этой работе мешали. Для начала нужно согласиться с тем справедливым утверждением, что изучение какой-либо культуры возможно лишь с позиции стороннего наблюдателя. То есть, в какой то мере, исследователь должен противопоставлять себя объекту изучения, смотреть на него с позиции «чужого». Инсайдеру весьма сложно все время дистанцироваться от своей культуры. Это дистанцирование необходимо для выявления тех аспектов или явлений культуры, которые самими носителями этой культуры в силу тех или иных обстоятельств не замечаются.

Другими словами, этнографу, находясь в условиях своей «материнской культуры» необходимо постоянное усилие для анализа окружающей его ситуации и самоанализа. Поскольку такой исследователь чаще всего включен в цикл хозяйственных занятий, он не может постоянно отвлекаться от своей конкретной работы, как, например, в моем случае — строительства хозяйственных построек. В противном случае во время своих раздумий исследователь может невзначай ударить себя молотком по пальцу, отвлекаясь на сопутствующие детали можно свалиться в яму и т.д.

В идеале, для успешной работы инсайдер должен разделить свое сознание на две половины: первую, которая будет отвечать за его функционирование как носителя изучаемой культуры, и вторую, которая эту культуру и будет изучать. Такое раздвоение сознания вполне возможно и психиатрией оно относится к числу явных психических отклонений. Поэтому данный метод вряд ли можно использовать в полевой практике.

Подводя итоги, следует отметить, что инсайдер-этнография имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, глубокое включение в исследуемую группу позволяет получить интересные, а подчас и уникальные сведения, в том числе и интимного и сакрального характера, чего в других условиях получить иногда не возможно. К успехам своей работы отнесу запись обрядового фольклора и целого цикла заговоров, т.н. «заветной тетради».

Вместе с тем, эта самая глубокая включенность вынуждала меня тратить много времени на подтверждение своего статуса в этом со-

циуме. Приходилось вести долгие разговоры по темам, весьма далеким от традиционной культуры. Я был вынужден также заниматься различными хозяйственными делами, что также отрывало массу времени от исследовательской работы.

И, наконец, самый главный с точки зрения науки недостаток такой работы: поскольку я, будучи членом этого социума, получил от компетентных собеседников сакральную информацию, то и разглашать эту информацию посторонним людям я не имею морального права. Полученные сведения являются сакральными и для меня. Другими словами некоторые конкретные результаты своей работы, как, например, заговоры, я не могу опубликовать. Сведения же по другим темам будут должным образом представлены в моих последующих публикациях.

Б.Б. Пушкарев

Исследование этнографических групп восточнославянского населения (конца XIX – начала XX вв.) в Каменском, Чарышском и Шипуновском районах

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

В 2004 г. автором проводилось исследование этнографических групп (таксономических подразделений) восточнославянского населения в трех районах Алтайского края, находящихся в разных природно-климатических и историко-культурных зонах - Каменском, Чарышском и Шипуновском. Полевые исследования велись по апробированной в течение пяти лет программе с помощью следующих методов: анкетирования, опросов, непосредственного наблюдения. Целью полевых работ было выявление в населенных пунктах контактировавших этнографических групп, сбор воспоминаний об их этнодифференцирующих признаках, фиксация проявлений их самосознания.

В общей сложности по данному направлению автором было проведено 32 интервью (более 35 часов аудио и цифровой записи) и заполнено более 50 анкет. Полевой материал показывает бытование в современной сельской среде информации о культурно отличающихся группах восточнославянского населения, а так же прослеживается влияние особенностей этнографического состава на этнокультурные и социальные процессы в исследованных населенных пунктах.

Каменский район расположен в северной части Алтайского края на границе с Новосибирской областью. Исследованиями были охвачены села Столбово и Дресвянка, находящиеся на правом берегу р. Обь в лесной зоне. Состав населения данных сел в начале XX в. характеризуется наличием достаточно пестрых этнокультурных и этноконфессиональных групп, представления о которых достаточно широко бытуют в современности. Информаторы отчетливо выделяли следующие группы старожилов и переселенцев, проживавших в селе - «чалдоны», «кержаки», «вятские», «хохлы», «воронежские» и «курские». Кроме того, часть респондентов идентифицировали себя с той или иной группой – чаще всего с «чалдонами» и «хохлами» и определяли групповую принадлежность односельчан, а другая часть вспоминала о самоидентификации своих родителей. Факт столь длительного, по сравнению с другими районами, разделения на этнокультурные группы объясняется, на наш взгляд, удаленностью обследованных сел (нет моста через р. Объ), и относительно постоянным составом населения. Немаловажное влияние оказало и неприятие, негативное отношение к культуре

других групп, что отражено практически во всех собранных меморатах. Бытование на современном этапе представлений об этнодифференцирующих признаках свидетельствует о существовавших в начале XX в. глубоких культурных отличиях исследованных групп и выраженном групповом самосознании.

Информаторы в качестве маркеров этнографических групп выделяют ряд элементов материальной и духовной культуры. Наиболее часто упоминаются следующие этнодифференцирующие признаки групп: особенности говора, санитарно-бытовая культура, хозяйственные традиции, бытовые особенности и характер (психологические особенности).

Чарышский район находится в южной предгорной и горной части Алтайского края на границе с Республикой Алтай. Автором проводился сбор материала в рамках работы историко-этнографической экспедиции БГПУ (рук. д-р ист. н., проф. Т.К. Щеглова) в нескольких населенных пунктах с различным этнокультурным и сословным составом населения. По указанной проблематике были обследованы крестьянские переселенческие населенные пункты (Алексеевка, Озерки, Щебнюха, Усть-Тулатинка), казачьи станицы (Чарашское, Тулата, Маральи Рожки), старожильческие и старообрядческие села (Малый Бащелак, Сентелек и др.). Этнографическая идентичность населения имеет многоуровневый характер. На территории Чарышского района были представлены две этносоциальные группы – «казаки» и «крестьяне», отношения между которыми на протяжении XX в. имели напряженный характер. На современном этапе часть населения района идентифицирует себя с казачеством, причем у представителей данной группы прослеживается некоторый «этноцентризм» в оценке признаков своей группы и негативное отношение к группе крестьян, которую называли обидным словом - «крестьянишки». Крестьянское население подразделялось на ряд этнокультурных групп – «сибиряков», «кержаков», «расейских», также были выявлены групповые этнонимы, образованные по месту выхода переселенцев.

Наибольшее количество информации собрано об этнодифференцирующих признаках и взаимоотношениях казаков и крестьян. Полученные полевые материалы свидетельствуют о высоком таксономическом уровне группы казаков и кержаков. Часто представители группы крестьян считали казаков другим народом: «Казаки вроде нация какая то. Они жили в Тулате» (Матюнина Лидия Михеевна 1929 г.р. Чарышский р-н, с. Алексеевка). Среди культурных отличий информаторами наиболее часто упоминаются чистота и чистоплотность казаков, особенности семейных обрядов, психологические черты (например, воин

ственность, жестокость). «Казаки были хватские. Ну щеголеватые или как их назвать? Боевые. На конях они хорошо ездили» (Губанова Надежда Ильинична 1927 г.р., Чарышский р-н, с. Усть-Тулатинка). Так же другим народом информаторы считали кержаков – «Были кержаки, а кто они такие. Вроде как нация другая» (Кучина Ирина Николаевна 1927 г.р. Чарышский р-н, с. Тулата).

Шипуновский район находится в центральной части Алтайского края и характеризуется преобладанием степных ландшафтов с наличием небольших лесных массивов в поймах рек (т.н. «забоки»). Сбор материала проводился в селах Родина и Бобровка, образованных сравнительно недавно – в первой трети XX в. Наибольший интерес представляют полевые источники, полученные в переселенческом селе Бобровка. Этнографический состав населения данных сел, в отличие от вышеописанных районов не отличается разнообразием – собранные материалы показывают взаимодействие двух групп переселенцев начала XX в. – «хохлов» и «кацапов», и группы более поздних переселенцев - «украинцев» (по сообщениям информаторов украинцы поселились в Бобровке в 1930-х гг.). Материалы, полученные в ходе полевых исследований, свидетельствуют о том, что название «хохлы», которое давалось переселенцам из Малороссийских губерний (на Алтае преобладали выходцы из Черниговской, Харьковской и Полтавской губерний), со временем стало самоназванием представителей данной группы. Интересен факт разграничения групп хохлов и украинцев, видимо переселенцы 1930-х гг. были из Западной Украины и значительно отличались в культурном отношении от хохлов. «А хохлы они наши родичи здесь жили, а потом до войны по своему желанию сюда приезжали жить из украины, не хохлы они, мы их «украиной» называли.... а которые давно здесь жили – это хохлы» (Носова Евдокия Григорьевна 1927 г.р. с. Бобровка Шипуновского р-на). Название же «кацапы» закрепилось за крестьянами-переселенцами из центральных и южных губерний европейской России.

В современной сельской среде сохранились воспоминания об истории формирования и культурных отличиях украинцев, хохлов и кацапов, которые старались селиться в разных частях («краях») села. Информаторами выделяются языковые, хозяйственные, психологические особенности групп, отличия в жилых постройках и санитарно-бытовой культуре.

И.В. Куприянова

Садовские старообрядцы как историко-культурный феномен

(Барнаул, Музей литературы и искусства Алтайского края)

В июне-июле 2004 года сотрудники ГХМАК проводили полевые исследования на территории Ельцовского района Алтайского края. Среди явлений и процессов, происходивших здесь в прошлом, особое внимание привлек феномен деревни Садовск, население которой, как можно утверждать с большой долей вероятности, составляли старообрядцы согласия странников, или, как они стали называть себя после 1917 г., Истинно православные христиане странники (ИПХС).

Деревня разъехалась недавно, в середине 1990-х гг. В настоящее время в районе остался лишь один житель Садовска – Николай Васильевич Сысалятин, ныне проживающий в селе Верх-Неня. Однако, как и всегда, когда речь идет о старообрядцах, садовская община оставила по себе массу воспоминаний, основанных как на слухах, домыслах, легендах, так и на личных впечатлениях. Наиболее конкретные и достоверные материалы о садовской общине были предоставлены нам работниками руководящего звена, которые в свое время бывали в Садовске по долгу службы и имели опыт общения с его жителями.

Уникальность Садовска состояла, прежде всего в том, что населявшие его староверы существовали в условиях почти полной самоизоляции от советской экономической и социальной сферы: они не имели документов, не работали в советских и колхозных структурах, не получали пенсий, не отдавали детей в советские школы, не служили в армии. При этом факт существования данной общины не составлял никакой тайны для населения района и был хорошо известен руководству края.

Если учесть, что сельские общины староверов Алтая были большей частью уничтожены в период коллективизации, а те из них, которым удалось сохраниться, были вынуждены либо существовать под жестким контролем государства (верующие преимущественно работали в колхозах и подчинялись законодательству о культах), либо переходить на нелегальное положение, то можно утверждать, что в данном случае мы имеем дело с неординарной ситуацией. Разумеется, к Садовску применялись различные меры воздействия, и меры довольно жесткие. Возникает вопрос, каким же образом столь значительная

группа верующих смогла просуществовать в подобных условиях так долго?

Многие старожилы отмечают, что когда-то в Садовске проживали не только староверы, но со временем другие жители выехали. Возможно, староверы собрались в Садовске в период коллективизации, чтобы избежать вступления в колхозы: подобные явления встречались довольно часто. Деревня была расположена в наиболее глухом, уединенном углу. По рассказам, это была красивая горная местность, где самими староверами были рассажены сосны (вообще сосна на территории Ельцовского района не растет, только пихтач, осинник, березняк). Состояла она из одной, сильно вытянутой в длину, улицы. Насколько большой была деревня, неизвестно, так как количество жителей учету не поддается. Очевидцам, бывавшим в Садовске, хорошо запомнилась такая особенность: очень большое количество беременных женщин и маленьких детей. Мужчины же и подростки при появлении чужих немедленно прятались.

Садовские старообрядцы жили преимущественно лесом: занимались охотой на пушного зверя, браконьерской охотой на лосей: гостям не раз подавалось копченое лосиное мясо. На вопрос, что это за мясо, хозяева со смехом отвечали: «Конина!».

Охотой занимались практически все жители: во всех домах имелись запасы шкурок. Шкурки передавались на выделку каким-то скорнякам и затем либо выменивались на муку, либо вместе с другой продукцией реализовывались в населенных пунктах Кемеровской области, что вообще было и есть весьма характерно для жителей Ельцовского района.

Важной сферой деятельности жителей Садовска, дававшей постоянный доход, являлось пимокатное дело. Многие окрестные жители предпочитали заказывать пимы садовским пимокатам, которые, судя по всему, выделывали особенно качественную продукцию из шерсти заказчиков. Отец Н.В. Сысалятина – В.А. Сысалятин, - являлся одним из наиболее искусных пимокатов Садовска. Однажды он даже подвергся преследованиям со стороны представителя местной власти за то, что отказался подменить ему плохую шерсть на пимы на более качественную шерсть кого-либо из других заказчиков. В других случаях отказывался катать пимы для несимпатичных ему людей, коммунистов. При этом, все хотели заказать пимы именно у него. Н. В. Сысалятин занимается пимокатным делом на заказ по сей день.

Жители Садовска занимались также разведением пчел. Мед, возможно, также продавали в Кемеровскую область, которая являлась гигантским потребителем сельскохозяйственной продукции.

Среди занятий населения необходимо также отметить имевшие вспомогательное значение огородничество, рыбную ловлю и т. д. Еще в 1940-е гг. в Садовске носили льняную одежду из домотканины.

В свидетельствах, которые можно отнести к наиболее достоверным, говорится о зажиточности жителей Садовска, которые «жили для себя: захотел – поработал, захотел – отдохнул». В послевоенные годы, когда в других селах люди жили очень трудно, садовцы приезжали в магазины и накупали товаров на огромные суммы. Старожилы вспоминают, что женщины – жительницы Садовска, являясь за чем-нибудь в Ельцовку, одевались очень хорошо, однако, не отрицают и того обстоятельства, что подобный достаток стоил немалых трудов, причем людям не приходилось рассчитывать на помощь государства или окрестных жителей, со стороны которых отношение к ним было порой весьма негативным.

При этом внутреннее убранство домов, во всяком случае, на первый взгляд, было весьма скромным. В 1980-х гг. в домах имелись обычные современные вещи, в том числе раковины, детские коляски, ковры. В доме В.А. Сысалятина была идеальная чистота, много лампадок, белоснежные, накрахмаленные занавески.

Среди полученных нами сведений очень мало оказалось таких, которые характеризовали бы религиозную жизнь садовских староверов: очевидно, эту сферу они скрывали от посторонних более тщательно, чем свои «браконьерские» дела. Некоторые данные указывают на Василия Андреевича Сысалятина как на религиозного руководителя общины. У него во дворе, в комплексе обычных хозяйственных построек, видели небольшой домик, незаметный с первого взгляда, «вроде баньки, только аккуратненький», в котором проходили моления жителей Садовска. Рассказывают, что Сысалятин решил стать священнослужителем после того, как прошел всю войну, не получив ни единой царапины: «Он сказал, я так благодарен Богу, что он меня оставил в живых в войне, что я свою жизнь этому посвятил».

Несмотря на то, что старожилы отзываются весьма негативно о садовских староверах, никто из лично знавших В.А. Сысалятина, не может сказать о нем ничего плохого. Судя по всему, это был человек исключительной честности, незаурядного ума и разносторонних способностей: например, он прекрасно пел и играл на гармони. Кроме

того, он был весьма обходителен, умел ладить с самыми разными людьми, в том числе сотрудниками районной администрации. Вероятно, область его полномочий выходила далеко за пределы богослужебных функций: это были внешние связи, контакты с представителями власти в целях предотвращения нанесения ими садовской общине какого-либо вреда. Одних он пытался убедить, приходил в гости, беседовал о вере, смысле жизни, причем достигал порой значительных результатов: человек, хотя и не мог пренебречь своими служебными обязанностями, направленными против Садовска, тем не менее, начинал задумываться над этими вопросами и впоследствии сожалел, что принимал участие в репрессиях против этой деревни. Другим просто давались взятки, устраивалась экзотическая охота и т. д.

Весьма узнаваемой в контексте поведения старообрядческих религиозных объединений является ситуация уклонения садовцев от обучения детей в советских школах. Атеистическая пропаганда, проводимая школами, их стремление вмешаться в процесс воспитания детей с позиций, враждебных старообрядческой системе ценностей, вырывали детей из-под влияния родителей и тем самым разрушали воспроизводство их религиозно-культурной традиции. Поэтому садовские старообрядцы всячески препятствовали открытию у них в деревне начальной школы, которую им всячески навязывало районо. Сотрудники районо ходили по домам, убеждали матерей в необходимости обучения детей, на что им отвечали: «Мы учим своих детей сами. Дети у нас грамотные. Они знают столько же, сколько и мы сами. Никакой школы нам не надо».

Тем не менее, начальная школа в Садовске все же была открыта, правда, никого из детей в нее «затащить» не удалось.

Среди прочих мер воздействия, практиковавшихся на Садовске, обращает на себя внимание метод лишения его жителей родительских прав и насильственное водворение детей в интернаты и детские дома. По свидетельству очевидцев, лишать родительских прав было абсолютно не за что: дети были сыты, одеты, с ними хорошо обращались. После увоза детей родители ехали за ними следом, разыскивали, выкрадывали их и привозили обратно, либо дети сбегали сами.

Семейные трагедии здесь возникали не только в связи с насилием и несправедливостью. Дело было в том, что даже кратковременное пребывание в интернатах влекло за собой порой необратимые негативные последствия: дети приучались к ругательствам, усваивали ци-

ничные взгляды на жизнь и на родителей, которых начинали считать отсталыми людьми и т. д.

Если они и возвращались потом своим родителям, все же продолжать процесс воспитания становилось весьма сложно, так как авторитет родителей был основательно подорван. Поэтому садовские старообрядцы предпочитали просто прятать детей школьного возраста, так же, как и молодых людей, подлежавших призыву в армию, как только в деревне появлялись посторонние. Прятались также и мужчины.

Здесь необходимо отметить наличие в Садовске убежищ, о которых упоминают многие рассказчики. Что они собой представляли, точно объяснить никто не может, но наличие их не подлежит сомнению. По-видимому, это было нечто вроде системы подземных ходов, позволявшей быстро и надежно спрятаться в лесном массиве, где-нибудь неподалеку от деревни, и переждать, пока не уйдут чужие. В домах Садовска имелись вторые выходы, заложенные жердями, которые можно было легко сдвинуть. Оконные ставни крепились на шарнирах, и мгновенно захлопывались сами, после того, как наружу выпрыгнет человек и т. д. Где-нибудь в кустах, или же, как утверждают некоторые информанты, на деревьях, где были устроены смотровые площадки, скрывались часовые, наблюдавшие за дорогой. Таким образом, мужчины и дети бывали заранее оповещены о приближении посторонних и успевали скрыться.

По-видимому, районные власти предпочитали оставить Садовск в покое до того момента, как из Барнаула поступят нарекания и требования покончить с этим населенным пунктом. Тогда уже за Садовск брались серьезно: устраивались ночные облавы, сопровождавшиеся обысками, конфискациями мехов и даже арестами. Правда, рассказчики отмечают, что при конвоировании в райцентр арестованные, как правило, ухитрялись сбежать и возвращались обратно в Садовск. Однако среди его жителей имелись и такие, которые были вынуждены отсидеть в тюрьме за уклонение от службы в армии.

К началу 1990-х гг. эти меры воздействия в значительной степени осложнили жизнь садовских старообрядцев и вынудили их понемногу разъезжаться. Уезжали садовцы преимущественно в Московскую и Владимирскую области. Уже несколько лет как в деревне не осталось ни одного жителя.

Таким образом, садовские староверы представляют собой уникальный тип самобытной локальной религиозно-культурной группы, существующей открытой для государства форме и при этом в отрыве

от его структур. Некоторые бывшие жители Садовска до сих пор не имеют документов и не получают пенсию. Однако усилиями властей с деревней все же было покончено, и этот историко-культурный феномен, еще недавно существовавший, теперь остался в недавнем прошлом.

Н.С. Грибанова

Полотенце в культуре старожилов и переселенцев Алтая (итоги полевых исследований в Чарышском и Третьяковском районах)

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

Одним из основных направлений исследований автора является тема «Полотенца и традиции их использования русским населением юга Западной Сибири в конце XIX – XX в.». В течение полевого сезона 2004 г. (июнь - август) был продолжен сбор источников по данной тематике в Чарышском районе в рамках историко-этнографической экспедиции исторического факультета БГПУ и в Третьяковском районе Алтайского края во время частной командировки.

Основной целью исследований является выявление этнографических и локальных особенностей в изготовлении, орнаментации и использовании полотенец, определение степени сохранности традиций и факторов, влиявших на изменение роли полотенца в культуре русского населения Алтая на протяжении XX в.

С целью комплексного изучения темы работа велась параллельно по двум направлениям: сбор устных источников и изучение артефактов.

При сборе устных источников использовался метод интервьюирования (устная форма) и анкетирования (письменная форма) по специально разработанным вопросникам и анкетам, включающим вопросы об изготовлении, орнаментации и использовании полотенец в родильно–крестильном, свадебном и похоронном обрядах, а также полотенец утилитарного (бытового) и декоративного назначения. Необходимость комплексного изучения полотенца как явления народной культуры определила выход при сборе материала на многие темы: семейная и календарная обрядность, семейный быт, декоративно-прикладное искусство, трудовые традиции. Особое внимание было уделено исследованию традиционных женских домашних промыслов: прядения, ткачества, шитья, вышивки, кружевоплетения, вязания, а также льноводства (возделывание культуры льна) и льноделия (обработка льна).

Сбор материала показал преимущество метода интервьюирования по данной тематике, поскольку анкеты не отражают всех особенностей явления и многогранности исследуемой темы. В то же время анкети-

рование позволяет охватить большую территорию и получить данные о степени бытования явления.

Выборка респондентов для анкетирования и интервьюирования осуществлялась по возрастному и половому критерию. Для получения данных по первой трети XX в. выбирались наиболее пожилые респонденты. При этом существует возможность получить сведения о максимально раннем периоде (часто по воспоминаниям из детства) и проследить изменения на протяжении всего XX века. Специфика темы не позволяет привлекать в качестве респондентов мужчин, которые в силу традиции не были вовлечены в обустройство внутреннего убранства жилища, и во многих обрядах выступали исполнителями отведенной им роли. Таким образом, респондентами в обследованных селах явились женщины 1911 – 1936 гг. рождения.

Учитывалась и этнографическая принадлежность респондентов. Опрос проводился среди представителей различных этнографических групп населения края: переселенцев, сибиряков-старожилов, кержаков, чалдонов. В Чарышском (с. Чарышское, с. Малый Бащелак, с. Большой Бащелак, с. Ивановка, с. Красный Партизан) и Третьяковском (с. Екатериновка, с. Староалейское, с. Шипуниха) районах преобладающее количество интервью (более 80%) было проведено с потомками переселенцев конца XIX – начала XX вв. из южнорусских губерний («российские», «хохлы»). Среди респондентов – потомков старожилов в Чарышском районе преобладают кержаки (старообрядцы поморского согласия), в Третьяковском – чалдоны.

В рамках второго направления была проведена работа с коллекциями полотенец в Чарышском районном краеведческом музее, школьных музеях с. Шипунихи и с. Староалейское Третьяковского района, а также с предметами, принадлежащими населению. Все предметы зафиксированы: сфотографированы или зарисованы, на каждый составлено подробное научное описание. Несколько полотенец были подарены респондентами и поступили в фонды историко-краеведческого музея БГПУ.

На основе полученных источников можно сформулировать предварительные выводы. Исследования показали значимость полотенца в традиционной культуре этнографических групп старожилов (сибиряков-старожилов, кержаков, чалдонов, поляков) и переселенцев Алтая и использование его в быту, обрядах и праздниках. Наибольшее значение полотенца имели в традиционной семейной обрядности (свадеб-

ной, родильно-крестильной, похоронно-поминальной). Существенно меньше применялись в календарных обрядах.

Со второй трети XX в. для всех этнографических групп русских характерна утрата многих черт традиционной обрядности, в которой использовались полотенца что, связано с коренными изменениями в жизни села (коллективизация, раскулачивание) и последствиями Великой Отечественной войны.

В большей степени это касается родильно-крестильной обрядности и объясняется утратой института повивальных бабок (с развитием медицинского обслуживания), а как следствие – обрядов, проводимых с участием повитухи: «размывания рук» (вытирание рук роженицей и повитухой одним полотенцем, одаривание повитухи полотенцем), обряд «бабкина каша» (накрывание полотенцем горшка с кашей) и др.

Существенные изменения в XX в. претерпела и свадебная обрядность всех названных групп русского населения. Если в свадебных обрядах русских первой четверти XX в. исследователями фиксировалось более десяти случаев использования полотенца, то во второй половине XX столетия их остается от двух до пяти (повязывание полотенца дружкам через плечо, встреча молодых с хлебом-солью на вышитом полотенце, одаривание родных жениха, развешивание на стенах, подготовка в качестве приданного). В настоящее время сохраняется лишь встреча молодых с хлебом-солью на расшитом полотенце.

Менее всего изменения коснулись консервативной похоронно-поминальной обрядности крестьян, в которой полотенце сохраняет важную роль и сегодня. Однако вместо льняного полотна используется различная полотенечная ткань (белая, цветная, льняная, хлопчатобумажная) фабричного производства. Исследования погребального обряда показывают, что различия в использовании полотенца (при переноске гроба, опускании гроба в могилу, привязывании на крест и др.) в настоящее время носят скорее локальный (т.е. характерный для одного или нескольких близлежащих населенных пунктов), нежели этнографический характер. Но очевидно, что основой формирования локальных вариантов явились традиции, принесенные крестьянами из районов прежнего проживания. На их основе и под влиянием экономического фактора, а также такого явления как мода, сложились многочисленные формы погребального обряда, ограничивающиеся часто рамками одного поселения.

Использование полотенец в быту и традиционных праздниках старожилов и переселенцев Алтая отражает общерусскую традицию

Были выявлены различия лишь в наличии или отсутствии орнаментации на предметах утилитарного назначения. По мнению респондентов, украшение полотенец бытового назначения зависело от достатка семьи и мастерства девушки, готовившей приданное. Однако анализ интервью показывает, что преимущественно старожилы упоминают об украшении вышивкой и кружевом полотенец для лица, рук, посуды, в то время как переселенцы либо отрицают сам факт орнаментации подобных предметов, либо упоминают в качестве украшения только простые в исполнении мережку и кисти.

Полевые исследования 2004 г. показали большую вариативность бытования диалектных названий полотенец у представителей различных этнографических групп русских Алтайского края. Так, самым распространенным названием орнаментированных предметов и неукрашенных полотенец бытового назначения в исследованных населенных пунктах является название «полотенец» (ед. число, муж. род). Распространенное прежде в южнорусских губерниях Европейской России название «рушник» употребляется преимущественно потомками переселенцев для обозначения орнаментированных предметов декоративного назначения. По словам информаторов, рушником называют полотенца «российские» и «хохлы». Распространенность термина «рушник» у русского и украинского народов подтверждается близостью культуры южнорусских переселенцев и украинцев. Потомки старожилов называют полотенца рушниками только в селах со смешанным этнографическим составом, что может служить на наш взгляд примером заимствования. Другим широко употребляемым исключительно переселенцами названием является термин «утирка». Т.о. бытование различных диалектных вариантов названий одного и того же предмета показывает устойчивость культурных традиций различных групп населения, принесенных из районов прежнего проживания даже на рубеже XX - XXI в.

Предметы, которые удалось зафиксировать у информаторов в ходе полевых исследований, изготовлены преимущественно в первой четверти – 50-х гг. XX в. бабушками или мамами респондентов и хранятся как семейные реликвии. Нередки случаи хранения только орнаментированных концов полотенец, основное полотно которых было использовано в военные годы (на платок, рубашку ребенку, сумку). В Чарышском и Третьяковском районах, также как и в обследованных ранее Усть-Калманском, Бийском, Зональном и др., у потомков старожилов было выявлено значительно меньше полотенец чем у пересе-

ленцев. На наш взгляд это отражает существовавший ранее повышенный интерес к культуре старожилов (кержаков, поляков) со стороны исследователей, собиравших предметы культуры и быта для музейных коллекций. Другой причиной утраты предметов традиционной культуры, в том числе полотенец, является время. С каждым годом остается все меньше памятников традиционной культуры в среде их прежнего бытования. Уже сегодня многие предметы можно увидеть только в музейных собраниях.

Таким образом, в ходе полевых исследований сезона 2004 г. был собран материал, позволяющий оценить значимость полотенца в культуре различных этнографических групп русского населения Алтая и выявить степень сохранности элементов их традиционной культуры на протяжении XX века.

С.А. Семикин

Исследование застройки и планировки сёл Чарышского района

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

Одним из направлений программы «Города и сёла Алтайского края: историко-культурное наследие», под руководством Т.К. Щегловой, является исследование планировочной структуры сельских населённых пунктов. При изучении пространственной организации поселений нами была принята типология, предложенная В.А. Липинской, согласно которой одними из элементов планировочной структуры являются застройка (взаимное расположение построек и усадеб) и форма планировки (схема расположения построек в населенном пункте) (Липинская В.А., 1974, с. 239).

Застройка имеет следующие варианты: 1.Квартальный; 2. Уличный; 3.Рядовой; 4.Разбросанный. Форма планировки - 1. Групповой; 2. Линейный; 3. Круговой; 4. Радиальный; 5. Вилочный [3].

Чарышский район расположен в южной части Алтайского края. Рельеф – горный. На юге и востоке расположены Тигирецкий, Бащелакский, Коксуйский и Коргонский хребты. Северная часть постепенно переходит в предгорье. По территории района протекают такие реки как Чарыш, Тулата, Иня, Сосновка, Бащелак, Сентелек (Липинская В.А., 2002, с. 108-109)

В историческом плане район представляет собой территорию, через которую проходила Колывано-Кузнецкая оборонительная линия. В дальнейшем эта территория входила в зону заселения т.н. крестьян-старожилов. Во второй половине XIX в. стали прибывать крестьяне-переселенцы из европейской части России. В советский период на территории района велось поселковое строительство.

В 2004 г. в Чарышском районе проходила комплексная историко-этнографическая экспедиция под руководством д.и.н. Т.К. Щегловой. Одно из направлений деятельности участников экспедиции – исследование планировки и застройки сельских поселений. Фиксировалась не только планировка и застройка на современном этапе, но реконструировался историко-географический процесс развития планировочной структуры населенных пунктов в прошлом. Сведения получали путём личных наблюдений, расспросов местных жителей, в Чарышском районном краеведческом музее, а также в местных учреждениях. Имела место попытка охватить все поселения района на территории 8 сельских советов, как существующие, так и исчезнувшие. Графически ре-

зультаты исследования застройки и планировки фиксировались на планах селений, полученных в сельских администрациях или составленных путём глазомерной съёмки.

В ходе исследования поселенческой структуры были выявлены населённые пункты, имеющие различное историческое прошлое:

- бывшие казачьи станица и поселки, для которых были характерны особенные черты планировочной структуры – линейная планировка, чёткая улично-квартальная застройка, вынос на окраины поселений хозяйственных построек, огородов;
- старожильческие селения, в том числе населённые пункты, где проживали т.н. староверы;
- поселения пореформенных переселенцев;
- населенные пункты возникшие в советский период.

Среди факторов, влияющих на планировочную структуру, значительная роль принадлежит ландшафтным – рельефу и гидрографии. Населённые пункты расположены в речных долинах между вертикальными складками рельефа. Кроме того, для казачьих в прошлом поселений был характерен административный фактор – планировочная структура регулировалась военной администрацией. Застройка поселений в основном уличная. Это связано с тем, что поселения вытягиваются между рекой и горами, и подобная зажатость зачастую препятствует пространственной организации кварталов. Наиболее распространённые варианты форм планировки – линейный (элементы жилого массива расположены вдоль берегов реки) и радиальный (улицы и ряды расходятся от организующего центра, чаще всего моста).

Таким образом поселенческая структура на территории Чарышского района, по данным полевых исследований 2004 г., представляет собой интерес, как пример возникновения и развития населённых пунктов различных типов, а также влияния различных факторов (ландшафтных, административных и др.) на планировку и застройку поселений, дальнейшее изучение которых потребует привлечение не только полевых материалов, но и архивных.

Овчарова М.А.

Полевые исследования мордовского населения Алтайского края (Залесовский район 2004 г.)

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

В процессе переселенческого движения на территории Алтайского края сложилось поликультурное общество. Из всех финно-угорских этносов на территории Алтайского края наибольшим числом представлена мордва. С 1991 г. на базе исторического факультета Барнаульского государственного педагогического университета работает Лаборатория исторического краеведения, в которой действует сектор «Устной истории и этнографии», под руководством д.и.н., профессора Т.К. Щегловой. На протяжении 7 лет (с 1998 г.) в ходе историко-этнографических экспедиций в села Залесовского, Заринского, Тальменского, Бийского и Зонального районов проходили исследования по программе «Мордва Алтая: историко-культурное наследие». Целью программы является выявление особенностей развития и специфики культуры этнической группы мордвы в поликультурном обществе Алтайского края. Мордва относится к бинарным этносам, и внутри самой мордвы чаще употребляется название по принадлежности к одной из двух основных этнических групп – мокша и эрзя. В отличие от других этносов, которые расселялись дисперстно, значительная часть мордвы на Алтае образовывала локальные моноэтнические мордовские районы и поселения. Это создало условия для сохранения элементов мордовской этнической культуры, в том числе одного из важнейших ее элементов – языка. Первая комплексная экспедиция по обследованию мест проживания мордвы на территории Залесовского района проходила в 1998 г. В ходе этого исследования были зафиксированы места локального проживания мордвы, собран материал по духовной и материальной культуре. В ходе полевой работы было установлено, что основная часть мордвы проживает в Причумышье и сопредельных с ним районах: Заринском, Тальменском, Первомайском. По данным переписи 1989 г. на территории Залесовского района проживало 2045 человек (9,9%). Мордовский край на Алтае сформировался на территории Залесовского р-на (Залесовское Причумышье). Где расположены мордовские и смешанные села, в которых мордовский язык продолжает использоваться в повседневной жизни. Уникальным районом является эрзянская зона с центром в с. Борисово, села Никольское. Кроме того на территории Залесовского района существуют смешанные мокшанско-русские села, где мордва по-прежнему сохраняет свой язык и эле-

менты национальной культуры –Большой Калтай, Малый Калтай, Черемушкино, Думчево, Пещерка, Залесово.

В ходе последующих полевых исследований на территории данного района проходило наряду с интервьюирование, анкетирование, составление генеалогического древа больших родов. Последняя экспедиция проходила с 15 по 25 августа 2004 года. Выезд был построен по маршруту направленному на обследование моноэтнических мордовских (эрзянских) сел Борисово и Никольское. Исследование проходило по нескольким направлениям:

Основное внимание было направлено на исследование этнического самосознания, самоидентификации мордовского населения.

История заселения и картографирование расселения мордвы на территории Залесовского района, по устным источникам, изучение материальной культуры (т.е. сохранности архитектурного облика села одежда, свадебная, обыденная), духовной (похоронный, свадебный цикл, семейные традиции, религиозные верования).

Было проведено этносоциологическое исследование, направленное на изучение этнического самосознания мордвы. Срез этнического самосознания проводился на на двух уровнях: во-первых, у представителей разновременных групп переселенцев (вторая половина XIX в., начало XX в., 1920-е гг., 1950-е гг.); во-вторых, в каждой группе мигрантов у представителей разных поколений одной семьи. Был проработаны По хозяйственные книги 2003, 2004 годы. Были проработаны родственные связи (составлены генеалогические древа). Проводилось межпоколенное интервьюирование, собирался фотоматериал, прорабатывалась планировочная структура сел. Полевая работа в мордовских селах Причумышья показала, что важным фактором функционирования традиционной этнокультуры являлось сохранение языка. По воспоминаниям старожилов, бытованию языка в общении способствовало сохранение моноэтнического состава мордовских сел до 1940-х гг. По данным текущего архива Борисовской администрации Залесовского р-на в с. Никольском в августе 2003 г. проживали 41 мордовская семья (167 чел.) и 5 русских; в с. Борисово – 293 мордовских и 40 русских семей. Анкетированием было охвачено мордовское население по трем возрастным группам (1918–1940; 1941–1970; 1971–2000 годов рождения). Было собрано 140 анкетных листов (пропорционально по возрастным группам – 50, 50 и 40 чел.). Анкетный лист содержал вопросы для определения этнической принадлежности и уровня знания своего родного языка и выявления наиболее значимых компонентов этнического самосознания (язык, обряды и обычаи, вероисповедание, национальный характер, одежда, пища).

На первое место среди этнодифференцирующих признаков опрошенные жители сел Борисово и Никольского (мордва-эрзя) поставили язык. По другим компонентам этничности между поколениями возникли разногласия. Представители старшего поколения, воспитанные носителями традиционной культуры, впитали культурно-бытовые привычки в процессе общения с бабушками, дедушками и родителями. Поэтому информаторы старшего поколения назвали этнодифференцирующими признаками обряды жизненного цикла: свадебный (61%) и похоронный (29%). Но в силу известных объективных и субъективных причин они не передали детям нормативные традиции.

Среди представителей среднего и особенно младшего поколения носители семейной обрядности практически отсутствуют, они затруднялись определить обряды, свойственные мордве, и их отличия. На первое место после языка они поставили особенности характера (II поколение – 55%; III – 36%). В анкетах в качестве национальных черт информаторы указывали дружелюбие, гостеприимство, усидчивость, любознательность, трудолюбие, покладистость. Многие черты характера – простота, открытость, бесхитростность, по их мнению, способствовали развитию негативной оценки: «мордва, это национальность, которая ниже русской». Учительница Борисовской школы В.И. Аношкина (1948 г.р.) объяснила так: «Мордовские дети очень дружные, у них отмечается гостеприимство, простота, это очень трудолюбивые люди, покладистые и любознательные, но им свойственна небрежность».

Между вторым и третьим поколением наблюдается также значительная разница в ранжировании этнодифференцирующих признаков. Представители среднего поколения, имея возможность сравнивать своих родителей (до 1940-х гг. р.) – носителей мордовской культуры, со своими детьми (после 1970-х гг.р.), подвергшимися русификации, указывают на отличия мордовского и русского свадебного (81%), похоронного (52%) обрядов, быта (33%), для старшего поколения это, соответственно, 61%, 29%, 10%. Но, в отличие от старшего поколения, они (15 %) не помнят традиционной одежды, которая раньше других компонентов материальной культуры ушла из повседневного употребления.

Таким образом, потомки мордовских переселенцев Залесовского и Первомайского районов обладают определенной системой взглядов, и оценивают свое место в системе межэтнических отношений. Консолидации способствует малочисленность мордвы при доминировании русского населения. Такую ситуацию отражает пословица, бытующая в с. Зудилово: «мордвы – на пяток – два; а русского – на грош сколько

хошь» (Е.С. Шиндяпкина, 1948 г.р.). Идентичность мордвы сформировалась в условиях неприятия их культуры, доходящего до насмешек, поэтому для сознания многих представителей этого народа в Алтайском крае характерна двойственность позиции. Одни четко идентифицируют себя мордвой и гордятся этим. Другие отрицают принадлежность к мордве, боясь насмешек; Н.Л. Астрахацева (1934 г.р.) из с. Зудилово так отреагировала на вопрос «Вы относите себя в мордве?»: «Вы меня не оскорбляйте!», и лишь поверив в искренность, призналась, что она «чистокровная мордовка и гордится этим».

Проявлением самосознания мордвы является идентификация себя в рамках субэтнических групп – мокша или эрзя. Часть респондентов называли себя просто мордвой, не зная точного происхождения, что свидетельствует о снижении степени этничности. Как известно, часть современных эрзянских радикалов в Республике Мордовия (Поволжье) ведет борьбу с этнонимом «мордва», утверждая, что нет народа «мордва», есть «эрзя» и «мокша», а мордвинизация – гибель обоих народов, т.к. в результате образуются «русские»[21].

В Залесовских селах Борисово и Никольском старшее и среднее поколение определяет свою принадлежность к мордве-эрзя, в младшей группе только 30% имеют представление об этнонимах «эрзя» и «мокша». Как известно, по определению Ю.В. Бромлея, этническое сознание выступает одним из основных компонентов этноса, но оно не является наследственной составляющей, а складывается у индивида или группы в процессе социализации не только в семье (история алтайской мордвы подтвердила недостаточность только семейных усилий в трансляции национальной культуры), но и в обществе. Именно общество создает благоприятные условия для осознанного акта этнического самоопределения каждого этнофора (носителя этнической культуры), т.е. его этнической самоидентификации.

Г.В. Кидяева

Устные источники по истории Чарышского района в XX в.

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

Специфика исторического познания, с позиции истинности и достоверности заключается в его относительности. Относительность определяется многозначностью основных компонентов исторического познания – исторического факта, исторического источника и метода исторического исследования. Возможности исторического знания очерчиваются не только неполнотой сохранившихся свидетельств, но и отсутствием гарантий того, что отражаемая в источниках действительность соответствует объективной реальности. В этой связи, устный исторический источник в содержательном отношении, позволяет восполнить пробелы исторического знания.

Основой исторического познания является память о прошлом. Историческая память имеет многоуровневый характер: коллективная, семейная, индивидуальная. Посредством устных источников – индивидуальных воспоминаний о прошлом, реконструируется само прошлое. При чем, именно устная история расширяет границы исторического познания посредством изучения «истории снизу», не только через участие очевидцев в происходящих событиях, но также через восприятие и отношение к ним. Такая «история снизу» является одним из методов микроистории или в современной терминологии «новой локальной истории». Комплексный анализ устных источников - от индивидуальной памяти к коллективной – способствует всестороннему изучению, в том числе и с включением социокультурных аспектов, истории локальных сообществ. В этом отношении взаимообусловленность устной истории и локальной очевидна.

Исследовательская программа сектора «Устной истории и этнографии» ЛИК БГПУ «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» предусматривает изучение сельской истории Алтайского края в контексте микроистории. В 2004 г. в ходе историко-этнографической экспедиции в Чарышский район был собран комплекс устных источников по истории района. Количество источников, их тематическая направленность определились не только программой исследования, но и рядом географических, экономических, социальных, культурных и др. особенностей развития района.

Чарышский район, образованный в 1924 г. (до 1932 г. назывался Бащелакским) располагается на юге Алтайского края. Южные и восточные территории района представлены горным рельефом – Тигирец-

ким, Бащелакским, Коксуйским и Коргонским хребтами, северная часть района – предгорье. В районе добываются гравий, известняк, песок, глина, щебень. Более половины территории района занимает тайга. В XIX в. сложилась хозяйственная направленность территории – животноводство, коневодство, пчеловодство, добыча пушного зверя. На особенности социально-исторического развития влияло наличие двух групп населения – казачества и крестьянства.

Казачья станица - Чарышская – в дореволюционный период была самой крупной из трех существующих на территории Алтайской губернии. В результате миграций различных этносов и контактов (казахов, алтайцев, русских и др. переселенцев из Европейской России) к началу XX в. сложилась пестрая этническая и этнографическая структура, обусловившие развитие системы сельских населенных пунктов. Выделялись старожильческие (Сентелек, Чайное, Маралиха и др.), переселенческие (Аба, Машенка, Алексеевка и др.) и казачьи (Чарышское, Тулата, Маральи Рожки и др.) села. Комплекс хозяйственно-культурных, социально-экономических условий развития района обусловил специфику преломления здесь общероссийских, общерегиональных (сибирских) процессов и особенности протекания локальных событий.

В ходе экспедиции было проведено 276 интервью. Среди информаторов по этническому составу выделяются две крупные группы – русские (основная часть) и казахи (11 интервью). Кроме этого, украинцы (5 интервью), молдаване, гагаузы, литовцы, немцы (8 интервью), кавказские национальности – дагестанцы, грузины (3 интервью). В этнографическом плане – казаки (27 интервью), кержаки (18 интервью), «расейские» (30 интервью).

В тематическом отношении, большая часть интервью – история сельских населенных пунктов, укрупнение колхозов, совхозов и ликвидация неперспективных сел. Так, 41 интервью касается истории исчезнувших населенных пунктов, при чем 13 интервью были взяты у лиц, которые проживали в этих населенных пунктах. Исходя из этого была восстановлена история отдельных населенных пунктов – от происхождения названия, социально-экономического развития, до исчезновения. Среди них села Бахаревка, Козлуха, входящие в состав Маякского сельского совета.

В контексте изучения истории сел, было собрано 46 интервью по истории становления и развития колхозно-совхозной системы. Большая часть – 27 интервью касается возникновения совхозов. По устным источникам отмечается характерная тенденция – совхозы, возникшие в 1930-е гг. территориально располагались вблизи от старых сел, где

образовывались колхозы. Идеологическая направленность такого территориального размещения очевидна. Вместе с тем, раскулачивание позволяло на базе конфискованного имущества создавать материальную базу для совхозов с минимальными затратами государства. То есть, такое территориальное размещение диктовалось и экономической целесообразностью. Дома раскулаченных разбирались, перевозились в новообразованные совхозы, здесь перекатывались на фермы, скотные дворы и проч. хозяйственные постройки, а на основе конфискованных скота, птицы, сельхоз. орудий формировалась материальная база совхозов. Такое перераспределение имущества характерно именно для предгорных и горных районов, с основой хозяйственной деятельности – скотоводством.

В 1930-е гг. в совхозах резко увеличилась численность населения, особенно в период 1932–1933 г. Чарышский район в этот период входил в полосу районов предгорной и горной части Алтая, которую наиболее сильно поразил голод. Население бежало из колхозов, в совхозы, где обеспечение хлебом в голодные годы было гарантировано. Экономическое укрепление совхозов в районе, рост численности населения обусловил специфику укрупнения сельских населенных пунктов и ликвидации неперспективных сел – исчезли те населенные пункты, где существовали колхозы – Бахаревка, Сосновка, Козлуха и др.

По истории коллективизации и раскулачивания было собрано 47 интервью. Основное количество информаторов – это жители или выходцы из казачьих сел, экономически более устойчивых.

По истории освоения целинных и залежных земель было собрано 18 интервью. При чем, информаторы – жители северной части района – села Маяк, Маральи Рожки, Чайное, п. Первомайский и др. Именно здесь в Предгорной полосе распахивать земли, в рельефном отношении было наиболее удобно, Горная (южная) часть района осталась неохваченной процессом освоения целины. Далеко не все целинники были заняты в сфере земледелия. Узость земельной полосы, охваченной целинной эпопеей не могла обеспечить занятость прибывшего населения в сфере земледелия. В частности, прибывшие в с. Чайное жители Прибалтики, вспоминали, что приходилось работать на совхозных фермах.

В рамках обозначенной экономической истории района отдельные интервью посвещены хозяйственным объектам. Например, 7 интервью касается истории конезавода и рудника Мульчиха в Малом Бащелаке.

Изучение политической истории в 1930-е гг., в том числе репрессий, обусловило выход в исследовании на отдельные аспекты региональной петинциарной системы. В таежной зоне района использовался

труд политических заключенных Сиблага. В этом направлении было собрано 4 интервью о командировке спец. заключенных по заготовке леса в Сентелек.

Согласно тематическим вопросникам «Разрушение церквей» и «Православие в крестьянской среде» было собрано 37 интервью. На территории Чарышского района до 1930-х гг. располагалось три церкви и четыре молитвенных дома. В этой связи изучение разрушения церквей в период воинствующего атеизма локализовалось информаторами из районного центра, где в начале XX в. было две церкви и Маралихой, здесь Приписная церковь была построена в 1908 г. Кроме того, отдельные интервью касаются сюжетов по истории женских монастырей в Машенке, М. Бащелаке.

Комплекс собранных интервью способствует выходу на самостоятельные исследовательские темы в рамках социальной истории, одна из них это формирование и изменения в этническом составе Чарышского района и межнациональные взаимоотношения в советский период. В ходе экспедиции было собрано 34 интервью о довоенной, военной и послевоенной депортации, включая интервью как коренного населения, так и депортированного. В 1939 – начале 1950-х гг. по национальному составу в районе проживали немцы, калмыки, молдаване, болгары, литовцы, гагаузы. Чарышский район один из немногочисленных в крае, где размещали депортированных более позднего периода. В послевоенный период всплеск изменения в национальном составе пришелся на период освоения целинных земель. В этот период в район прибывали в основном, украинцы, белорусы, литовцы. В конце 1970-х 1980-е гг. ввиду активного жилищного и производственного строительства «на заработки» приезжали кавказцы, из которых формировались строительные бригады.

Второе направление в изучении социальной истории – изменения структуры и численности населения. Устные источники позволяют проанализировать внутрирайонные, межрайонные миграции, миграции на внутрироссийском, межреспубликанском и международном уровнях. В частности, интервью переселенцев из Среднеазиатских республик и Казахстана свидетельствуют о двух миграционных потоках – 1990-1994 гг., и с 1995 г. по настоящее время. Интервью, в отличие от социологических опросов, занимающихся изучением причин миграции, позволяет констатировать, что мотивацией к переселению являлась не экономическая ситуация, а ухудшение взаимоотношений на межнациональном уровне, внутренняя политика республиканского руководства, формирующие «отчужденность» русскоязычного населения.

Выше уже отмечалось, что специфика этнического и социального состава обусловили особенности преломления здесь общероссийских и региональных событий. В период гражданской войны территория современного Чарышского района являлась оплотом формирования казачьих полков (ст. Чарышская, Верзиловка, М. и Б. Бащелак). Поэтому падение советской власти произошло здесь значительно позднее. Ожесточенные бои развернулись только зимой 1919–1920 гг. В крестьянских селах, проходило формирование партизанских отрядов. В этой связи, особенно в казачьих селах в семейных историях отчетливо прослеживаются сюжеты, связанные с гражданской войной. По истории гражданской войны было собрано 38 интервью, что позволяет в тематическом отношении исследовать отношение к лидерам как «красного», так и «белого» движений, в зависимости от этнографической, социальной принадлежности информаторов, взаимоотношения казачество-крестьянство, характеризующиеся восприятием информаторов как противостояние «белые-красные». Семейные и коллективные (на уровне сел) легенды (например, такие как трагедия в с. Сибирячиха о казни чарышских казаков), с изучением механизма их появления позволяют выявить специфику индивидуальной и семейной «исторической памяти».

Современное социальное и экономическое развитие Чарышского района характеризуется кризисными явлениями. Достаточно отметить проблемы обеспечения населения хлебом, иррегулярность в выплате заработной платы, слабое транспортное сообщение (единственная автотрасса краевого значения связывает Алейск с районным центром, внутрирайонные дороги – грунтовые) и др. проблемы. В настоящее время, одним из выходов в решении внутрирайонных проблем, является развитие предпринимательства. Было записано 7 интервью, констатирующих его развитие в двух направлениях – торговля и сельское хозяйство, что дает выход не только на современную экономическую историю, но и социальную.

В целом, собранные устные источники в тематическом отношении способствуют многофакторности и комплексности изучения истории Алтайского края в XX в.

Е.А. Болотова

Проблема третьего пола: по материалам исследования русского населения Чарышского района Алтайского края

(Бийск, Бийский педагогический государственный университет им. В.М. Шукшина)

Гендерные исследования являются одним из бурно развивающихся направлений в российской науке. Гендерная концепция подразумевает конструирование социального пола человека на основе биологического. Важным звеном в этой связи является изучение проблемы третьего пола в различных культурных традициях. Данная проблема слабо изучена на этографическом материале русских. Восполнить данный пробел мы попытались при работе в полевой экспедиции 2004 г. в Чарышском районе.

Полевые материалы фиксируют наличие помимо мужчин и женщин, так называемого третьего пола. По воспоминаниям Медведевой Полины Константиновны 1932 г.р. из с. Маралиха: «Родилась девочка, а потом женилась». По другому свидетельству Натальи Дмитриевны Полеваевой 1925 г.р. из с. Тулата: «Был такой, до войны женщина, а потом мужик Семён Деничкин».

В науке людей третьего пола называют бердачами, а у других народов «муже-женщина», «полумужчина-полуженщина» или «два духа» (Управителева Н.М., 2002, с. 15), в Чарышском районе их называли «двуснастные», или по имени «Нюра-Миша», «Клавдиян Кузмич Клавдия Кузьмовна».

Бердачизм наблюдается у народов Русского Севера, Сибири, Дальнего Востока (чукчей, алеутов и др.) Индонезии, Африки, в Северной Америке он зафиксирован у 113 племен (Кон И.С., 1998, с. 98), все эти народы, что называется первобытные. Как оказалось, данное явление встречается и среди русских крестьян с их традиционной гетеросексуальной культурой.

У первобытных народов бердачами могут быть как женщины, так и мужчины, хотя последние становятся чаще (Управителева Н.М., 2002, с. 15). По нашим материалам, в русской крестьянской среде лицами третьего пола становятся, как правило, женщины, которые «превращаются» в мужчин. Были ли это случаи явлением анатомического гермафродитизма или крипторхизма (Популярная медицинская энциклопедия, 1979, с. 503), сказать трудно, возможно. Сами информаторы объясняют это по разному: «месяц мужчина, месяц женщина» или была женщина, а потом стала мужчиной.

Определить отношение местного населения к феномину третьего пола довольно сложно. С одной стороны это «природная» аномалия, жители села, особенно молодежь смеялась над ними, подшучивала. С другой стороны это явление вполне «нормальное», по рассказам респондентов, человек в этом не виноват, он просто рождался таким, а потом находил где-то себе подобного и заключал «гетеросексуальный» брак, традиционный для русской культуры.

Был зафиксирован лишь один случай создания гомосексуальной пары в с. Чарышское. По свидетельству Казаковой Фаина Романовны 1940 г.р. :«Была женщина, приéзжая, работала в райкоме, грубая была, похожа на мужика, с ней приехала подруга. Потом приехал муж, устроил скандал и всем рассказал, что они живут друг с другом. У нас тут семья была молодая, муж был военный, жена красавица, хороша пара. А эти подруги начали спаивать мужа и эту женщину совращать. Про это узнал секретарь райкома и сказал ей уезжать вместе со своей подругой. А семья так и распалась». В этом случае на лицо резко отрицательного отношение местного населения к данному факту, как развратному, ненормальному явлению.

О количестве лиц третьего пола судить очень трудно, нами были установлены факты их существования в четырех селах района. Но наличие свидетельств о бердачизме и в других районах Алтайского края (МЭЭ БПГУ), говорит о достаточной распространенности данного явления.

Остается открытым и вопрос об осознании подобным человеком своей инаковости, а также о смене первичного пола на вторичный, имело ли это какое-то обрядовое и документальное оформление.

Таким образом, проблема третьего пола нуждается в дальнейшем рассмотрении, остается не выясненным ряд фактов, которые могут помочь исследователям раскрыть механизм конструирования гендера в русской культуре.

Е.Ю. Павлова

Развитие художественных промыслов в Республике Алтай: опыт реализации программ возрождения национального декоративно-прикладного искусства

(Новосибирск, Институт Археологии и Этнографии СО РАН)

В результате демократических преобразований 1990-х гг. в структуре Российской Федерации возникли новые национальные автономии. Одной из них является республика Алтай. В процессе формирования этнонациональной идеологии происходит актуализация исконных традиций и ценностей, возрастает интерес к собственной истории и культуре. Изменения в общественно-политической атмосфере, социально-экономической жизни сказываются на народном творчестве, декоративно-прикладном искусстве, которое имеет свойство аккумулировать в себе процессы этнического самосознания людей. Актуальность создания единой программы развития и стимулирования народных промыслов осознается творческой интеллигенцией и на государственном уровне интерес к этому не угасает. Но на практике, за немногими исключениями (мастерская художественных изделий «Кезер»), в середине 1990-х гг. в условиях сложной экономической ситуации не удается консолидировать усилия государства, районных отделов культуры, общественных организаций в деле стимуляции творчества народных промысловиков. Некоторое оживление в этой сфере отмечается в последние годы по мере развития в Республике индустрии туризма и расширении возможности для промысловиков зарабатывать на изготовлении сувенирной продукции. Но в условиях развития рыночных отношений заметно падает спрос на подлинные художественные изделия, рынок заполнен продукцией низкого художественного уровня и подделками. Эта ситуация еще более усугубляет кризис утраты преемственности народного мастерства и технологий. Большинство старинных видов народного искусства на грани исчезновения. Отсутствует экономическая концепция развития народных промыслов, не развита профессиональная маркетинговая деятельность. Мастерские сталкиваются с проблемами отсутствия необходимого оборудования, материалов и сырья. На государственном уровне в Республике Алтай поддержка народных художественных промыслов осуществляется в крайне малом объеме. До сих пор в республике отсутствует Художественно-экспертный Совет. Залогом получения поддержки государства должна быть комплексная программа развития декоративно-прикладного искусства и народных ремесел, возрождения национальных художественных традиций и оказание реальной помощи мастерам-промысловикам. Такая программа заложена в основу деятельности «Центра развития народных художественных промыслов и ин

чи». Он был создан под другим названием («Торгово-выставочный центр народных художественных промыслов») в 2001 г. Но только с мая 2003 г. началось его финансирование комитетом по туризму.

Приоритетными направлениями программы деятельности «ЦРНХП «Энчи» является восстановление преемственности культурных традиций; защита прав и интересов государственных, общественных и частных инициатив по сохранению, использованию и развитию традиционных художественных промыслов и ремесел; организация и проведение выставок, ярмарок; открытие мастерских по освоению народных промыслов. А также обеспечение предприятий художественных промыслов методической литературой, обучение безработных граждан основам какого-либо ремесла в Социально-деловом центре развития малого предпринимательства. Согласно информации, любезно предоставленной руководителем центра Татьяной Кундучиновной Бабрашевой, за год работы Центра налажен контакт со 160 мастерами, создан банк данных о предприятиях и мастерах народных промыслов, налажено сотрудничество с районными отделами культуры. Так по положению о межрегиональном народном празднике «Эл Ойын-2004» предусматривалась выставка-продажа изделий народных художественных промыслов с целью поддержки и выявления самобытных талантливых умельцев и мастеров. Ответственность за проведение выставки-ярмарки «Город мастеров» возлагалась на Министерством культуры и кино Республики Алтай и ГУ РА «ЦРНХП «Энчи». Со 2 по 5 июля около с. Кебезнь Турачакского района были представлены изделия художественных ремесел районов Республики. От Майминского района в конкурсе приняли участие мастера-бондари, мастера изделий из бересты, меха, кожи. Ведущие промыслы в Усть-Коксинском районе – соломка, поделки из дерева, лозоплетение, ювелирное дело. Усть-Канский район представил кожаную утварь, вышивку, национальную одежду, поделки из кедра, соломки, гипса, шерсти. От Турачакского района экспонировались уникальные резные панно, изделия из кедра. Чемальские мастера – талантливые керамисты. В Улаганском районе и в Кош-Агаче сохранились традиции изготовления сырмаков, тажууров. Проводился конкурс по разным направлениям традиционных ремесел, оценивались самобытность, техника исполнения, художественность, цветовое решение. Привлечение к участию в выставке-ярмарке «народных умельцев района» способствует укреплению и развитию традиций, привлечение населения к занятиям декоративно-прикладным творчеством. Но пока, несмотря на периодическое обращение со стороны государства к народным промыслам как средству демонстрации самобытности Алтая, результаты в этой области достигаются благодаря труду отдельных энтузиастов.

Е.А. Бельгибаев

Традиционная духовная и обрядовая культура туба (по итогам полевых этнографических исследований)

(Барнаул, Алтайский государственный университет)

Из всех *таежных групп Алтая* туба остаются, пожалуй, одной из наименее изученных в этнографическом отношении *групп населения юго-западной Сибири.* До недавнего времени их традиционной культуре была посвящена лишь одна специальная работа (Потапов Л.П., 1972, с. 52-66). Несмотря на всю значимость данной статьи, она, однако, уже не отвечает современному уровню развития этнографии северных алтайцев. Сегодня перед научным сообществом весьма остро встала проблема формирования источниковой базы, связанной именно с традиционной культурой рассматриваемой группы населения Алтая.

Необходимость интенсификации полевой этнографической работы в современных условиях среди туба сопряжены с их кризисным положением. Его истоки восходят к 60-м гг. XX в. Вследствие политики государства, проводимой в то время по отношению к так называемым «неперспективным *деревням»,* исчезли десятки национальных поселков туба. Попадая в окружение *иннационального,* преимущественно русского, населения, они теряли многие элементы своей традиционной культуры, а в сфере этнического развития рассматриваемой таежной группы стали постепенно преобладать ассимиляционные процессы. В результате произошел сбой в передаче культурных традиций уже на уровне старшего и среднего поколения, что привело к резкому сокращению потенциальных информаторов.

В ходе предпринятых нами в течение последних нескольких лет (2001-2004 гг.) полевых этнографических исследований среди туба получена значительная фактическая база. Она охватывает самые разнообразные аспекты их традиционной культуры. К сожалению, рамки сообщения не позволяют охарактеризовать данную сферу культуры туба в целом. В этой связи избраны наиболее слабо или ранее совершенно не изученные ее стороны.

Полученные сведения по духовной культуре можно разбить на несколько тем. В них получили отражение религиозно-мифологические представления, элементы шаманизма и в целом картины мира. Наименее слабо *из перечисленных тем представлен материал по шаманизму.* Это обстоятельство связано с тем, что носители данного пласта знаний были репрессированы еще в 20-30-х гг. XX в. Сейчас шаманов в среде туба нет. Вся информация записана нами у людей преклонного возраста. Они либо наблюдали за действиями ша-

мана (*кама*), либо слышали его слова-обращения. В этой связи есть угроза искажения информации, которую не всегда можно проверить по другим независимым источникам (музейным, архивным, литературным и т.д.).

Данные по шаманизму туба касаются главным образом функций и ритуальной практики камов, их облачения, атрибутов культа (бубны, колотушки и т.д.), а также некоторые данные о структуре мира и пантеоне богов. Наиболее любопытными из них являются отдельные сообщения информаторов о наличии у шаманов из числа туба специального культового костюма.

Достаточно фрагментарными выглядят полученные материалы по пантеону богов у туба. Небожители *«тенгрелер»* распределяются по отдельным слоям мира. На самом верху находится *Уш Курбустан – «оре турган кудай Курбустан»* (букв. «на верху сидящий бог *Курбустан*»). Ниже его находились другие небожители. В качестве таковых нам, в частности, называли *Ава Яжима*. Это имя можно сопоставить с известными в литературе мифологическими персонажами *Яжил-ханом* (туба, род комнош) и *Тьажином* (челканцы) (Сыченко Г.Б. 2000, с. 122; Токарев С.А., 1947, с. 148). Вероятно, многие из них носили локальный характер и были известны только на уровне отдельных родов или их групп. К сожалению, в нынешних условиях, опираясь лишь на полевой материал, этого уже нельзя установить.

К числу слабо изученных областей традиционной культуры туба являются также обряды жизненного цикла. Имеющиеся в специальной литературе сведения об обрядах жизненного цикла указанной таежной группы населения Алтая, в лучшем случае носят сжатый и фрагментарный характер. Вместе с тем анализ традиционной семейной обрядности туба интересен в плане постановки и разработки проблем социо - и этногенеза на достаточно обширной территории юго-западной Сибири.

Традиционную свадебную обрядность туба, как и многих групп населения Сибири, можно разделить на три части: предсвадебную, собственно свадебную, послесвадебную. Несмотря на отдельные локальные различия, они демонстрируют единство форм и действий практически на всей территории расселения рассматриваемой таежной группы. Во многом сходные традиции в свадебной обрядности наблюдаются также у ближайших соседей туба – челканцев (Кандаракова Е.П., 1999, с. 21-72).

Выявлен также значительный пласт культуры, связанный с родильной обрядностью. Рождение ребенка являлось важным событием молодой семьи. Как и вступление в брак оно также было обставлено

разного рода запретами и обрядами. Одни из них носили чисто прагматический характер, другие – были явно облечены в религиозно-магическую окраску охранительного порядка.

В традиционной погребальной обрядности туба выявлено два основных типа захоронений – воздушный и подземный. Первый их них исторически, видимо, предшествовал второму. При этом для последнего типа можно выделить две разновидности подземного погребения.

Воздушный тип способ захоронения использовался крайне редко и встречался, видимо, лишь в конце XIX – начале XX в. Покойного обертывали в берестяные пласты, обвязывали веревками и подвешивали на кедре. Аналогичным образом поступали в тайге с умершим младенцем, оставляя его, однако, в зыбке.

Подземный тип захоронения получил наибольшее распространение у туба. При этом здесь наблюдаются культурные традиции, связанные, вероятно, с кочевническим пластом их культуры. Исключение составляет лишь современный способ погребения, сформировавшийся у туба под непосредственным культурным влиянием русских Алтая.

Судя по собранным материалам, семейная обрядность туба представляла собой достаточно сложный и многоплановый комплекс. Некоторые из его элементов восходят, видимо, к наиболее ранним этапам социального развития коренного населения таежного Алтая. Об общей направленности данного процесса свидетельствуют многочисленные параллели в семейных обрядах и обычаях туба и челканцев. Наличие же разных культурных традиций указывают на то, что обряды жизненного цикла рассматриваемой этнической группы исторически формировались при активном участии таежного и степного населения юго-западной Сибири.

В целом итоги полевых этнографических исследований уже сейчас позволяют говорить о создании источниковой базы по духовной и обрядовой культуре туба. Конечно, она во многом носит еще неполный, редуцированный характер. Однако в сочетании с другими источниками этнографические материалы могут стать основой для постановки и разработки самого широкого спектра проблем, сопряженных с этногенезом, этнической и культурной историей туба.

Е.В. Самушкина

Современные праздники республики Алтай (по материалам Эл Ойына)

(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)

Последние годы истории России одни называют «временем взбунтовавшейся этничности», другие – «временем национального возрождения». На территории постсоветского пространства появились государственные образования, ориентированные на этнонациональную парадигму. Фактом этнополитической мобилизации населения и утверждения национальной идеологии стали новые праздники и ритуалы, признанные автономиями в качестве государственных. В Республике Алтай статус государственного получил народный праздник Республики Алтай Эл Ойын.

«Эл Ойын» – официальное культурно-массовое мероприятие, организуемое и финансируемое в основном Правительством Республики Алтай. Его подготовку и проведение возглавляет специальный комитет, в который входят представители правительства, главы районных администраций, представители средств массовой информации, делегаты отдельных районов. Эл Ойын – кочующий праздник. В этом, по идее организаторов праздничного действа, сказывается дух предков, которые в древности не могли усидеть на одном месте и предпочитали кочевую жизнь. Поэтому каждый раз Эл Ойын проводится в разных селах Республики Алтай. Участниками праздника являются старейшины, творческие коллективы и исполнители традиционных жанров народного творчества, представители творческой интеллигенции, участники национальных спортивных состязаний, мастера традиционных народных помыслов и ремесел. Делегации каждого района и города должны быть в национальной одежде, иметь эмблему, знамя района.

При некоторой небольшой вариативности праздник на протяжении всех лет существования, с 1988 г., включает в качестве обязательных составляющих обряд освящения места праздника, представление по мотивам местных преданий, выставку декоративно-прикладного искусства, конкурс национальных блюд, спортивные соревнования, конкурс и концерт участников художественной самодеятельности.

Эл Ойын занимает важное место в структуре современной праздничной обрядности Республики Алтай. По мысли организаторов этого мероприятия, он является праздником духовного единения тюркских народов. Фестиваль призван сохранить самобытную культуру народов Республики Алтай, поэтому обращение к героическому прошлому, к

самобытной культуре предков является одной из главных составляющих Эл Ойына.

Национальной интеллигенцией Республики Алтай проводится идея об уникальности тюркской культуры, которая сравнивается с культурой античности. Как полагают творческие круги Республики Алтай, корни Эл Ойына уходят во времена древних скифов и гуннов, кочевников тюркских каганатов. В период праздника в древности прекращались междоусобицы, а вчерашние противники становились участниками своеобразных «Олимпийских игр» Центральной Азии. По мысли лидеров национального возрождения Эл Ойын, восстановленный как культурно-спортивное мероприятие, приобрел глубинный этнический смысл, символизируя возврат к нравственным ценностям предков.

Важным элементом Эл Ойына является подчеркнутое уважение к народной традиции общения. Без участия в мероприятии старших по возрасту и социальному, соответственно, статусу лиц Эл Ойын не мыслим. Поэтому «старшим» предоставляется право окончательного выбора места проведения игр и благоприятное для них место – «поле игр». Принимается во внимание и традиция выбора времени. Игры следует проводить после новолуния, чтобы темные силы не причинили зла. Т.о. поиск моделей будущего идет в прошлом, актуализируются ценности традиционного образа жизни, этнонациональная парадигма.

Однако, не смотря на приверженность национальным традициям, творческие круги Республики Алтай пытаются вписать праздник в многонациональное сообщество этого региона. Сегодня он выполняет особую миссию: с одной стороны, он призван отвечать идеалам национального возрождения, с другой стороны, национальной интеллигенцией проводится идея толерантности во взаимодействии народов этого региона. Так в «Положении о народном празднике Республики Алтай «Эл Ойын» декларируются следующие цели и задачи: развитие традиций и обычаев алтайского народа; приобщение молодежи к традициям предков; развитие традиционных народных промыслов и ремесел, декоративно-прикладного творчества, а также сохранение единства, братства и дружбы всех народов, проживающих на территории республики; межнациональное сотрудничество в области культуры и искусства. Т.о. перед населением Республики Алтай встает проблема выбора между ценностями традиционного и ценностями модернизированного сообщества. Организатором Эл Ойына предстоит поиск оптимального синтеза традиций и новаций и в современной праздничнообрядовой системе в том числе, чтобы в ней нашли свое отражение и этническая специфика отдельного этноса и его стремление к установлению этнокультурных связей.

А.И. Тюменин

Национальная идеология и структура автостереотипов тюркских народов Саяно-Алтая

(Новосибирск, Новосибирский государственный университет)

Демократизация политической системы в российском обществе 1990-х гг. привела к актуализации этнического фактора в этнотерриториальных автономиях. В процессе перераспределения властных полномочий в РФ национальная элита получила большую свободу и самостоятельность. В новом социально-политическом контексте взаимоотношений Республики Алтай и Республики Хакасия с Центром начался поиск такой идентичности, которая смогла бы закрепить и отразить интересы регионального сообщества.

В Республике Алтай и Республике Хакасия начинается работа по кодификации концепций их национального развития. Для Республики Алтай такими документами, ориентированными на этнонациональную парадигму становится «Концепция национальных школ Республики Алтай», появившаяся в 1993 г. и «Закон об историко-культурном наследии народов Республики Алтай» от 26 июня 1994 г. В духе идей возрождения в ноябре 2001 г. в Республике Хакасия была выработана и принята «Концепция национального развития хакасского народа».

«Концепция национальных школ Республики Алтай» являлась первым опытом конструирования национальной идеи. Концепция рассчитана на 1992-2010 гг. Поддержанная правительством, она имеет главной задачей «развитие национального общественного сознания за счет приобщения подрастающего поколения к духовным и культурным ценностям своего народа, понимания места и роли этих ценностей в мировой культуре; воспитание национального сознания, направленного на обогащающее взаимодействие наций и народностей при одновременном развитии своей национальной культуры, языка, самобытности, восстановление исторической памяти, воспитание чувства национальной гордости и самоуважения, чувства этнической самоидентификации».

Образовательная программа, призванная найти «оптимальную модель культурного человека через обязательное усвоение национальной культуры и современное воспитание гражданина Республики», ориентирована на идеологему «этнической личности». Ее авторы, утверждая доминирующую роль этнической идентификации в системе социальных отношений, настаивают на приоритете традиций. Основ-

ной идеей концепции является возрождение в духе обращения к «истинной» традиционной культуре.

Концепция национальной государственности Республики Хакасия утверждает приоритет этнических ценностей над гражданскими. Несмотря на то, что новые стратегии Республики Хакасия вписываются в систему ценностей модернизированного сообщества, включающую такие понятия как «демократия» и «гражданские права», ориентируют население на развитие в русле традиционных ценностей «в силу их большего воздействия во времени и на сознательном морально-психологическом уровне» (ЦГАРХ, Концепция, л. 13-14).

Обращение к историческим корням, к духовному прошлому этноса связано с попытками возрождения утерянной нравственности народов Саяно-Алтая. Менталитет, ориентированный на архаику, с точки зрения национальной интеллигенции, становится главным фактором саморазвития народа, определяя специфику его исторического поведения.

Данное исследование проведено по материалам полевых исследований, проведенных на территориях Республики Алтай в 2004 г. и Республики Хакасия в 2002 - 2003 гг. Основным методом сбора эмпирической информации стал графический тест – изображение визуальных образов, фиксирующих модальные этностереотипы. Эта методика позволила оценить и сопоставить авто- и гетеростереотипы, в том числе и антропостереотипы.

Современные этнопсихологии указывают на то, что этнический стереотип является измеряемой формой проявления национального характера – как социально обусловленное и относительно устойчивое оценочное суждение этнофора, относящееся как к «своему» народу (автостереотип), так и к «другим» народам (гетеростереотип).

Автостереотип нередко мифологизирован – это не столько показатель реального своеобразия той или иной этнической группы, сколько представления о нем, сложившегося в коллективном сознании многих поколений (Маркарян Э.С, 1981). Одним из факторов формирования этностереотипов является национальная идеология, как правило, транслируемая национальной элитой.

Было проанализировано 60 образцов. По материалам, полученным в Республике Алтай четко фиксируется преобладание автостереотипов, связанных с социо-политической парадигмой восприятия, таких как государственные символы – изображения государственного флага РФ, герба РФ и президента. При этом этно-культурная составляющая респондентами не актуализируется.

Среди визуальных образов, полученных в Республике Хакасия, доминируют автостереотипы, связанные с этно-культурной парадигмой восприятия: элементы традиционного костюма, народные музыкальные инструменты, традиционные виды спорта (борьба), элементы традиционных верований (шаманизма), древние каменные изваяния (окуневские стелы). В целом среди автостереотипов преобладал героический тип.

Формирование подобной структуры автостереотипов можно объяснить различиями в процессах складывания национальной идеологии в Республике Алтай и Республике Хакасия. В Хакасии национальная интеллигенция сформулировала концепцию национального развития, ориентированную на этно-культурную идентичность. В Республике Алтай, несмотря на бурные дискуссии начала 90-х годов, процесс формирования консолидированной программы национального развития не завершен. В связи с этим для данной территории характерна актуализация общегосударственных символов, а этническая составляющая отодвинута на второй план.

Щеглова Т.К.

Сектор этнографии и устной истории лаборатории исторического краеведения Барнаульского государственного педагогического университета (ЛИК БГПУ): итоги и перспективы

(Барнаульский государственный педагогический университет)

Лаборатория исторического краеведения (ЛИК БГПУ) создана при кафедре отечественной истории в 1991 г. (Зав. лабораторией д.и.н., профессор М.А. Демин). В лаборатории существуют три сектора: сектор этнографии и устной истории (Рук. Д.и.н.. проф. Т.К.Щеглова), сектор археологии (рук. К.и.н. С.М.Ситников), сектор истории Алтайского края (рук. А.В. Контев).

Концептуальным документом сектора этнографии и устной истории является программа **"Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие"** (автор и руководитель Т.К. Щеглова). Ее появление отражает гуманизацию и демократизацию развития исторической науки, что привело к формированию новых тенденций в исследовательской работе. На современном этапе в отечественной практике актуализировалась тенденция регионализации исторических общероссийских проблем на историко-административные уровни: уровень Сибири (сибирская специфика общероссийских процессов); уровень регионов (региональная корректировка исторических процессов); выявление исторической специфики по зонам расселения, отличающихся составом населения, способами освоения, природно-климатическими условиями (локальные вариации исторических процессов на территории сибирских регионов). Не удовлетворяла историков и обезличенность исторических процессов: существует необходимость введения в историю не только ярких личностей, но и мнения «безгласного большинства" – рядового сельского жителя. В России традиционно с официальной (государственной) и академической историей существовала народная интерпретация исторических событий.

Объектом работы историков БГПУ является деревенское информационное пространство с его материальными и духовными следами прошлой жизни, в том числе культуры и мыслительными конструктами деятельности этнокультурных и этносоциальных групп алтайского села. Состояние деревенской информационной среды определило и методы исследования, в соответствии с которыми сформировались два направления программы «Города и села алтайского края: историко-культурное наследие» – устная история и этнография Алтайского края.

Устная история. Устная история рассматривается в международной практике как метод и как источник. Оформилась она как самостоятельное направление в исторической науке с применением технических средств записывания интервьюирования и опроса участников и очевидцев по заданной проблеме новейшей истории. В рамках программы «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» реализуются самостоятельные проекты устной истории:

- «История исчезнувших сел»,
- «Миграции XX века», в том числе
  - «Переселения на территорию Алтайского края в начале XX в.»
  - «Депортации и спецпереселения на Алтай в советский период»,
  - «Постсоветские переселенцы из республик Средней Азии»,
- «История села в период советских государственных и партийных компаний XX в.», в том числе
  - «Деревня в период единоличного хозяйствования»,
  - «Коллективизация, раскулачивание и репрессии в алтайской деревне в 1930-е г.»,
  - «Война 1941-1945 гг. и село: женская судьба и детство в военных условиях»;
  - «Село в период реорганизаций 1940-1980-х гг.: укрупнение колхозов; ликвидация неперспективных сел и развитие поселковой инфраструктуры» и т.д.

В целом универсальность метода устной истории позволяет развернуть проект устной истории на любую проблему XX века. Есть вопросники, с которыми можно работать в любом населенном пункте Алтайского края, например проект

- «История снизу: оценки рядовыми участниками государственных и партийный деятелей СССР и РФ (1920-1990-е годы)».
- Барнаульская тюрьма в годы репрессий (1930-е г.): участники и очевидцы.

Есть исторические сюжеты, связанные с конкретной территорией, например, опрос по теме

- «Роговщина Причумышья: народная интерпретация» (антисоветские выступления)
- «Казачество Чарышской станицы: белые и красные» (Чарышский район).

На сегодняшний день находятся в работе несколько проектов по устной истории со своими комплектами вопросников. При историко-краеведческом музее и лаборатории исторического краеведения БГПУ заложен архив устных исторических источников а виде аудиоархива (более тысячи аудиокассет) и транскрибированные материалы. Идет работа по оцифровке устных источников.

По инициативе ЛИК БГПУ в 2001 г. на IV конгрессе этнографов и антропологов России, (г. Нальчике) и в 2003 г. на V конгрессе этнографов и антропологов России, (г. Омске) была организована секция «Устная история: источники и метод» (рук. д.и.н., профессор М.А. Демин, д.и.н., профессор Т.К. Щеглова).

В рамках проекта по устной истории работают:

Щеглова Татьяна Кирилловна – д.и.н., профессор, зав кафедрой Отечественной истории БГПУ. *Сфера научных интересов*: Теория и методология устной истории. Устная история в образовательных учреждениях края. Методика сбора устных источников. Алтайская деревня в XX в.: устная история [1].

Дрожецкий Дмитрий Анатольевич – бакалавр исторического факультета БГПУ, сотрудник Сектора этнографии и устной истории. *Сфера научных интересов*: отечественная и зарубежная историография и источниковедение устной истории. Теория и методология устной истории [2].

Кидяева Галина Владимировна – аспирантка и ассистентка кафедры отечественной истории БГПУ. *Сфера научных интересов*: история региональной периодической печати, городская и сельская интеллигенция Алтайского края, методологические проблемы отечественного источниковедения и устной истории, социо-культурный облик переселенцев из Средней Азии и Казахстана 1990-х гг., межэтнические контакты в период спецпереселений и депортаций 1930-е - 1950-е гг. [3].

Этнография. Изучение истории населенных пунктов методами устной истории через миграции и формирование историко-культурных групп и исследование традиционной культуры населения. Среди этнографических проектов программы «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» наиболее масштабный – «Русские Алтайского края», в рамках которого работают группы:

- изучение самосознания и самоидентификации русского населения (Б.Б. Пушкарев),
- природно-архитектурный ландшафт в планировке и застройке сельских населенных пунктов (С.А. Семикин),
- крестьянская архитектура и строительные традиции,

- трудовые традиции, домашнее ремесло и промыслы (Н.С. Грибанова),
- семейная и календарная обрядность (Голяшова А.А.),
- проект «Межэтнические контакты в период переселений, спецпереселений и депортаций в XX" (Кидяева Г.В.) и т.д.

Реализуются самостоятельные проекты по другим народам:

- «Украинцы Алтайского края», Демина О.С.,
- «Мордва Алтайского края», М.А.Овчарова
- «Татары Алтайского края», Пушкарев Б.Б.
- «Немецкое население Алтайского края», Голяшова А.А.

В результате создан фотоархив (несколько сот чернобелых и цветных пленок). В 2004 г. впервые подготовлена фотовыставка «Алтайская деревня на рубеже веков». Идет оцифровка фотоматериалов. Создаются каталоги крестьянской архитектуры, фонды картографии поселенческой инфраструктуры в XX в., карты-схемы существующих и исчезнувших сел и т.д. Большая работа проводится по каталогизации этнографических коллекций муниципальных сельских музеев.

В рамках проекта по этнографии работают:

Щеглова Татьяна Кирилловна. *Сфера научных интересов*: Этнический состав и традиционная культура населения Алтайского края, этнические процессы в прошлом и настоящем; методика этнографических исследований [4].

Овчарова Мария Александровна – аспирантка кафедры Отечественной истории БГПУ, сотрудник Лаборатории исторического краеведения БГПУ. *Сфера научных интересов*: Этническая история населения Алтайского края. Современные этнические процессы, этнокультурная адаптация, самоидентификация этнических и этнографических групп восточнославянских и финно-угорских этносов. Мордва Алтайского края.

Грибанова Наталья Святославна – зав. историко-краеведческим музеем Барнаульского государственного педагогического университета, аспирантка и ассистентка кафедры отечественной истории БГПУ. *Сфера научных интересов*:

Этнография русских Сибири, материальная и духовная культура русского населения, музеология, музейное дело [6].

Пушкарев Борис Борисович – методист Лаборатории исторического краеведения, ассистент и аспирант кафедры отечественной истории БГПУ. *Сфера научных интересов*: этнография русского населения Алтайского края, самосознание и самоидентификация групп восточнославянского населения Алтая, этнокультурные процессы в этнических

группах городского населения, политические лидеры в оценке сельского населения [7]

Семикин Сергей Александрович – студент магистратуры ИФ БГПУ, сотрудник Сектора этнографии и устной истории. *Сфера научных интересов*: Природно-архитектурные ландшафты в планировке и застройке сельских населенных пунктов [8].

Демина Ольга Сергеевна – преподаватель Барнаульского педагогического колледжа *Сфера научных интересов*: Украинцы Алтайского края [9]

Голяшова Анна Андреевна – студентка 5 курса исторического факультета БГПУ. *Сфера научных интересов*: Семья и семейные отношения русских. Немецкое население Алтайского края [10].

Формами деятельности сектора, являются ежегодные летние комплексные историко-этнографические экспедиции, тематические экспедиции, стационарная работа в городе. **Комплексные экспедиции** проводятся большой группой студентов, магистрантов, аспирантов на территории конкретного сельского района. Для охвата всех населенных пунктов района в экспедиционном коллективе формируются исследовательские группы (4-6 человек), которые выездами на территории сельских администраций охватывают все поселения района. К декабрю 2004 годы было проведено пятнадцать комплексных экспедиций (рук. Т.К. Щеглова) на территориях пятнадцать районов: Солонешенского, Павловского, Третьяковского, Смоленского, Алтайского, Усть-Калманского, Усть-Пристанского, Тальменского, Залесовского, Заринского, Мамонтовского, Кытмановского, Зонального, Бийского, Чарышского.

Тематические экспедиции проводятся круглогодично небольшой группой (2-6 человек). Обычно они связаны с углублением выявленной в летней экспедиции научной проблемой. Например, в 1994-1995 г. были организованы выезды в Алтайский район для работы со старообрядческой поморской общиной в с.Куяча и старообрядцами белокриницкого согласия в сс. Ая и Каянча, в 1998 г. в с. Думчево Залесовского района для обследования культового памятника – срубной церкви с фресковой росписью 1915 г. Последнее время получили распространение тематические выезды аспирантов и магистрантов кафедры отечественной истории в соответствии с научными темами: по изучению этнографических групп русского населения Алтайского края (рук. Б.Б, Пушкарев: Поспелехинский район, август 2003, Целинный, июль 2003, Кулундинский, октябрь, 2003, Каменский, май 2003, 2004, Шипуновский, июль 2004 и др), по изучению мордвы Алтайского края (рук. М.А. Овчарова: Залесовский, август 2003, март 2004.), по изуче-

нию коллекций муниципальных музеев (рук. Грибанова Н.С.: Третьяковский, август, 2004, Усть-Калманский, август, 2003 г., Заринский, май 2003 г., Мамонтовский, апрель, 2003 г. и другие).

Стационарная работа ведется в Барнауле. Например, по заказу администрации Барнаула в 1991 году с целью выявления границ захоронений на месте расстрелов репрессированных в 1930-е годы проводился опрос жителей правобережья р.Барнаулки (район тюрьмы), бывших заключенных и сотрудников тюрьмы.

Научными результатами реализации программы является издание двух серий:

1. **«Очерки истории и культуры района»** с проведением порайонных краеведческих конференций. Название сборников, которые выпускает районная администрация обусловила историчность материалов. В них выносятся не современные административно территориальные границы, а географическая маркировка: «Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры» (Залесовский район), «Нижнее Причарышье ...» (Усть-Пристанский), «В предгорьях Алтая ...» (Алтайский), «Нижнее Причумышье ...» (Тальменский). Ограничить историю и этнографию районов современными административными границами невозможно. У истории свое районирование. Самостоятельными разделами публикуются материалы по этнографии и устной истории данного района [11].

2. **Этнография Алтая и сопредельных территорий.** (периодичность издания 1 раз в 2 года начиная с 1994 г). В 2003 г. прошла 5-я международная конференция «Этнография Алтая и сопредельных территорий». На ней обсуждался широкий круг проблем всех народов Алтая и сопредельных территорий: культурные традиции современных народов Алтая и Центральной Азии в прошлом и настоящем, взаимовлияние и взаимодействие этнических и этнографических групп: проблемы трансформации традиционной культуры и т.д. [12]

Самостоятельным результатом исследовательской работы является подготовка студентами публикаций по материалам историко-этнографических экспедиций, с введением в научный оборот новых источников. За последние годы было издано по материалам полевых исследований более 100 публикаций студентов и аспирантов, в т.ч. и в изданиях ежегодных форумов: «Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция» (РАЭСК), «Международная научная студенческая конференция» (МНСК) и др.

Библиография:

1. Основные публикации Щеглова Т.К. Методика сбора устных исторических источников // Школьное краеведение. Москва, 1993. С. 3 — 24; Она же Щеглова Т.К. Значение устных источников для изучения истории исчезнувших сел // Проблемы устной истории в СССР. Киров, 1991. С. 38 — 44; Она же Устная история как объект краеведческой деятельности // Проблемы устной истории и современность. Калиниград, 1992. С. 17 — 21; Она же Очерки по истории крестьянства, раскрестьянивания и традиций селообразования в XX столетии, по устным источникам // В предгорьях Алтая. Очерки истории и культуры / Науч. ред. Щеглова Т.К. Барнаул - Алтайское. С. 150-165.; Она же История разрушения православных церквей в 1930-е годы на Алтае: комплексное использование устных исторических источников // Краеведческие записки. Вып. 5 / Комитет адм. Алтайского края по культуре и туризму, Алт. гос. краевед. Музей. – Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2003. С.125 – 137; Она же Устная история как источник и метод исследований сибирской деревни XX столетия // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб.науч.тр.Ч.I. Омск: Из-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2004. С.23-29; Она же Значение устной истории в изучении сознания русского населения Алтая // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (к юбилею профессора Е.И. Соловьевой): Материалы региональной научно-практической конференции (Новосибирск. 15-16 апреля 2004 г.) Новосибирск, 2004. С. 173-176; Она же Устная история как источник исследования сибирской деревни //Сибирская деревня: проблемы истории: Сб.науч.трудов / Под. ред. чл.-кор. РАН В.А. Ламина / Новоси.гос.ун-т. Новосибирск, 2004. С. 142-154; Она жеДеревня Солонешенского района в XX в.: устная история (ихз опыта устноисторического анализа)// Солонешенский район: Очерки истории культуры/ Щеглова Т.К.(науч.ред.)Барнаул, 2005. С.110-144) и другие.

2. Дрожецкий Д.А. Комплексное использование источников в изучении истории населенных пунктов Алтайского края (на примере с. Барнаульского) // Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина: Сборник научных статей / Под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2004. С. 60-68; Дрожецкий Д.А. Реконструкция архитектурной среды села по устным источникам // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Материалы XLIV Региональной (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. - Кемерово, 2004. С. 303-304; Дрожецкий Д.А. Роль устной истории в изучении восприятия партий-

но-государственных лидеров в городской среде // Материалы XLI международной научной студенческой конференции"Студент и научно-технический прогресс".: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2003. Ч. 2. С. 127-129; Дрожецкий Д.А. Устная история: Этика взаимоотношения респондента и интервьюера в международной практике // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (к юбилею профессора Е.И. Соловьевой). Новосибирск, 2004 С. 291-294; Дрожецкий Д.А. Распространение эпидемий и народные способы борьбы с ними на Алтае во второй половине XIX – первой половине XX веков // Культура Сибири и сорпельных территорий в прошлом и настоящем: Материалы Всероссийской (с международным участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых ученых. Томск, 1-3 апреля 2003. Томск: изд-во ТГУ, 2003. С.338 – 340; Дрожецкий Д.А. Нормативная база устноисторических исследований США и Великобритании // Материалы XLII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. Ч.1. Новосибирск, 2004. С.94-96.

3. Кидяева Г.В. Православие в крестьянской среде Бийского Приобья в XX в.: по материалам этнографической экспедиции 2002 г. Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Материалы Всероссийской (с международным участием) 43 археолого – этнографической конференции молодых ученых. Томск, 2003; Кидяева Г.В. Роль устной истории в изучении православия русских крестьян Алтая XX в. // V конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. /Отв. ред. В.А. Тишков. - М., 2003. с. 80-81; Кидяева Г.В. Этнонациональный состав населения Зонального района в 1940-е – 1950-е гг. //Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул, 2003. – с. 254–261; Кидяева Г.В. Развитие образования на территории Зонального района в конце XIX в. – 1940-х гг. Зональный район: история, люди и судьбы. с. 516-522; Кидяева Г.В. Журнал «Сибирский старообрядец» как памятник издательского дела и исторический источник //Сохранение изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы регион. науч.-практ. конф. Вып. 13. Барнаул, 2003. с. 199-205; Кидяева Г.В. Периодическая печать Алтая в 1920-е гг.: к новому прочтению источников //История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (к юбилею профессора Е.И. Соловьевой): Мат-лы Регион. науч. – практ. конф. /Под ред. В.А. Зверева. – Новосибирск, 2004. – с. 203-206.

4. Щеглова Т.К Внутреннее убранство избы алтайских крестьян в I-й половине XX в.: по полевым исследованиям 1993 — 1995 гг. // Этнография Алтая. Барнаул, 1996. С. 93 — 105; Щеглова Т.К Каменная и

деревянная архитектура купцов-чуйцев в притрактовых селах // Проблемы историко-культурного наследия Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, СО Академия архитектуры и строительных наук, 1997. С. 28 — 31; Щеглова Т.К «Избяная литургия». Традиционная жилищно-строительная культура крестьян-старожилов предгорного Алтая (по материалам экспедиций) // Алтайский сборник. Вып. XVIII. Барнаул, 1997. С. 253 — 279; Щеглова Т.К Сельская домовая резьба Алтайского края кон. XIX — превая половина XX столетия // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 48 — 51. С. 77 — 87; Щеглова Т.К Современное состояние и бытование жилищно-строительных традиций и обрядности крестьянского двора // Сибирь в панораме тысячелетий. Т.2. Новосибирск, 1998. С. 522-533; Щеглова Т.К Культура и быт сибиряков - старожилов (до второй половины XIX века) § 21-22 // История культуры Алтая: Учебное пособие. Ч.I. С. 98-108; Взаимовлияние культурных традиций старожилов и новоселов // Сибирь в панораме тысячелетий. Т.2. Новосибирск, 1998. С.125-130; Щеглова Т.К. «Народная этнография»: представления об этнокультурных и этносоциальных группах в современной деревенской среде // Этнография Алтая и современных территорий. Вып. 4./ Под ред. Демина М.А., Щегловой Т.К., Барнаул, 2001. С. 35 — 44; Щеглова Т.К Традиции, приметы и верования в крестьянском зодчестве и жилищно-бытовой культуре // Этнография Алтая и современных территорий. Вып. 4./ Под ред. Демина М.А., Щегловой Т.К., Барнаул, 2001. С. 35 — 44.. С. 125 — 131; Щеглова Т.К. Санитарно-бытовая культура и традиции личной гигиены сельского населения Алтайского края в 1920 – 1930-е г.// Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы междунар. научно-практ. конф. Вып. 5. / Под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. –Баранул: Изд-во Барнаульского гос.пед.ун-та, 2003. С. 154-164; Щеглова Т.К. Телеутское население Нижнего и Среднего Причумышья Алтайского края по устным историческим источникам 1996-2002 гг.: идентификация и интерпритация // Центральная Азия и Сибирь: Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда, 14 мая 2003 г. Барнаул: Из-во «Аз Бука», 2003. С. 258 – 268; Щеглова Т.К. Крестьянское общество и семья при «единаличной жизни»: этнокультурный фактор в социальной стратификации 20-х г. XX в. (по устным историческим источникам) // Алтайский сборник. Вып. 21 / Ком.адм. края по культуре и туризму, Алт. отделение Российского фонда культуры, Алт краевед. ассоц. [Редкол.: Скубневский В.А. (отв.ред.)] . Барнаул, 2004 С.51-67; Щеглова Т.К. Очерки по сельской архитектурно-застроечной среде, жилищно-бытовой и сакрально-художественной культуре Среднего Причумышья // Залесовское Причумышье: Очерки истории и

культуры / Т.К. Щеглова (науч.ред.). Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. С. 118-157 и другие.

5. Овчарова М. Состояние и сохранность традиционной культуры мордвы в селах Залесовского района / М.А. Овчарова, П.В. Проскуряков // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2001. – С. 308-312; Овчарова М.А. Адаптация производственных (трудовых) традиций мордвы-переселенцев Залесовского Причумышья // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем (Материалы Всероссийской (с международным участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых ученых). Томск, 1-3 апреля 2003 г. – Томск, 2003. – С. 366-368; Овчарова М.А. Мордва Алтайского края: самосознание и самоидентификация / М.А. Овчарова, Т.К. Щеглова // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск, 2004; Овчарова М.А. Похоронный обряд мордвы Алтайского края на рубеже XX-XXI вв. // Материалы XLII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2004. – С. 115-117; Овчарова М.А. Мордва Залесовского Причумышья по Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (к юбилею профессора Е.И. Соловьевой). Новосибирск, 2004; Овчарова М.А. Свадебная обрядность мордвы Залесовского Причумышья (по материалам исследований 1998-2003 гг.): традиции и новации // Алтайская деревня во второй половине XIX - начале XX в. Вып. 2. Барнаул, 2004. – С. 119-131.

6. Грибанова Н.С. Полотенца русских крестьянок в собрании историко-краеведческого музея БГПУ // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2001. С. 233-244; Грибанова Н.С. Кустарные промыслы и трудовые традиции населения Зонального района в конце XIX – первой половине XX вв. // Зональный район: история, люди, судьбы. Барнаул, 2003. С. 271-289; Грибанова Н.С. Методика описания орнаментированного полотенца как музейного предмета // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2003. С. 262-264; Грибанова Н.С. Традиции использования полотенец русским населением Алтая во второй четверти XX в. // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск, 2003. С. 335-337; Свадебные полотенца русского населения Алтая первой половины XX в.: традиции изготовления // Культурологические исследования в Сибири. Омск. № 2004.

7. Пушкарев Б.Б. Психологический аспект во взаимоотношениях этнографических групп на территории Алтайского края в первой трети

XX века // Историко-культурное наследие северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Сб. ст. - Барнаул, 2001. С. 523 – 525; Пушкарев Б.Б. Психологический фактор во взаимоотношении этнографических групп на территории Алтайского края в первой трети XX века // Историко-культурное наследие Северной Азии. Сб. ст. - Барнаул, 2001. С. 121 – 127; Пушкарев Б.Б. Взаимоотношения этнографических групп населения Алтайского края в конце XIX – начале XX вв. // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока (Материалы XLII РАЭСК). - Омск, 2002. С. 522 – 524; Пушкарев Б.Б. Роль «устной истории» в изучении этнографических групп конца XIX – начала XX вв. // V Конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня. Тезисы докладов. – М.2003; Пушкарев Б.Б., Пивоварова Е.В. Крестьянское общество и власть: отношение к партийным и государственным лидерам советского периода в современной сельской среде // Деловой вестник, № 40 (98), 17 октября 2002 г.; Пушкарев Б.Б. Самосознание этнографических групп на примере представлений о кержаках и вятских // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем (Материалы 43 РАЭСК). – Томск 2003.

8. Семикин С.А. Миграционный фактор в планировке и застройке с. Шубенка Зонального района Алтайского края (по полевым исследованиям 2002 г.) // Материалы XLI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография. Новосибирск, 2003. – С. 122-123; Семикин С.А. Проблемы классификации планировки и застройки сельских населенных пунктов в отечественной этнографии // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Материалы XLIV Региональной (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых / Отв. ред. В.В. Бобров. - Кемерово, 2004. – С. 358-360; Семикин С.А. Традиции планировки и застройки сел Зонального района // Зональный район: история, люди и судьбы / Научн. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул, 2003. – С. 261-271; Семикин С.А. Традиции планировки и застройки сельских населенных пунктов Кытмановского районов на примере сел Сунгай и Тяхта // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы регион. научн.-практич. конф. / Отв. ред. М.А. Демин, Т.К. Щеглова. – Барнаул, Изд-во БГПУ, 2003. Вып. 13. - С. 209-214; Семикин С.А. Традиции планировочной структуры сельских поселений Кулундинского района Алтайского края (по материалам ИИЭ- 2004 г.) // Материалы XLII Международной научной сту-

денческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография. Новосибирск, 2004. – С. 150-151.

9. Демина О.С. Свадебная обрядность украинцев Алтайского края: традиции и новации // Материалы XLII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография. Новосибирск, 2004. С.141-143; Демина О.С. Свадебная обрядность украинцев-переселенцев Алтайского края в районах локального и дисперсного проживания // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (к юбилею профессора Е.И. Соловьевой): Материалы региональной научно-практической конференции (Новосибирск. 15-16 апреля 2004 г.) Новосибирск, 2004. С. 280-283; Демина О.С.

10. Голяшова А.А. Семья и семейное воспитание 1920 – 1930 гг.: по материалам экспедиции на территории Зонального района Алтайского края // Материалы XLI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография. Новосибирск, 2003. С. 81-82; Голяшова А.А. Семья и семейная обрядность крестьян-переселенцев на территории Бийского Приобья Зонального района в XX столетии / А.А. Голяшова, Е.В. Пивоварова, Л.Н. Высоцкая, Т.К. Щеглова // Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул: Управление архивного отдела администрации Алтайского края, 2003. С. 289-310.; Голяшова А.А. Использование детского труда в крестьянских семьях в первой половине XX века // Традиционные культуры и общества Северной азии (с древнейших времен до современности): Материалы XLIV (44) Региональной (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. (Кемерово, 31 марта–3 апреля 2004 г.). Кемерово, 2004. С.301-303; Голяшова А.А. Немецкое население Бийского района Алтайского края: условия, факторы, пути формирования (1940-е г.) // Материалы XLII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. Ч.2. Новосибирск, 2003. С. 60-62; Голяшова А.А. Межнациональные взаимоотношения, взаимовлияние и взаимопроникновение культур на Алтае (40-е г. XX в.) // Россия-Германия: диалог культур взаимопонимание наций: Мат.межд.научно-практ. конфернеции (Барнаул 22 апреля 2004 г.) / Ред.кол. А.С. Кондыков (гл.ред) и др. – Барнаул: изд-во АГИИК, 2004. С. 69-70.

11. Города и села Алтайского края: историческое наследие. Павловский район. Павловск, 1993; Нижнее Причумышье: очерки истории и культуры / Степанская Т.М., Щеглова Т.К. (науч.ред.). Барнаул — Тальменское, 1997. 280 с. ил. 29,4 у.п.л.; В предгорьях Алтая. Очерки

истории и культуры.»/Науч.ред. Щеглова Т.К. Барнаул-Алтайское, 1998. 35 у.п.л.; Нижнее Причарышье. Очерки истории и культуры» / Науч.ред. Щеглова Т.К. Барнаул — Усть- Пристань, 1999. 136 ., илл. 16,5 у.п.л.; Павловский район: Очерки истории и культуры. Ред.: Т.К. Щеглова (науч.ред.). Барнаул — Павловск, 2000. 338 с.: илл. 21 у.п.л.; Нижнее Причумышье. История и судьбы / Под ред. Г.А. Кубриной, Т.К. Щегловой и др. Барнаул, 2001. 320 С.; Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул: Управление архивного отдела администрации Алтайского края, 2003. Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры / Науч.ред. Т.К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. 532 с.; Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб.науч.-прак.маткериалов // Науч.ред.Т.К.Щеглова. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. 532 с.: ил.

12. Этнография Алтайского края. Барнаул, 1994; Этнография Алтая / Щеглова Т.К. (ответ.ред.) Барнаул, 1996. 239 с. илл. 15 п.л.; Этнография Алтая и сопредельных территорий/ Демин М.А., Щеглова Т.К. (ответ.ред.) Барнаул, 1998; Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы научно-практической конференции. Вып.4. / Под ред. Демина М.А., Щегловой Т.К. Барнаул: Изд-во Барнаульского педуниверситета, 2001.334 с.; Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы междунар. научно-практ. конф. Вып. 5. / Под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. –Барнаул: Изд-во Барнаульского гос.пед.ун-та, 2003. 324 с.

Литература и источники

Абдулганеев М.Т. О компонентах сложения быстрянской культуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 285-287.

Абдулганеев М.Т. Поселение скифского времени лесостепного и предгорного Алтая. Дис... канд. ист. наук в форме научного доклада. Барнаул 1996 а. С.11 - 13.

Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Статистическая обработка керамики поселений раннего железного века лесостепного и предгорного Алтая // Проблема хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 115-117.

Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6-2 вв. до н.э. Барнаул, 1997. 148 с.

Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрянской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 143–155.

Абрамова З.А., Гречкина Т.Ю. Об охоте и охотничьем вооружении в позднем палеолите Восточной Сибири // Каменный век. КСИА, вып. 181. М., 1985. С. 44-49.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991. 200 с.

Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. 392 с.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. – Новосибирск, 1997. - 148 с.

Гаврилова А.Л. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965. 113 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск, 1992. 408 с.

Герасимов М. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные). Результат работ 1928/29 г. Иркутск, 1931. 34 с.

Горбунов В.В. Погребение IX-X вв. на р. Чумыш // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 86-87.

Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плесы-II) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 156-166.

Горбунов В.В., Исупов С.Ю. Предметы вооружения монгольского времени из окрестностей Бийска // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 135–143.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Часть I. Древний Алтай. Пособие для учителя. Барнаул, 1997. 160 с.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Часть I. Древний Алтай. Пособие для учащихся. Барнаул, 1997. 300 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. № 48. М.-Л., 1956. 160 с.

Демин М.А., Ситников С.М. Археологические исследования на правом берегу Гилевского водохранилища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 94-99.

Демин М.А., Ситников С.М. Некоторые результаты археологических раскопок поселения Чекановский Лог-1 // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 25-37.

Демин М.А., Ситников С.М. Поселение Чекановский Лог-1 – новый памятник эпохи поздней бронзы юго-западного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии № 3. Горно-Алтайск, 1998. С. 43-53.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. 496 с.

Евдакимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 2002. 138 с.

Завьяловский район. История. События. Люди. Барнаул, 2000. С. 20-35.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988. 186 с.

Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 6–27.

Иванов Г.Е. Поселение эпохи поздней бронзы Крестьянское-4 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 99–102.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Барнаул, 2000. 160 с.

Иванов Г.Е. Керамический комплекс поселения Суслово-1 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 49-56.

Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1994. С. 56–62.

Исаенко В.Ф. Древнее рыболовство в полесье // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. Л., 1991. С. 96-106.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992. 248 с.

Кац В.И. Отчет об археологических разведках в Алтайском крае // Архив ИА РАН. Р. 1. №2289. 1961.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Андроновские находки на верхнем Чумыше // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 22-27.

Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Поселение Большой Лог 1 – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С.42-56.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Андроновская могила на памятнике Телеутский Взвоз-1 // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 40-47.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Андроновские находки на Верхнем Чумыше // Актуальные проблемы Сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 22.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ. М., 1948. Вып. 17. С. 59–164.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. М., 1966. 150 с.

Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть-Васиха 2 на Верхнем Чумыше // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 39-54.

Кунгуров А.Л., Лузин С.Ю. Андроновские памятники в окрестностях с. Победа // Проблемы сохранения и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 42-43.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Палеолит Салаирского кряжа // Древности Алтая. №9. Горно-Алтайск, 2002а. С. 3-18.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Палеолит Юго-Западного и Южного Присалаирья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т.VIII. Новосибирск, 2002б. С. 103-110.

Кунгуров А.Л. Андроновские поселения восточных районов Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 13–24.

Кунгуров А.Л. Верхний палеолит предгорий Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 16–18.

Кунгуров А.Л. Итоги изучения каменного века Алтая в Алтайском госуниверситете // Актуальные проблемы Сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 22–27.

Кунгуров А.Л. Культуры палеолита-мезолита Северного Алтая // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 22–24.

Кунгуров А.Л. Материалы эпохи поздней древности, раннего и развитого средневековья с поселенческих комплексов Верхнего Приобья // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С. 54–62.

Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть-Васиха 2 на Чумыше // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 39-54.

Кунгуров А.Л. Неолит верхнего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 98-104.

Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул, 1993. 89 с.

Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Куюк 5 на Чумыше // Изучение памятников археологии Алтайского края. Часть II. Барнаул, 1995. С. 3-7.

Кунгуров А.Л. Палеолитические находки в предгорьях Алтая // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987. С. 66-69.

Кунгуров А.Л. Памятники железного века верхнего Причумышья (по материалам краеведческого музея с. Победа) // Алтайский сборник. Барнаул, 1997. Вып. XVII. С. 221-240.

Кунгуров А.Л. Погребальные комплексы быстрянской культуры на Чумыше // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 114-117.

Кунгуров А.Л. Работы Бийского отряда // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987. С. 68-70.

Кунгуров А.Л. Реконструкция погребального обряда и предметов материальной культуры грунтового могильника монгольского времени у с. Усть-Алейка // Материальная культура и проблемы археологических реконструкций. Новосибирск, 1991. С. 161–168.

Кунгуров А.Л. Три палеолитические коллекции из фондов АККМ // Алтайский сборник. Вып. XVII. Барнаул, 1993. С. 54-58.

Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Случайные находки с Верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победа) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 111–126.

Кунгуров А.Л., Лузин С.Ю. Андроновские памятники в окрестностях с. Победа // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 42-43.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. К вопросу о сборах на галечных отмелях рек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 89-92.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Палеолит Салаирского кряжа // Древности Алтая. Вып. IX. Горно-Алтайск, 2002. С. 3–18.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Палеолитические памятники среднего Причумышья // Изучение памятников археологии Алтайского края. Часть II. Барнаул, 1995. С. 15-21.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Палеолитические памятники Среднего Причумышья // Сохранения и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. С. 15 - 20.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Палеолитическая стоянка Точка 2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул. С. 86 - 88.

Кунгурова Н.Ю., Ситников С.М. Материальная культура древних жителей поселения Советский Путь-1 // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. № 4. С. 46-53.

Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С. Орудия металлообработки эпохи бронзы // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 76-79.

Лузин С.Ю. Андроновское поселение на оз. Горином // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 56-58.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. 191 с.

Малолетко А.М. Палеогеография предалтайской части Западной Сибири в мезозое и кайнозое. Томск, 1972. 230 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. 336 с.

Маркин М.М. Новые археологические памятники верхнего течения реки Чумыш // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2000. С. 91 - 95.

Маркин М.М., Папин Д.В. Керамический комплекс местонахождений верхнего течения р. Чумыш // Сохранении и изучение культурного наследия Алтайского края. Выпуск XII. Барнаул, 2001. С. 153-157.

Маркин М.М., Папин Д.В. Керамический комплекс местонахождений верхнего течения р. Чумыш // Сохранение и изучение культур-

ного наследия Алтайского края. Выпуск XII. Барнаул, 2001. С. 153-157.

Маркин М.М., Платонова С.Г. Поповинская Гора-1 – памятник эпохи камня Кивдинской гряды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул, 2000. С. 74-76.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 181 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998. 417 с.

Матющенко В.И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Часть 4. Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Вып. 12. Томск, 1974. 196 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине - второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.

Могильников В.А., Уманский А.П. Курган раннего железного века на Чумыше // Археология Сибири, Средней Азии и Кавказа: КСИА. Вып. 167. С. 80-86.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сросткинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 163-191.

Окладников А.П. Верхоленский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1978. 288 с.

Палеолит костенковско-борщевского района на Дону. 1879-1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л., 1982. 286 с.

Палеолит СССР. М., 1984. 384 с.

Памятники истории и культуры северо-западного Алтая. Барнаул, 1990, С. 102-103.

Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б. Материалы эпохи поздней бронзы из южной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул, 2000. С. 152-155.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985. 386 с.

Пугачев Д.А., Запрудский С.С., Кирюшин К.Ю. Материалы к археологической карте Ребрихинского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул 2003. С.103-107.

Ситников С.М., Гельмель Ю.И. Материалы поселения Новоильинка-1 и некоторые проблемы относительной хронологии андроновских памятников Алтая // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 60-65.

Ситников С.М. Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-1 // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 71-84.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. 162 с.

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане // МИА. М.-Л., 1962. 207 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 194–200.

Ткачев А.А. Периодизация и хронология алакульских памятников Центрального Казахстана. Караганда, 1987. С. 25–35.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень, 2002а. Ч.1. 289 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень, 2002б. Ч.2. 243 с.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А., Винокурова Е.И., Лысенко Ю.А. Охранные раскопки поселения Меновое в Восточном Казахстане // Сохранение и использование культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. С. 130-134.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 125 с.

Удодов В.С. О некоторых особенностях керамического комплекса поселения Переезд // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991а. С.74-76.

Уманский А.П. Археологические памятники долины р. Чумыша // Известия Алтайского отдела Географического общества Союза ССР. Барнаул, 1965. Вып. 5. С. 211-215.

Уманский А.П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 г. // Краеведческие записки. Барнаул, 1999. Вып. 3. С. 83-99.

Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 136-150.

Уманский А.П. Новые памятники андроновской культуры на Алтае // ИЛАИ. Вып. 1. Кемерово, 1967. С. 96-100.

Уманский А.П. Три находки кыргызского времени в Алтайском крае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 128–137.

Уманский А.П., Горбунов В.В. Реконструкция вооружения воинов верхнеобского правобережья в IV-V вв. н.э. // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 161-165.

Уманский А.П., Ситников С.М. Керамические комплексы поселения Новоильинка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии № 1. Горно-Алтайск, 1995. С. 46-53.

Фролов Я,В., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Горелый Кордон-1 первое поселение переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на юге Кулунды // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 135-139.

Фролов Я.В., Ведянин С.Д., Изоткин С.Л. Комплекс древних поселений - Горелый Кордон // Михайловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 1999. С.66-69.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. 190 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. М.-Л., 1960. № 88. 276 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989. 320 с.

Черныш А.П. Поздний палеолит среднего Приднестровья // Палеолит среднего Приднестровья. Труды КИЧП. Вып. XV. М., 1959. С. 5-214.

Шамшин А.Б., Папин Д.В., Мерц В.К. Исследования поселений эпохи поздней бронзы в Южной Кулунде // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. II. Барнаул, 2000. С. 5-20.

Шамшин А.Б., Цивцина О.А. Взаимодействие носителей культур эпохи поздней бронзы в Алтайском Приобье (по материалам поселения Фирсово-XVIII) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Томск, 2001. С. 213–217.

Шамшин А.Б., Брусник Н.Д. Новые материалы эпохи поздней бронзы из Кулунды // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 49-51.

Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., Ситников С.М. Поселение Жарково-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2002. Вып. 4. С. 106-113.

Ширин Ю.В. Новые исследования многослойного памятника Степной Чумыш-2 // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. С. 122-129.

Сокращения

АККМ - Алтайский краевой краеведческий музей.

БГПУ - Барнаульский государственный педагогический университет.

ГХМАК - Государственный художественный музей Алтайского края.

ИА РАН - Институт археологии Российской академии наук.

ИЛАИ - Известия Лаборатории археологических исследований.

ИЭиА СО РАН - Институт этнографии и археологии Сибирского отделения Российской академии наук.

КСИА - Краткие сообщения Института Археологии.

ЛИК БГПУ - Лаборатория исторического краеведения Барнаульского государственного педагогического университета.

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.

МЭЭ БПГУ - Материалы этнографических экспедиций Бийского педагогического государственного университета.

Тр. ГИМ - Труды Государственного исторического музея.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

А.Л. Кунгуров
Археологические памятники и находки Целинного района 5

М.М. Маркин
Некоторые материалы к археологической карте
Целинного района 42

М.М. Маркин, Р.В.Белоусов
Поселения раннего железного века верховий Чумыша
(Ельцовский район Алтайского края) 55

М.А. Демин, С.М. Ситников
Новые материалы андроновской культуры из Целинного района .. 66

А.И. Кукушкин, Р.В. Белоусов
К археологической карте Целинного района 79

Р.В. Белоусов
Поселение Манжиха 4 по раскопкам 2004 года 93

А.И. Кукушкин
Новые памятники эпохи раннего железного века на р. Чумыш 99

А.Н. Телегин
Пятый год раскопок курганной группы Объездное-1 104

А.А. Ветров, А.М. Соколов
Новое поселение в археологическом микрорайоне Раздумье 109

А.С. Федорук, А.Б. Шамшин, Г.Е. Иванов, О.А. Цивцина, С.С. Раиткин
Памятники эпохи бронзы Кулунды (по материалам разведки
2004 года) 113

Г.Е. Иванов, Н.Н. Исаев
Новые данные о некоторых памятниках эпохи бронзы в верховьях
р. Барнаулки (по результатам работ 2003 2004 гг.) 117

С.С. Запрудский
Археологическая разведка в Ребрихинском районе в 2004 году 122

Н.Г. Паньшина
Особенности «полевой» работы в рамках специфики деятельности отдела традиционной русской культуры ГХМАК (по материалам экспедиции 2004 года в Ельцовский район Алтайского края) 124

И.И. Назаров
Этнограф и инсайдер: особенности и некоторые результаты полевой работы в условиях «материнской культуры» 129

Б.Б. Пушкарев
Исследование этнографических групп восточнославянского населения (конца XIX – начала XX вв.) в Каменском, Чарышском и Шипуновском районах.....132

И.В. Куприянова
Садовские старообрядцы как историко-культурный феномен 135

Н.С. Грибанова
Полотенце в культуре старожилов и переселенцев Алтая (итоги полевых исследований в Чарышском и Третьяковском районах) ..141

С.А. Семикин
Исследование застройки и планировки сёл Чарышского района ...146

М.А. Овчарова
Полевые исследования мордовского населения Алтайского края (Залесовский район 2004 г.) 148

Г.В. Кидяева
Устные источники по истории Чарышского района в XX в. 152

Е.А. Болотова
Проблема третьего пола: по материалам исследования русского населения Чарышского района Алтайского края 157

Е.Ю. Павлова
Развитие художественных промыслов в Республике Алтай: опыт реализации программ возрождения национального декоративно-прикладного искусства 159

Е.А. Бельгибаев
Традиционная духовная и обрядовая культура туба (по итогам полевых этнографических исследований) 161

Е.В. Самушкина
Современные праздники республики Алтай (по материалам Эл Ойына) 164

А.И. Тюменин
Национальная идеология и структура автостереотипов тюркских народов Саяно-Алтая 166

Т.К. Щеглова
Сектор этнографии и устной истории лаборатории исторического краеведения Барнаульского государственного педагогического университета (ЛИК БГПУ): итоги и перспективы 169

Литература и источники 182

Сокращения 190

Научное издание

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ И НА АЛТАЕ (археология, этнография, устная история) 2004 г.

Материалы региональной научно-практической конференции

9–11 декабря 2004 г.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

Верстка И.В. Шаповалов
Дизайн обложки Н. Л. Васильева

Подписано в печать 20.06.2005
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс Нью Роман
Заказ 504. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии
Некоммерческого партнерства «Аз Бука»
Лицензия на полиграфическую деятельность
ПЛД №28-51 от 22.07.1999 г.
г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 62-91-03, 62-77-25
E-mail: azbuka@rol.ru